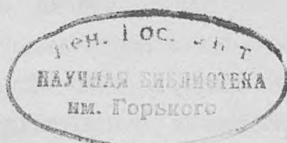
КНЯЗЬ А. М. КУРБСКІЙ.

Сочиненіе

З. ОПОКОВА.

КІЕВЪ.

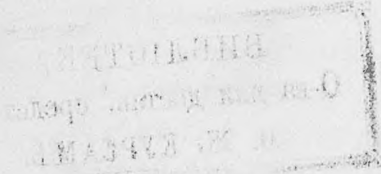
—

Въ Университетской Типографіи.

1872.

Оттискъ изъ Университетскихъ Извѣстій 1872 г.
Печатано по опредѣленію Совѣта Университета Св. Владиміра.

КНЯЗЬ А. М. КУРБСКІЙ.

Въ числѣ многихъ замѣчательныхъ дѣятелей нашей отечественной исторіи личность князя Андрея Михайловича Курбскаго занимаетъ далеко не послѣднее мѣсто. Эта личность рѣзко выдается изъ уровня массы, какъ по особенностямъ своей судьбы, такъ и по тому историческому значенію, какое въ настоящее время ей приписываютъ, и какое безспорно ей принадлежитъ.

Жизнь Курбскаго въ общемъ очеркѣ болѣе или менѣе извѣстна всякому, занимающемуся отечественною исторіею, и я не обѣщаю прибавить къ его біографіи ничего новаго. Но дѣло вотъ въ чемъ. До сихъ поръ въ нашихъ ученыхъ трактатахъ о Курбскомъ слишкомъ много обращалось вниманія на одни явленія въ его жизни; тогда какъ другія явленія тоже существенной важности отодвигались на второй планъ, или совершенно опускались изъ виду. Оттого личность Курбскаго представлялась намъ далеко не въ томъ видѣ, какой она имѣетъ въ дѣйствительности.

Такъ напримѣръ жизнь Курбскаго въ Литвѣ, по описанію нѣкоторыхъ историковъ, представлялась рядомъ сумазбродныхъ, возмутительныхъ явленій какой-то дикой, безалаберной натуры. »Случалось, что Курбскій съ толпою вооружонныхъ слугъ врывался во владѣнія недруга, жегъ, грабилъ и убивалъ людей..... изъ желанія корысти, имѣя въ виду только грабежъ и разбой« (Горск. стр. 160). Между тѣмъ какъ это дѣло объясняется совершенно иначе. Курбскій далеко не былъ ни грабитель, ни разбойникъ. Напротивъ, по своимъ убѣжденіямъ и по своей дѣятельности, онъ можетъ быть поставленъ на ряду съ лучшими людьми своего времени. Это заявленіе пріобрѣтаетъ большую достовѣрность,

если будутъ достаточно выяснены тѣ условія, подъ вліяніемъ которыхъ проявлялась дѣятельность Курбскаго, и которыя обыкновенно или отодвигались на второй планъ, или вовсе опускались изъ виду.

Кажется, что этимъ самымъ уже вполнѣ обозначается задача и цѣль настоящаго очерка.

Нѣсколько словъ о планѣ.—Между наиболѣе спорными пунктами въ жизни Курбскаго на первомъ планѣ стоитъ вопросъ о бѣгствѣ его изъ отечества. Историки тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ бѣгство Курбскаго приписывали царскому гнѣву за проигранное сраженіе. Со временъ Соловьева, его послѣдователи этимъ не удовлетворились. Гнѣвъ царскій стали считать только благовиднымъ предлогомъ, которымъ будто-бы Курбскій хотѣлъ оправдать свою измѣну; причины же бѣгства и вообще склонность къ измѣнѣ стали находить въ самомъ характерѣ Курбскаго и въ его воспитаніи. Курбскіе отличались наслѣдственнымъ нерасположеніемъ къ Москвѣ, повѣствуетъ Горскій въ своемъ сочиненіи: »Жизнь и историческое значеніе князя Андрея Михайловича Курбскаго« (стр. 31). Князю Андрею Михайловичу »въ самой ранней молодости внушена была ненависть къ московскимъ князьямъ.... воспитаніе развило въ немъ совершенное равнодушіе къ тому, что понимаемъ мы подъ именемъ блага общественнаго; воспитаніе внушило ему любовь только къ самому себѣ; потому всѣ дѣйствія его запечатлѣны самымъ убійственнымъ эгоизмомъ (413).... Курбскій бѣжалъ изъ-за корыстныхъ расчетовъ, а не опасаясь за жизнь (150). Тяжела для души та убійственная холодность, съ которою онъ обдумываетъ свою измѣну (128); (особенно если имѣть въ виду, что) Іоаннъ постоянно возвышалъ его« (стр. 123). Вопросъ о бѣгствѣ Курбскаго потому самому для меня на первомъ планѣ. Для рѣшенія его я долженъ разсмотрѣть всю жизнь Курбскаго въ связи съ тѣми условіями, подъ вліяніемъ которыхъ она протекала. Особенное вниманіе я обращаю на мнѣніе Горскаго. Мнѣніе, высказанное въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ, только не полно, но оно ближе къ истинѣ. Горскій же въ своемъ сочиненіи освѣщаетъ ложнымъ блескомъ всю жизнь и дѣятельность Курбскаго. Во-первыхъ, онъ старается заподозрить патріотическую вѣрность Кубскаго до его бѣгства; во-вторыхъ, склонность къ измѣнѣ считаетъ послѣдовательнымъ явленіемъ въ его характерѣ (стр. 31). Убѣжденіе Горскаго въ сущесвтѣ дѣла не основательно. Въ своемъ очеркѣ я прежде всего обращаю вниманіе на первый пунктъ и буду стараться представить

дѣло въ томъ видѣ, какой оно имѣетъ въ дѣйствительности. Вся жизнь и дѣятельность Курбскаго на Руси, по моему мнѣнію, служитъ лучшимъ доказательствомъ того, что въ трусости и склонности къ измѣнѣ его заподозрить нельзя. Но жизнь Курбскаго на Руси не раскрываетъ намъ всей глубины его характера и природныхъ наклонностей. Пока онъ жилъ на Руси, до тѣхъ поръ мы его видимъ только какъ опытнаго полководца не болѣе. А когда онъ бѣжалъ въ Литву, то сразу встрѣтился съ такими обстоятельствами, предъ которыми онъ долженъ былъ обнаружить свой характеръ, если не вполнѣ, то въ весьма значительной степени. »Существующіе безпорядки въ Польшѣ и Литвѣ дали возможность Курбскому вполнѣ высказать свой характеръ« (Горск. стр. 158). Вслѣдствіе этого, во-вторыхъ, я предполагаю прослѣдить жизнь и дѣятельность Курбскаго въ Литвѣ и на Волыни. Предпославши эти предварительныя свѣдѣнія, я предполагаю далѣе приступить къ рѣшенію главнаго вопроса—о бѣгствѣ Курбскаго,

---

I.

Князь Андрей Михайловичъ Курбскій происходилъ отъ знаменитаго рода Мономахова. Въ изданіи Устрялова: »о жизни и сочиненіяхъ кн. Курбскаго« представлена родословная его за нѣсколько поколѣній по восходящей линіи къ Мономаху. Устряловъ останавливается на одномъ изъ князей Смоленскихъ-Ярославскихъ Θеодорѣ Ростиславичѣ Чорномъ (—1299), и отъ него ведетъ прямую нисходящую линію къ Андрею Михайловичу Курбскому. Такимъ образомъ при Іоаннѣ Грозномъ родъ Курбскихъ существуетъ уже болѣе трехъ-сотъ лѣтъ. Впрочемъ названія »Курбскій« у Θеодора Ростиславича еще не было; это встрѣчается нѣсколько позже. Первый между предками Андрея Михайловича »Курбскаго«, которому исторія приписываетъ это названіе, былъ Семенъ Курбскій, жившій въ половинѣ XV в.,—въ шестомъ колѣнѣ, начиная съ Θеодора Ростиславича Чорнаго, и за четыре колѣна до Андрея Михайловича. По свидѣтельству Герберштейна, названіе усвоено князьямъ Курбскимъ отъ ихъ родоваго наслѣдственнаго имѣнія Курбы, которые и до сихъ поръ еще находимъ верстахъ въ 15 отъ Ярославля.

Фамилія Курбскихъ вообще отличалась патріотическою вѣрностію (сказ. Курб. стр. 307, прим. 7). Время, въ которое жили и дѣйствовали Курбскіе было слишкомъ богато интригами бояръ и князей. Государствованія Василія Темнаго и особенно Іоанна Грознаго, можно сказать, переполнены описаніями этихъ придворныхъ интригъ, въ которыхъ встрѣчаемъ почти всѣ исторически извѣстныя фамиліи бояръ и князей. Одни изъ нихъ своими происками успѣли расширить свою власть до такой степени, что нерѣдко грозили своимъ могуществомъ законнымъ правителямъ государства (Иванъ Всеволожскій, Шуйскіе и мн. др.). Другіе успѣли упрочить свое значеніе тѣмъ, что сдѣлались самыми ревностными защитниками интересовъ своихъ партій. Но князья Курбскіе не заявляли никакихъ честолюбивыхъ притязаній; —они довольствовались тѣмъ скромнымъ удѣломъ, какой достался имъ отъ предковъ, не смотря на то, что княжество Ярославское со временъ Василія раздѣлено было едва не на 40 частей. Въ самую мрачную пору внутреннихъ смутъ и безпорядковъ во время малолѣтства Іоанна Грознаго, когда своеволіе бояръ не имѣло границъ, когда партіи смѣняли одна другую и безнаказанно тиранили народъ, когда слѣдовательно было самое благопріятное время, чтобы, такъ сказать, ловить рыбу въ мутной водѣ, Курбскіе при всемъ томъ имѣли возможность прославиться военными подвигами и благородными гражданскими стремленіями въ пользу установившагося, но не окрѣпшаго порядка вещей »собиранія Руси«. Таковъ частнѣе князь Андрей Михайловичь Курбскій (1528—1583). Не сохранилось никакихъ преданій о томъ, гдѣ и какъ провелъ А. М. Курбскій свою молодость, а потому съ осторожностію должно произносить приговоръ и о его воспитаніи. Мы не знали-бы даже, въ какомъ году онъ родился, еслибы онъ самъ объ этомъ не намекнулъ въ одномъ мѣстѣ, да и то случайно. Я совершенно согласенъ съ Горскимъ, что »природа не отказала Курбскому въ гибкомъ, замѣчательномъ умѣ и въ блестящихъ дарованіяхъ« (стр. 24). Его сочиненія вполнѣ подтверждаютъ эту мысль. Но справедливость требуетъ сказать о Курбскомъ гораздо болѣе.

Съ молодыхъ лѣтъ и до самой глубокой старости онъ обнаруживалъ удивительную наклонность и любовь къ научному образованію. Этихъ двухъ качествъ совершенно достаточно для того, чтобы поставить Курбскаго на ряду съ лучшими людьми своего времени. Воспитаніе Курбскаго совершилось нѣсколько при иныхъ, исключительныхъ

условіяхъ. Отечественные учители конечно не могли удовлетворить пытливости его ума. Самъ Курбскій передаетъ одинъ такой случай. Когда ему понадобилось отыскать человѣка болѣе или менѣе отчетливо знающаго славянскій языкъ, то монахи, представители всей учености въ свое время, »отрекошася.... отъ того достохвальнаго дѣла; мірстіи не восхотѣша, объяты будучи суетными міра сего« (Акт. врем. ком. т. II стр. 311). Допустимъ даже, что кто-нибудь и нашелся-бы для подмоги Курбскому въ его образованіи, по помощь эта была-бы далеко не такова, какой требовала натура Курбскаго. Онъ самъ по богатству дарованій превзошелъ-бы любаго учителя. Учители того времени, сами монахи, могли только монаховъ и воспитывать, но нисколько не людей образованныхъ въ болѣе широкомъ смыслѣ слова. Литература свѣтская того времени была до крайности бѣдна, литература духовная сама по себѣ давала слишкомъ одностороннее направленіе. При такихъ незавидныхъ условіяхъ Курбскому предстояла необходимость ограничиться кругомъ монашескаго образованія; изъ Курбскаго можетъ быть вышелъ-бы лишній экземпляръ порядочнаго моралиста, если не проповѣдника. Но на этотъ разъ судьба его пожалѣла. Онъ встрѣтился съ единственнымъ представителемъ тогдашней образованности, около котораго группировались всѣ лучшія силы того времени, Максимомъ Грекомъ (Руск. общ. дѣят. ч. 2, стр. 1, 2; Сказ. Курб. 269); сразу почуялъ отъ него вѣяніе какой-то высшей плодотворной силы, и съ раннихъ лѣтъ возблагоговѣлъ предъ его умомъ и образованіемъ. Нѣтъ сомнѣнія, что Максимъ Грекъ, если не былъ учителемъ Курбскаго въ подлинномъ смыслѣ слова, то былъ для него руководителемъ вообще и имѣлъ на него громадное вліяніе. И дѣйствительно Курбскій даетъ намъ замѣтить, что Максимъ былъ для него авторитетомъ во всю жизнь, онъ (Курбскій) всегда дорожилъ каждымъ его наставленіемъ, каждымъ его словомъ (Акт. врем. комм. т. II, стр. 311—313, 308; Сказ. Курб. стр. 39—41 и др.). Максимъ первый внушилъ ему мысль о переводной литературѣ,—и Курбскій привязался къ ней всею душою. Онъ очень хорошо видѣлъ на какой низкой степени умственнаго развитія стоятъ его соотечественники, чувствовалъ, что они »гладомъ духовнымъ таютъ« (Акт. стр. 310). Вслѣдствіе этого онъ постоянно считалъ своею главною задачею переводить на славянскій языкъ тѣхъ »великихъ восточныхъ учителей«, которые не были еще переведены. Живя въ Россіи, онъ не могъ этимъ заниматься, »понежъ безпрестанне обращахъся и лѣта изнуряхъ за

повелѣніемъ царевымъ« (тамъ же, 30). Но вотъ въ преклонныхъ лѣтахъ онъ нашелъ себѣ какого-то юношу »Амброжія«, и подъ его руководствомъ, пользуясь минутами досуга, изучилъ латинскій языкъ со всѣми его грамматическими и діалектическими тонкостями, и принялся за переводы греческихъ писателей (стр. 309, прим. 6-е). Такимъ образомъ личность Курбскаго имѣла всѣ данныя для того чтобы стать въ числѣ передовыхъ двигателей общественнаго образованія. Вліяніе Максима Грека дало лучшее направленіе его умственнымъ силамъ. Оно помогло ему стать во многихъ отношеніяхъ значительно выше своего вѣка. Достаточно указать на тотъ фактъ, что Курбскій свободенъ былъ отъ того предразсудка, которому поголовно подвержено было все русское дворянство, изъ-за котораго постоянно происходили между боярами ссоры и распри. Я хочу сказать, что Курбскій переросъ давнишній обычай мѣстничества (Горск. стр. 145); по крайней мѣрѣ мы не имѣемъ никакихъ основаній предполагать противное. Далѣе, уже и то весьма говоритъ въ пользу Курбскаго, что онъ не ограничился изученіемъ однихъ церковныхъ писателей, языческую мудрость не считалъ бѣсовскою; напротивъ внимательно изучалъ »естественную философію« Аристотеля и считалъ ее образцовымъ произведеніемъ, »роду человѣческому наипаче зело потребнѣйшимъ« (Акт. врем. комм. т. II, стр. 308). Не гнушался латинизма до такой степени, какъ его соотечественники, которые питали глубокое отвращеніе ко всему не русскому вообще и къ латинству по преимуществу. Напротивъ, Курбскій предполагалъ и внѣ предѣловъ своей націи хорошія стороны. Получивши первое письмо отъ Іоанна Грознаго, Курбскій отвѣчалъ, что царь постыдился-бы писать такъ нескладно, подобно неистовой бабѣ, въ чужую страну, идѣже »нѣкоторые человѣцы обрѣтаются, не токмо въ грамматическихъ и риторскихъ, но и въ діалектическихъ и философическихъ ученіяхъ искусные« (Сказ. Курб. стр. 220). Если Курбскій, занимаясь литературою, какъ дѣломъ побочнымъ, да и то лишь въ минуты досуга, оставилъ потомству такія произведенія, которыя ставятъ его на ряду съ лучшими людьми своего времени; то чего же должно было ожидать отъ него въ томъ случаѣ, еслибы онъ всецѣло посвятилъ себя наукѣ? Однако судьба готовила ему совершенно иную роль,— не въ литературѣ.

Со временъ Василія III Іоановича усиливаются опустошительные набѣги крымскихъ и казанскихъ татаръ на Россію. Хотя Казань нахо-

дилась уже въ зависимости отъ Москвы, но зависимость эта была слишкомъ непрочна. Казанскіе татары все еще были грозою для Россіи. Они собирались большими отрядами, нападали на предѣлы Россіи, производили опустошительныя разрушенія и уводили очень много плѣнниковъ. Нѣсколько разъ имъ удавалось пріобрѣтать независимость отъ Москвы. Одинъ современный историкъ повѣствуетъ, что Батый какъ молнія протекъ землю русскую, казанцы же вовсе не выходили изъ предѣловъ ея, и лили кровь христіанскую какъ воду (Ист. гос. росс. т. VIII, прим. 85). При Іоаннѣ Грозномъ было тѣмъ труднѣе удерживать ихъ въ повиновеніи, что на западѣ готова была вспыхнуть война съ сильными рыцарями Ливонскаго ордена. Въ это трудное, рѣшительное время царь Іоаннъ Грозный двадцати-лѣтняго А. Курбскаго назначилъ воеводою въ г. Пронскъ (въ нынѣшней Рязанской губерніи) для охраненія юго-восточныхъ предѣловъ Россіи (1550 г.) Гдѣ и какъ Курбскій отличился до этого—не извѣстно. Онъ является въ исторіи въ ту пору когда былъ въ званіи стольника при Іоаннѣ Грозномъ, и сопутствовалъ ему подъ стѣны Казани въ 1549 году. Должно быть въ это время онъ успѣлъ отличиться какими-нибудь военными подвигами, если Іоаннъ рѣшился вручить ему столь важное дѣло. Между тѣмъ царь Іоаннъ, будучи поставленъ въ необходимость безпрестанно вести борьбу со внѣшними врагами, спѣшилъ завести родъ постояннаго войска. Съ этою цѣлью онъ роздалъ въ окрестностяхъ Москвы помѣстья нѣкоторымъ боярамъ и дѣтямъ боярскимъ, которые обязывались, по первому призыву, являться съ своими отрядами въ военную службу. Въ числѣ боярскихъ дѣтей на долю Курбскаго досталось 200 четвертей земли. Съ этихъ поръ въ исторіи Курбскаго слѣдуетъ рядъ блестящихъ подвиговъ въ его битвахъ съ татарами. Въ 1552 году, собралось до полутораста тысячъ русскаго войска для рѣшительной битвы съ казанцами. Но въ эту пору ворвался въ Россію ханъ крымскій и уже осадилъ Тулу. Противъ него теперь и были обращены всѣ вооруженныя силы Россіи. Царь Іоаннъ съ главнымъ войскомъ остался въ Коломнѣ, въ 60 верстахъ отъ Тулы, а Курбскаго и воеводу Петра Михайловича Щенятева послалъ въ Тулу съ пятнадцатитысячнымъ отрядомъ войска. Ханъ крымскій, будучи пораженъ внезапнымъ появленіемъ рускаго войска, бѣжалъ въ степи. Но отрядъ крымцевъ, болѣе нежели въ 30 тысячъ человѣкъ, грабившій въ окрестностяхъ Тулы, не зная объ отступленіи хана, шолъ для соединенія съ нимъ. Щенятевъ и Курбскій вступили

въ битву съ этимъ отрядомъ крымскихъ татаръ. Борьба продолжалась не болѣе полутора часа »полдвѣ годипы«; но опа имѣла самый благопріятный исходъ для русскихъ. Изъ 30 тысячъ непріятелей бо́льшая половина ихъ легли па мѣстѣ, остальные или погибли въ бѣгствѣ при переправѣ чрезъ рѣчку Шиворонь, па берегахъ которой происходило сраженіе, или взяты въ плѣнъ со всѣми военными спарядами (Ист. гос. росс. т. VIII, стр. 143). Успѣху сраженія главнымъ образомъ способствовала личная храбрость Курбскаго. Но самъ онъ дорого за это поплатился,—ему изсѣкли голову, плеча и руки (Сказ. Курб. стр. 15).

Не смотря на все это, онъ недолго поправлялся. Чрезъ восемь дней Курбскій, владѣя 13-ти тысяч. (стр. 15), а по другимъ свидѣтельствамъ 30-ти тысяч. отрядомъ (Устряловъ, сказ. Курб.), посланъ былъ противъ казанцевъ вмѣстѣ съ бояриномъ Щенятевымъ. Много трудностей пришлось переиспытать отряду Курбскаго изъ-за храбрости его начальника. Курбскій повелъ его по пезнакомымъ землямъ рязанскимъ и мещерскимъ, по непроходимымъ лѣсамъ мордовскимъ, охраняя царское войско отъ заволжскихъ татаръ, терпѣлъ голодъ, холодъ, нужды и лишенія болѣе пяти недѣль. При всемъ томъ, что всего замѣчательнѣе, Курбскій ни разу не обнаружилъ ни малодушія, ни неудовольствія отъ чрезмѣрныхъ трудностей похода. Напротивъ, мы даже вотъ-что читаемъ: »черемишскій хлѣбъ сладостнѣйшій паче драгоцѣнныхъ калачей обрѣтеся; и наипаче жъ сего ради, иже подвизахомся за отечество правовѣрнаго христіанства, сопротивъ враговъ креста христова, пече же вкупѣ со царемъ своимъ: сіе было благодарнѣйши и радостнѣйши, и не чулось ни единыя нужды, другъ передъ другомъ къ добрымъ подвигамъ ратящеся« (Сказ. Курб. стр. 16, 17). Когда огромное царское войско приблизилось къ Казани, нечего и толковать, что на долю Курбскаго пришлось занять самый опасный постъ. Городъ Казань построенъ па высокой горѣ, »иже окомъ воззрѣти прикро«, съ трехъ сторонъ окруженъ былъ до крайности болотистыми рѣками—Казанкою и Булахомъ, такъ что подступить къ городу пе было никакой возможности; съ четвертой стороны Казань защищена была крѣпостью, въ которой и сосредоточилось отборнаго казанскаго войска болѣе 30-ти тысячъ; другая же половина сокрыта была въ лѣсахъ (стр. 21). Эта половина должна была, по данному сигналу, какъ можно скорѣе, напасть на войско царское. Постъ Курбскаго, повторяю, былъ самый трудный и опасный: ему нужно было быть постоянно на сторожѣ, ожидая всякую минуту съ одной

стороны »огненной стрѣльбы« съ крѣпости, съ другой—нападенія союзныхъ казанскихъ войскъ, засѣвшихъ въ лѣсахъ. Къ этому присоединилось еще и то, что нѣсколько дней шли дожди; рѣки выливались изъ береговъ, низкіе луга обратились въ болото; казанцы перепортили всѣ мосты и гати (Ист. гос. росс. т. VIII стр. 151). Войско русское въ теченіи недѣли утомилось до крайности и начало ослабѣвать: всегда стояло »въ ружьѣ«, не имѣло времени отдыхать; съѣстные припасы истощились (тамъ же стр. 159). Курбскій о себѣ говоритъ, что онъ мало не всѣ ночи пребывалъ безъ сна, охраняя военные снаряды (сказ. Курб. стр. 23). Казанцы стали уже одерживать рѣшительный перевѣсъ надъ русскими; храбрость Курбскаго дала совершенно другой ходъ дѣлу. Когда всѣ прямыя мѣры овладѣть Казанью оказались безуспѣшны, въ безпрестанной перестрѣлкѣ русскіе стали недосчитываться многихъ лучшихъ своихъ воиновъ (Ист. гос. росс. т. VIII стр. 167), а наступающая осень ужасала ихъ болѣе, чѣмъ всѣ трудности при осадѣ города, то чтобы ужъ скорѣе покончить дѣло, русскіе рѣшились на хитрость. Нѣсколько русскихъ плѣнниковъ ушли изъ Казани и извѣстили царя Іоанна, что осажденные казанцы берутъ воду изъ ключа близъ рѣчки Казанки и даже прорыли туда подземный проходъ (тамъ же стр. 161 и прим. 254). Русскіе, по повелѣнію Іоанна, сдѣлали подкопъ, вкатили туда до двадцати бочекъ пороха и 5-го сентября взорвало землю, тайникъ, часть городской стѣны, при чемъ перебито множество людей. Вскорѣ послѣ этого, русскіе сдѣлали подкопъ подъ такъ-называемые »тарасы«—землянки, въ которыхъ прятались жители Казани отъ русскихъ стрѣлъ, вложили туда 48 бочекъ пороха (сказ. Курб. стр. 29), и 30 сентября произошелъ страшный взрывъ: »грянулъ сильный громъ, земля дрогнула, церковь затряслась. Государь издали видѣлъ страшное дѣйствіе подкопа и густую тьму надъ всею Казанью: глыбы земли, обломки башень, стѣны домовъ, люди неслися вверхъ въ облакахъ дыма и пали на городъ »(Ист. гос. русс. т. VIII стр. 172). Гибли цѣлыя тысячи народа. Казанцы были, что называется, окончательно ошеломонены. Для русскихъ настала рѣшительная минута. Пользуясь всеобщимъ смятеніемъ, они ударились со всѣхъ сторонъ на городъ. Первый взошелъ на стѣну младшій братъ Курбскаго. Закипѣла ужасная свалка; обѣ стороны дралися съ удивительнымъ мужествомъ. Много пало убитыхъ и тяжело раненыхъ какъ русскихъ такъ и казанцевъ. Но русскіе наконецъ овладѣли городомъ. Первое что бросилось

имъ въ глаза—это богатство и изобиліе всѣхъ вообще предметовъ роскоши. »Мѣсто воистину полно было дражайшихъ корыстей, златомъ и серебромъ и каменіемъ драгоцѣннымъ, и собольми кипѣло и другими великими богатствы« (сказ. Курб. стр. 31). Все это ослѣпило глаза русскимъ; они оставили сѣчу, бросились разбивать лавки и дома; »теперь воскочиша глаголеміи раненіи, и творящіися мертвіи воскресоша«; сюда выползли изъ разныхъ угловъ слуги, купцы, кашевары. Пользуясь благопріятною минутою всеобщаго смятенія, десять тысячъ казанцевъ тайно ушли изъ города задними воротами. Никто, кромѣ А. Курбскаго, не замѣтилъ отступленія татаръ. Почти пять тысячъ ихъ погибло при переправѣ чрезъ болотистую рѣчку Казанку; другія пять тысячъ готовы были совнѣ напасть на русскихъ, занявшихъ Казань. Они спѣшили было соединиться съ частію войска, оставшагося въ лѣсахъ, но встрѣтили сильное сопротивленіе со стороны братьевъ Курбскихъ. А. Михайловичъ Курбскій успѣлъ собрать около себя всего полтораста человѣкъ. Но, говоритъ Горскій, »не привыкъ онъ считать враговъ, и численное превосходство непріятеля не испугало его, какъ не испугало его на поляхъ Тульскихъ двойное превосходство числа непріятелей« (стр. 40). Курбскій избѣгалъ сначала открытаго сраженія съ непріятелями; онъ только очень ловко пресѣкалъ дороги бѣглецамъ, неутомимо преслѣдовалъ ихъ каждый шагъ, каждое движеніе. Тѣмъ временемъ на помощь къ нему подоспѣло еще два полка. Завязалась послѣдняя рѣшительная перепалка въ виду всего хритіанскаго войска. Казанцы дрался съ отчаяннымъ ожесточеніемъ; русскіе не уступали имъ въ храбрости, и побѣда осталась на сторонѣ послѣднихъ. Изъ 5000 казанцевъ спаслись весьма немногіе; остальные или перебиты на мѣстѣ или захвачены въ плѣнъ. Не посчастливилось и братьямъ Курбскимъ. Старшаго изъ нихъ, Андрея, изранили до такой степени, что его замертво унесли съ поля битвы; меньшему досталось и того болѣе: »такъ его уранили, иже по пяти стрѣлъ на ногахъ ему было кромѣ иныхъ ранъ.... и отъ тѣхъ ранъ лютыхъ умре, на другое лѣто подобно« (сказ. Курб. стр. 36, 37). Да и самъ Андрей Михайловичъ едвали остался бы живъ, еслибы на немъ во время битвы не было отцовской брони, весьма крѣпкой и тяжеловѣсной (Горск. стр. 41). Дѣйствительно, храбрость его доходила уже до неистовства. Вотъ что онъ самъ о себѣ разсказываетъ: »Прежде всѣхъ ворвался я въ бусурманскій полкъ, и памятаю то, иже сѣкущесь, три разы въ нихъ копь мой оперся, и

въ четвертый разъ зѣло раненъ повалился въ срединѣ ихъ со мною, и уже отъ великихъ ранъ не памятаю вяще. Очнувшеся уже потомъ видѣхъ аки надъ мертвецомъ плачущихъ и рыдающихъ, двѣма слугамъ моимъ надо мною стоящимъ, и другимъ двѣма воиномъ царскимъ. Азъ же видѣхъ себя обнаженна лежаща, многими ранами учащенна«... (Сказ. Курб. стр. 35). »Итакъ въ день взятія Казани, Курбскіе цѣною крови купили себѣ имя героевъ« (Горск. стр. 40). И дѣйствительно, достопамятная осада Казани, »вмѣстѣ съ Мамаевою битвою, до самыхъ нашихъ временъ живетъ въ памяти народа какъ славнѣйшій подвигъ древности, извѣстный всѣмъ россіянамъ, и въ чертогахъ и въ хижинахъ.... защитники (Казани) показали мужество удивительное, рѣдкое, отчаяніе истинно великодушное, такъ что побѣду купили мы весьма дорогою цѣною«. (Ист. гос. русс. т. VIII стр. 149, 150).

Правъ-ли послѣ этого Горскій, оспаривая такъ не милостиво патріотическую вѣрность Курбскаго и проповѣдуя его сильную родовую вражду къ личности царя Іоанна? Возможно-ли, чтобы измѣнникъ по натурѣ, честолюбецъ, искренно презиравшій царя и жаркій приверженецъ отживавшей старины, глубоко преданный своимъ интересамъ,— возможно-ли, чтобы Кубскій могъ оказывать такіе примѣры самоотверженія и отваги и для кого же? для славы того, который явился тираномъ его глубочайшихъ задушевныхъ убѣжденій!.. нѣтъ, какъ хотите, а это клевета! Князь Курбскій былъ истинный патріотъ; онъ глубоко уважалъ царя Іоанна, и для славы своего отечества онъ готовъ былъ пожертвовать жизнію. Для оцѣнки личныхъ качествъ А. М. Курбскаго намъ нѣтъ необходимости собирать справокъ о доблестяхъ его предковъ. Предки могли быть сякіе и такіе; отецъ Курбскаго могъ мѣстничаться съ Рѣпнинымъ (Горск. стр. 148), хотя это еще не Богъ знаетъ какое преступленіе для того времени; дѣдъ его могъ подвергнуться опалѣ за мелочное противодѣйствіе воли царской (стр. 31); но отсюда далеко не слѣдуетъ, что и Андрей Михайловичъ долженъ быть тоже таковъ, какъ и его предки. Онъ имѣетъ свою собственную исторію и конечно не подлежитъ отвѣтственности за предковъ. Его же исторія до поры до времени представляетъ въ немъ человѣка весьма мдѣльнаго, на котораго вполнѣ можно положиться въ критическую минуту. И царь Іоаннъ совершенно правъ былъ, если, послѣ знаменитой казанской битвы, началъ оказывать Курбскому знаки своего особеннаго

вниманія. Курбскій заслуживалъ этого вполнѣ. Въ этомъ убѣждаетъ насъ вся дальнѣйшая исторія его дѣятельности.

Когда завязалась довольно продолжительная борьба за Ливонію и русскіе начали терпѣть неудачи, то царь Іоаннъ въ крайнемъ случаѣ поручилъ главное начальство надъ войскомъ Курбскому, приблизительно въ 1560 году. Конечно выборъ этотъ былъ какъ нельзя болѣе удаченъ. Курбскій предводительствовалъ всего пятитысячнымъ отрядомъ, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ, при всемъ томъ въ какихъ-нибудь два-три мѣсяца онъ одержалъ восемь побѣдъ. Нѣтъ необходимости описывать этихъ побѣдъ, потому что подобное описаніе все равно ничего не прибавитъ къ нашей главной мысли. Дѣло въ томъ, что въ виду всѣхъ указанныхъ обстоятельствъ, царь Іоаннъ долженъ былъ стать въ особенно обязательныя и дружественныя отношенія къ Курбскому. Дѣйствительно, уже послѣ знаменитой казанской битвы, онъ наградилъ Курбскаго, вмѣстѣ съ прочими воеводами и сановниками, золотою медалью (это былъ лучшій знакъ отличія того времени) и возвелъ его въ достоинство боярина.

Съ этихъ поръ Курбскій становится въ числѣ самыхъ приближенныхъ лицъ къ царю. Ему главнымъ образомъ поручались дѣла, требовавшія умѣнья и честности. Такъ онъ является главнокомандующимъ русскихъ войскъ противъ нѣмцевъ. Мало того, Курбскій является участникомъ и въ семейныхъ дѣлахъ царя. Когда царь Іоаннъ предпринималъ путешествіе въ Кирилловъ Бѣлозерскій монастырь съ чисто религіозною цѣлью, то въ его свитѣ немногочисленной мы встрѣчаемъ и Курбскаго (сказ. Курб. стр. 42). Вотъ образецъ интимныхъ отношеній между Курбскимъ и царемъ Іоанномъ. Въ своей исторіи Іоанна Грознаго Курбскій между прочимъ разсказываетъ: «..... многажды (русскіе) были поражены отъ нѣмцевъ. Сего ради введе мя царь въ ложницу свою и глагола ми словесами, милосердіемъ растворенными и зело любовными, и къ тому со обѣщаньми многими: принужденъ быхъ, рече, отъ прибѣгшихъ воеводъ моихъ, або самъ итти сопротивъ Лифлянтовъ, або тебе любимаго моего послати.....» (стр. 69, 70). Въ этихъ словахъ я готовъ видѣть оттѣнки самой чистой и нѣжной привязанности, ибо быть увѣреннымъ въ другомъ настолько какъ въ самомъ себѣ—это вещь далеко не послѣдней важности. А эту увѣренность Іоаннъ весьма ясно обнаружилъ слѣдующими словами,—если это его подлинныя слова: «або самому итти або тебе любимаго моего послати,

да охрабрится паки войско мое, Богу помогающу ти; сего ради иди и послужи ми вѣрнѣ« (стр. 70). Іоанну вполнѣ извѣстно было, какъ относятся къ нему его подданные. Они имѣли случай заявить это вполнѣ. Когда Іоаннъ возвращался въ Москву по завоеваніи Казани, то жители Нижняго Новгорода встрѣтили его на берегу Волги съ крестами и хоругвями, стали предъ нимъ на колѣна, и со слезами на глазахъ благодарили его за избавленіе отъ разорительныхъ набѣговъ казанскихъ. За тѣмъ когда Іоаннъ подъѣзжалъ къ столицѣ, его ожидало еще болѣе поразительное зрѣлище. На протяженіи шести верстъ стоялъ густою толпою народъ, желая видѣть лицо государя-побѣдителя. Когда онъ приближался, народъ кланялся предъ нимъ до земли, цѣловалъ его руки и ноги. Далѣе все духовенство и высшіе государственные сановники встрѣтили его съ церковными хоругвями. Нѣсколько времени только и рѣчи было, что о завоеваніи Казани и о подвигахъ Іоанна (Ист. гос. русс. т. VIII стр. 185 и 191). Все это вмѣстѣ не могло не возвышать Іоанна въ его собственномъ мнѣніи. Его радость и воодушевленіе (тамъ же стр. 191, 192) свидѣтельствуютъ, что онъ искренно считалъ себя величайшимъ побѣдителемъ и государемъ въ мірѣ. И вдругъ этотъ самодержавный государь, предъ которымъ съ благоговѣніемъ преклонялись его подданные, который, можетъ быть, не шутя увѣренъ былъ въ томъ, что ему весь свѣтъ завидуетъ, этотъ великій государь нѣкоторымъ образомъ какъ-бы дѣлитъ въ дружеской бесѣдѣ свою власть и могущество съ однимъ изъ самыхъ скромныхъ своихъ бояръ, »або самому итти або тебе любимаго моего послати, да охрабрится паки воинство мое«. Высшихъ почестей на долю Курбскаго не досталось Да, кажется, большихъ почестей ему ожидать было нельзя, если въ душѣ его не зародились какіе-либо честолюбивые замыслы.

Далѣе ходъ дѣлъ измѣняется. На сцену исторіи выдвигаются новыя лица и новыя обстоятельства. Подъ ихъ упорнымъ вліяніемъ въ судьбѣ Курбскаго происходитъ разительный переворотъ. Въ 1563 году Курбскій посланъ былъ противъ поляковъ, которые осадили городъ Невель (нынѣшней Витебской губерніи). Извѣстія современниковъ о подробностяхъ этого похода не одинаковы. Польскій историкъ Мартинъ Бѣльскій (—1575) говоритъ напримѣръ, что польскаго войска было всего полторы тысячи, между тѣмъ какъ русскаго было цѣлыхъ сорокъ тысячъ. Царь Іоаннъ въ своемъ первомъ письмѣ къ Курбскому

обличаетъ его въ томъ, что онъ съ 15-ти тысячнымъ отрядомъ не могъ побѣдить 4-хъ тысячъ поляковъ (сказ. Курб. стр. 214). Чье въ этомъ случаѣ извѣстіе болѣе вѣроятно—рѣшить трудно. Я готовъ скорѣе вѣрить извѣстію Іоанна Грознаго, потому что ему, во-первыхъ, должно же было быть извѣстно, сколько куда посылаетъ онъ войска, между тѣмъ какъ лѣтописецъ—лицо совершенно неприкосновенное къ дѣлу. Во-вторыхъ, чѣмъ болѣе не соразмѣрна была-бы численность войскъ, тѣмъ постыднѣе проигрышъ битвы стороною болѣе численною. Такъ какъ Іоаннъ всѣми мѣрами хотѣлъ обвинить Курбскаго, то ему конечно не было необходимости скрывать дѣйствительную численность войска, которымъ предводительствовалъ Курбскій. Такъ или иначе, но поляки разбили русскихъ совершенно. Послѣ этого Курбскій, по свидѣтельству того же историка, опасаясь гнѣва царскаго, бѣжалъ къ полякамъ (сказ. Курб. стр. 15, 16).

Дѣйствительную причину этого явленія я предполагаю изслѣдовать въ концѣ настоящаго очерка; теперь же считаю необходимымъ представить нѣкоторыя подробности какъ въ исторіи бѣгства Курбскаго изъ Россіи, такъ и въ исторіи его жизни на Волыни.

II.

Бѣгству Курбскаго въ значительной степени содѣйствовали предварительныя приглашенія Сигизмунда Августа. Король польскій Сигизмундъ II Августъ не отличался ни твердостію характера, ни дальнозоркостью въ политикѣ; полководцевъ опытныхъ у него не было. Между тѣмъ ему пришлось имѣть соперничество съ такимъ воинственнымъ государемъ каковъ Іоаннъ IV Васильевичъ. Не смотря на ихъ вѣчные миры и перемирія, которые дали матеріалъ для двухъ большихъ томовъ »Литовскихъ метрикъ«, царь Іоаннъ Васильевичъ не разъ опустошалъ владѣнія Сигизмунда и уводилъ его плѣнниковъ. Этотъ, чувствуя себя не настолько сильнымъ, чтобы вступить въ открытую борьбу съ Іоанномъ, только и могъ упрекать его въ нарушеніи перемирій и не одобрять пролитія христіанской крови (Метр. В. кн. лит. т. 1, стр. 117, 186—188, 205, 206, 208, 209, 242, 243 и друг.). Но подобная тактика оказывалась недостаточно сильною. Вслѣдствіе этого Сигизмундъ Августъ предпринялъ другія мѣры. Съ одной стороны онъ нерѣдко подговаривалъ татарскихъ хановъ воевать съ русскимъ царемъ

(тамъ же стр. 219, 223, 225 и друг.), съ другой—входилъ въ тайныя сношенія съ болѣе вліятельными московскими боярскими фамиліями и склонялъ ихъ на свою сторону, давая конечно много лестныхъ обѣщаній. Этого рода тактика была нѣсколько удачнѣе. Нѣкоторые бояре оставили Россію, перешли въ Литву и Польшу и получили здѣсь болѣе или менѣе богатыя помѣстья: Заболоцкій, Шашковичъ (Акт. врем. комм. т. I, стр. XLVI), Вишневецкій, братья Черкасскіе (Ист. гос. росс. т. IX стр. 54, 55). Еще прежде нихъ бѣжали въ Литву: Бѣльскій, Ляцкой (Горск. стр. 148), Козѣка (Акт. врем. комм. т. II, стр. 328). Курбскій въ послѣднее время занималъ въ Россіи такой постъ, что при своемъ пониманіи военнаго дѣла, могъ быть наиболѣе опаснымъ для Сигизмунда при его соперничествѣ съ Россіею. Курбскій былъ тогда воеводою въ Юрьевѣ (Дерптѣ), а во времена Іоанна IV—Юрьевъ былъ пограничнымъ городомъ между Россіею и Литвою. Вслѣдствіе этого Сигизмундъ не замедлилъ войти съ нимъ въ сношенія. Изображая пока лишь повѣствовательную сторону дѣла, я долженъ замѣтить, что Сигизмундъ Августъ въ своихъ расчетахъ не ошибся. Курбскій склонился на его обѣщанія и оставилъ Россію. Это случилось въ началѣ 1564 года. Одновременно съ нимъ прибыло сюда и много другихъ русскихъ людей. Одни изъ нихъ въ свое время принимали участіе въ походахъ Курбскаго на Руси, и явились сюда, такъ сказать, въ его свитѣ; таковы: Келеметъ Иванъ, пользовавшійся особеннымъ благоволеніемъ Курбскаго (Акт. врем. комм. т. I, стр. 37), Михаилъ Келеметъ, Иванъ Мошвинскій. Другіе ушли, спасаясь отъ преслѣдованій Іоанна Грознаго: Вешняковъ, Невзоровъ, Таракановъ и мн. др. (Сказ. Курб. стр. 424, 428).

На первыхъ порахъ положеніе Курбскаго въ Литвѣ было обставлено весьма фундаментально. Сигизмундъ Августъ пожаловалъ ему богатѣйшія помѣстья въ Литвѣ и на Волыни. Одно Ковельское имѣніе, прежде всего записанное ему, въ состояніи было на всегда упрочить благосостояніе Курбскаго. Достаточно имѣть въ виду, что оно вело обширную торговлю съ Данцигомъ и Эльбингомъ, имѣло собственные желѣзные рудники. Какъ многолюдно было это имѣніе видно изъ того, что жители одного Ковля въ военное время могли снарядить на собственный счетъ болѣе трехъ тысячъ вооруженнаго войска—конницы и пѣхоты (Акт. врем. комм. т. I, стр. V); а къ этому имѣнію, кромѣ Ковля, принадлежало еще 28 селъ. Въ скоромъ времени Курбскому

пожаловано было староство Кревское въ теперешней Виленской губерніи »по весьма важнымъ государственнымъ причинамъ«. Когда оно было записано ему—опредѣлить съ точностію довольно трудно. Извѣстно только, что въ 1566 году Курбскій является уже полнымъ распорядителемъ въ этомъ староствѣ (Лит. метр. № 3). Въ 1568 году онъ получилъ двѣнадцать селъ въ волости Упитской. Въ 1567 году ему отдана была волость Смединская съ тѣми же привилегіями, какъ и ковельское имѣніе. Курбскій только обязанъ былъ заплатить тысячу копъ грошей литовскихъ—долгъ считавшійся на Смединской волости. Эти деньги были одолжены королемъ Сигизмундомъ у воеводы Чарторыйскаго подъ залогъ именно этого имѣнія (Акт. врем. комм. т. I, стр. 14, 15). Наконецъ Курбскій долго владѣлъ, неизвѣстно когда и какъ захваченнымъ, имѣніемъ князей Красенскихъ-Борзобогатовыхъ Туличовымъ.

Владѣя такими обширными помѣстьями, Курбскій конечно могъ бы зажить магнатомъ. Никакихъ пошлинъ въ казну платить онъ не былъ обязанъ; такъ какъ всѣ эти имѣнія отданы были ему »на вѣчныя времена«, то онъ рѣшительно никому не долженъ былъ давать отчета ни въ своемъ управленіи, ни въ пользованіи доходами (Лит. метр. № 4; Акт. врем. комм. т. I, стр. 15, 17 и друг.). Курбскій обязанъ былъ только отбывать военныя повинности наравнѣ съ другими князьями, панами и всѣми обывателями шляхетскаго сословія, согласно съ земскими постановленіями (Акт. врем. Комм. т. I, стр. 12; Лит. стат. розд. 2, арт. 1). Такимъ образомъ de jure Курбскій является намъ тѣмъ же вотчиннымъ владѣльцемъ, какимъ былъ на Руси. Въ жалованныхъ королевскихъ грамотахъ весьма ясно обозначено, что онъ получилъ всѣ названныя имѣнія въ Литвѣ въ замѣнъ тѣхъ вотчинъ, которыя оставилъ въ землѣ московской (Акт. врем. комм. т. I, стр. 11, 14 и друг.).

Можетъ быть при благопріятныхъ условіяхъ и Курбскій зажилъ-бы во всю ширь русской натуры, вырвавшейся на свободу, можетъ быть и къ нему привилось-бы своеволіе польскихъ пановъ; —да обстоятельства не такъ сложились. Подъ вліяніемъ этихъ обстоятельствъ, жизнь и дѣятельность Курбскаго принимаютъ совершенно другой характеръ. Не обративши должнаго вниманія на эти обстоятельства, мы никогда не получимъ вѣрнаго понятія о личности историческаго дѣятеля—князя Курбскаго. Разсматривая жизнь Курбскаго въ Литвѣ зависимо отъ окружающей его среды, мы получимъ или каррикатуру вмѣсто живой личности, или же очеркъ болѣе или менѣе близкій къ исторической истинѣ. Между тѣмъ со-

временныя изслѣдованія о Курбскомъ именно таковы, что по нимъ нѣтъ возможности составить надлежащаго понятія о его личности. Мало того, въ этихъ изслѣдованіяхъ не рѣдко встрѣчаются отзывы, вызывающіе самыя серьёзныя возраженія.

Иванишевъ говоритъ, что »Сигизмундъ Августъ пріобрѣлъ въ Курбскомъ подданнаго строптиваго и непокорнаго.... Курбскій посылалъ вооруженные отряды на сосѣднія земли и грубо отвѣчалъ посланцамъ, являвшимся къ нему съ королевскими предписаніями« (Акт. врем. комм. т. I, стр. VIII, IX). Но вѣдь были же какія-нибудь побудительныя причины къ подобному образу дѣйствій? Трудно предположить, чтобы Курбскій, настолько обезпеченный королемъ, посылалъ вооруженные отряды на земли сосѣдей »единственно изъ желанія корысти, имѣя въ виду только грабежъ и разбой«. Наконецъ если Курбскій въ самомъ дѣлѣ былъ подданный строптивый и непокорный, если онъ грабилъ и притѣснялъ сосѣдей, то какъ все это могло быть терпимо въ странѣ, гдѣ онъ былъ чужой? Какимъ образомъ мѣстная аристократія и мѣстное правительство не вытѣснили какого-то выходца, который не желалъ подчиняться существующей администраціи и установленнымъ порядкамъ? Извѣстно, что и при такомъ, повидимому, буйномъ образѣ жизни, Курбскій все-таки могъ прожить въ Литвѣ цѣлыхъ двадцать лѣтъ (1564—1583).

Еще больше вызываетъ на возраженіе отзывъ Горскаго. Онъ говоритъ: »всѣ дѣйствія Курбскаго запечатлѣны самымъ убійственнымъ эгоизмомъ.... слабость литовскихъ законовъ и крайнее безсиліе королевской власти въ Литвѣ и на Волыни дали возможность Курбскому вполнѣ высказать свой гордый надменный характеръ, къ Курбскому какъ нельзя лучше привилось своеволіе польскихъ и литовскихъ магнатовъ«.... Далѣе повторяются вышеприведенныя слова Иванишева (Горск. стр. 158). Но, спрашивается, при слабости государственныхъ законовъ, при крайнемъ безсиліи королевской власти, при неограниченномъ своеволіи, а слѣдовательно при безнаказанности польскихъ и литовскихъ магнатовъ,—каковъ долженъ быть характеръ дѣятельности Курбскаго? каковы могутъ быть его отношенія къ верховной власти и къ сосѣдямъ?

Помимо всего этого въ наличныхъ изслѣдованіяхъ о Курбскомъ упоминаются явленія, внутренняя причина которыхъ для насъ рѣшительно не ясна. Вотъ факты. На первыхъ порахъ Курбскому предо-

ставлены права вотчинника; чрезъ нѣсколько времени эти права настолько ограничиваются, что Курбскій является намѣстнымъ владѣльцемъ; наконецъ польское правительство отнимаетъ у него все и оставляетъ его простымъ безземельнымъ шляхтичемъ. Чѣмъ же объяснить подобную непослѣдовательнось въ дѣйствіяхъ правительства? Послѣ 1575 года, польское правительство систематически направляетъ всѣ мѣры къ тому, чтобы отнять у Курбскаго записанныя ему имѣнія, и конечно достигаетъ своей цѣли; жена Курбскаго, законная наслѣдница его имѣній, лишена всѣхъ имущественныхъ правъ, и съ безчестіемъ прогнана изъ Ковля; между тѣмъ сынъ Курбскаго, на первыхъ порахъ раздѣлявшій незавидную участь своей матери, съ теченіемъ времени наслѣдуетъ большую половину отцовскихъ имѣній. Гдѣ внутренняя причина этихъ явленій?

Подобныя возраженія сглаживаются сами собою, если будутъ достаточно очерчены тѣ условія, подъ вліяніемъ которыхъ должна была проявляться дѣятельность Курбскато въ Литвѣ. Условія эти не сложны. Главнѣйшимъ изъ нихъ была именно крайняя ограниченность королевской власти, дававшая полнѣйшій просторъ своеволію аристократіи. Вотъ нѣкоторыя общія замѣчанія о состояніи администраціи въ Польшѣ и Литвѣ въ разсматриваемую эпоху.

Высшая судебная инстанція была »вальный сеймъ«, на которомъ присутствовали выбранные отъ всего польскаго и литовскаго аристократическаго сословія, съ королемъ во главѣ. Созывался сеймъ не въ опредѣленные сроки, но по мѣрѣ необходимости: »коли только того будетъ потреба »(Лит. стат. ред. 1566 г. разд. 3, арт. 6). Вѣдѣнію его подлежали дѣла, имѣющія всенародный государственный интересъ: избраніе короля, веденіе войнъ, заключеніе перемирій, измѣненіе существующихъ законоположеній и изданіе новыхъ, раскладка повинностей, пожалованіе вотчинъ, наградъ и званій, отнятіе ихъ и т. п. (Лит. ст. разд. 2, арт. 2, розд. 3, арт. 4, 12, 15. розд. 7, арт. 1; помимо этого см. стр. 212, 217, 200 и друг. Ист. Россіи Сол. т. VII, стр. 247 и друг.).

Власть короля была гораздо менѣе сложна. Каждый вопросъ, окончательно рѣшенный на сеймѣ, переходилъ къ королю, который долженъ былъ, такъ сказать, закрѣпить его офиціальное значеніе и привести въ исполненіе (Лит. ст. разд. 7, арт. 1; кромѣ этого стр. 200). Онъ же созывалъ сеймы по мѣрѣ надобности (Лит. ст. разд. 3, арт. 5 и стр.

212), предлагалъ для обсужденія накопившіеся вопросы, и, если не ошибаюсь, на сеймѣ имѣлъ первый голосъ. Главнѣйшая же обязанность короля была строго наблюдать за точнымъ выполненіемъ государственныхъ законовъ и преслѣдовать малѣйшее уклоненіе отъ нихъ. Замѣтивши гдѣ-нибудь явное нарушеніе закона, король однакоже не имѣлъ права самолично сдѣлать какое бы то ни было распоряженіе. Его господарская власть единично преслѣдовала только такія злоупотребленія, какъ »хто бы на имѣніи своемъ новое мыто вымышлялъ, або мытникъ господарскій... отъ подданныхъ шляхетскихъ что бралъ« (Лит. ст. разд. 1, арт. 9, 25) и т. под. мелочь. Въ случаяхъ же болѣе важныхъ, измѣны, заговора, грабежа и т. под. король необходимо долженъ былъ »на соймѣхъ валныхъ.... раду чинити« (тамъ же арт. 3, 4, 18; разд. 3, арт. 12). Такимъ образомъ верховная власть короля въ сущности была весьма ограничена, на его долю выпала собственно роль служебная, исполнительная (разд. 1, арт. 3).

Далѣе необходимо замѣтить, что и въ сферѣ своей дѣятельности, ясно обозначенной закономъ, верховная власть была стѣснена до послѣдней степени. Подобное явленіе могло произойти такимъ образомъ. По существующимъ государственнымъ постановленіямъ, защита отечества лежала всецѣло на обязанности подданныхъ. И князья и паны »духовные«, бояре, мѣщане, вдовы, однимъ словомъ всѣ, владѣвшіе какою-нибудь собственностію, обязывались отбывать на свой счетъ военную повинность (Лит. ст. разд. 2, арт. 1). Для этой цѣли каждый землевладѣлецъ долженъ былъ постоянно имѣть наготовѣ отрядъ вооруженныхъ ратниковъ, и, по призыву короля, немедленно являться на войну. Для этой же цѣли многіе вліятельные паны, равно и землевладѣльцы шляхтичи, пользующіеся привиллегіями, получали право заготовлять въ своихъ имѣніяхъ разнаго рода холодное и огнестрѣльное оружіе (Акт. врем. комм. т. I, стр. V, т. II, стр. 154). Такимъ образомъ существующія законоположенія мало-по-малу передали всю матеріальную государственную силу въ руки массы.

Подобная мѣра, допущенная на первыхъ порахъ вслѣдствіе крайней государственной необходимости, съ теченіемъ времени повела къ тѣмъ безпорядкамъ, которые по преимуществу характеризуютъ государственный строй Польши и которые можетъ быть довели ее до быстраго и рѣшительнаго паденія (Ист. пад. Польши Сол. стр. 10). Польскіе и литовскіе магнаты, почуявши подъ собою довольно прочную

почву, прежде всего и естественнѣе всего поспѣшили пріобрѣсть независимость не только отъ верховной, но и отъ какой бы то ни было власти. И это имъ удалось очень легко. Да иначе и быть не могло. Слѣдуетъ обратить вниманіе лишь на то, что, напримѣръ, Курбскій изъ одного Ковля имѣлъ въ распоряженіи до трехъ тысячъ войска, а Ковель былъ можетъ быть четвертая или пятая часть всей его собственности. Зборовскіе являются въ Варшаву на сеймъ съ десятитысячнымъ отрядомъ войска (Ист. Россіи Сол. томъ VII, стр. 262; также Арх. юго-запад. Россіи ч. 1, т. I, стр. XXXI). Съ подобными средствами можно кажется вполнѣ гарантировать свою независимость отъ всякой власти. И вотъ въ рукахъ этихъ магнатовъ, князей и бояръ, владѣющихъ поземельною собственностію, имѣющихъ десятки тысячъ войска, была сосредоточена и государственная исполнительная власть. Понятное дѣло, что это самое еще болѣе расширяло ихъ власть, потому что и въ теоріи и на практикѣ поддерживало мысль о полнѣйшей безнаказанности. А »вольнымъ людямъ« (Лит. ст. разд. 3, арт. 2) что за неволя приводить въ исполненіе государственныя распоряженія, стѣснявшія ихъ свободу?

Избѣгая подробностей, я долженъ замѣтить, что подъ вліяніемъ указанныхъ обстоятельствъ, въ разсматриваемую эпоху дѣла находились въ такомъ положеніи.

Высшая польская и литовская аристократія, интересующаяся политикою, заправляла всѣми дѣлами въ государствѣ, верховодила королевскою властію (Ист. Россіи Сол. т. VII, стр. 245, 247, 261) и издавала законы, болѣе и болѣе расширявшія власть ея. Отдѣльныя личности совершенно самостоятельно входятъ въ столкновенія съ сосѣдними государствами. Князья Корецкіе, никого не спрашивая, никому не давая отчета, идутъ воевать въ свою пользу Молдавію. Замойскіе дѣлаютъ тоже самое. Вишневецкій съ своими отрядами рыскаетъ вездѣ по Россіи. Въ ту же пору мелкопомѣстная шляхта и паны средней руки de facto не подчинялись никакимъ законамъ; личныя стремленія были для нихъ выше всякаго внѣшняго законодательства; личные интересы стояли у нихъ постоянно на первомъ планѣ (Акт. врем. комм. т. I, стр. 66; т. II, стр. 55—79 и друг. Сказ. Курб. стр. 232. Ист. Гос. Росс. т. X, стр. 76). Для достиженія своихъ цѣлей они не задумывались въ средствахъ; право сильнаго развилось до послѣдней степени. Частныя сдѣлки тяжущихся лицъ стояли выше всякаго законодательнаго рѣше-

нія (Акт. врем. комм. т. I, стр. 56, т. II. стр. 50). Фамиліи: Кошир-скихъ, Временскихъ, Скорутовъ, Опоровскихъ и мн. друг. совершенно безнаказанно уклонялись отъ несенія военной повинности (Акт. арх. комм. т. 1, стр. 89, 92). Коширскій, Булыга, Монтолты, внутри княжества производять постоянныя нападенія, грабежи и убійства. (Акт. арх. комм. т. I, стр. 109—111. Акт. врем. ком. т. I, стр. 85—88; XII, 154; т. II, стр. 35—37). Панъ Ласкій въ какихъ-нибудь полтора-два года совершаетъ тридцать пять наѣздовъ съ грабежами, пожарами и убійствами (Грамоты В. кн. Лит. стр. 119—131, въ Кіевс. унив. изд. 1868, іюнь). И королевская власть была совершенно безсильна противодѣйствовать подобному строю общественнаго порядка. Дабы видѣть, какую роль въ такихъ случаяхъ играли королевская власть, достаточно обратить вниманіе на слѣдующіе факты.

Въ 1565 году, по смерти епископа владимірскаго и брестскаго Іосифа, на его мѣсто явилось два претендента: шляхтичъ Иванъ Борзобогатый-Красенскій и епископъ холмскій Θеодосій Лазовскій. Король Сигизмундъ Августъ далъ имъ обоимъ грамоты на занятіе вакантной епископской каѳедры. Не трудно понять, какъ каждый изъ нихъ будетъ отстаивать свои права. Красенскій уже овладѣлъ епископскимъ замкомъ. Θеодосій собралъ около себя до пятисотъ конныхъ и пѣшихъ ратниковъ съ ружьями и пушками, явился во Владиміръ и требовалъ, чтобы Красенскій добровольно отказался отъ занятой должности. Этотъ отказалъ. Тогда Θеодосій рѣшился взять епископскій замокъ приступомъ. Для этой цѣли, увеличивъ свой отрядъ до двухъ съ половиною тысячъ, онъ обложилъ замокъ и соборную церковь, открылъ пальбу, началъ штурмъ и подложилъ подъ стѣны огни. При этомъ убито было немало людей, многія зданія и самая церковь повреждены выстрѣлами. Красенскій цѣлый день выдерживалъ осаду, наконецъ принужденъ былъ бѣжать. Θеодосій овладѣлъ епископскимъ замкомъ и церковнымъ имуществомъ. Красенскій пожаловался королю. Сигизмундъ Авгутъ потребовалъ Θеодосія на судъ. Θеодосій рѣшительно объявилъ, что на судъ не поѣдетъ, причомъ велѣлъ своимъ людямъ бить палками и топтать ногами слугъ Красенскаго, сопровождавшихъ королевскаго посла, а самому послу сказаль убираться подобру-поздорову. Не безъинтересно ли имѣть въ виду, что все это происходило въ соборной церкви. На этомъ дѣло Красенскаго и кончилось. Послѣ этого Θеодосій въ теченіи двадцати трехъ лѣтъ правилъ епископіею владимірскою; то-есть какъ

правилъ? Двадцать три года съ толпою вооруженныхъ слугъ дѣлалъ нападенія на сосѣднихъ владѣльцевъ, производя разбои и грабежи по большой дорогѣ, расхищалъ церковную казну, разорялъ церковныя имѣнія, выскабливалъ фундушовыя записи изъ напрестольнаго евангелія. Наконецъ, когда Ѳеодосій дожилъ до глубокой старости, обезсилѣлъ, не могъ уже лично участвовать въ наѣздахъ, то Стефанъ Баторій, по его просьбѣ, назначилъ ему въ помощники Мелетія Хребтовича. Благодаря этому, Ѳеодосій могъ до конца своей жизни (—1588) пользоваться доходами съ церковныхъ имѣній (Арх. югозапад. Росс. ч I, т. I, стр. XXI—XXV).

Въ 1580 году Курбскій началъ тяжбу съ королевскимъ секретаремъ Красенскимъ (Василіемъ?). Жаловался Курбскій королю на то, что Красенскій не заплатилъ ему слѣдуемыхъ денегъ. Король предписалъ Красенскому удовлетворить Курбскаго. Красенскій королевскаго указа не исполнилъ. Король посылалъ ему новыхъ два напоминанія,—и все тотъ же результатъ (Акт. врем. комм. т. II, стр. 58). Конечно, слѣдовало прибѣгнуть къ полицейскимъ мѣрамъ. Король предписываетъ старостѣ луцкому ополчить повѣтовую шляхту и вооруженною рукою взыскать съ Красенскаго сумму, должную князю Курбскому (стр. 60—62). Красенскій съ своей стороны вооруженною рукою отразилъ повѣтовую шляхту (стр. 67—70). Тогда король предписываетъ старостамъ кременецкому, владимірскому и луцкому ополчить шляхту всего воеводства волынскаго и вооруженною рукою произвесть взысканіе съ имѣній Красенскаго (стр. 71—74). Красенскій съ женою своею, предводительствуя отрядами наскоро собранной вольной шляхты, и на этотъ разъ отразилъ все волынское воеводство, которое »принуждено было уѣхать прочь съ великимъ безчестіемъ« (77—79). Тѣмъ дѣло и кончилось.

Вотъ образчикъ отношеній между королемъ и подданными въ Литвѣ и Польшѣ. Король Стефанъ Баторій, »одинъ изъ знаменитѣйшихъ вѣнценосцевъ въ мірѣ« (Ист. Гос. Росс. т. X, стр. 71; Ист. Россіи Сол. т. VII, стр. 245), который однимъ появленіемъ на сеймѣ сковывалъ языки разнымъ честолюбцамъ (Ист. Гос. Росс. т. IX, стр. 305), который приводилъ въ трепетъ все Русское государство (стр. 315, 318, 305), когда исходъ дѣла обусловливался исключительно его личными дарованіями,—этотъ государь не въ силахъ былъ управиться съ простымъ шляхтичемъ, издѣвавшимся надъ законами и властью королевскою,

и не могъ управиться именно потому, что въ этомъ случаѣ онъ долженъ былъ дѣйствовать во имя закона и во имя своей власти. Надобно замѣтить, что въ приведенномъ случаѣ Стефанъ Баторій имѣлъ дѣло съ собственнымъ секретаремъ, собиравшимъ доходы съ королевскихъ имѣній;—чего же должно было ожидать тогда, когда завязывались враждебныя столкновенія между лицами совершенно самостоятельными, если слабѣйшая сторона прибѣгала къ покровительству законовъ? Не ведетъ-ли все это самымъ естественнымъ путемъ къ расширенію права сильнаго надъ слабымъ? и удивительно-ли, если въ подобныхъ случаяхъ королевская власть, сознавая все свое безсиліе, по необходимости дозволяла подданнымъ собственноручную расправу. (Арх. юго-зап. Р. ч. I, т. I, стр. XXVIII; ч. 2, т. I, стр. XXX; Акт. врем. комм. т. II, стр. 58—72)? удивительно-ли если въ подобныхъ случаяхъ личныя сдѣлки стояли иногда выше всякаго законодательнаго рѣшенія?

Если случаи, въ родѣ приведеннаго, неизбѣжны были въ царствованіе одного изъ знаменитѣйшихъ монарховъ, то что же должно было быть подъ управленіемъ такихъ слабенькихъ королей, какъ Сигизмундъ II Августъ, какіе сплошь-да-рядомъ попадаются въ исторіи Польши, и которые до своего избранія должны были всѣми мѣрами унижаться предъ кровными аристократическими фамиліями, дабы удостоиться чести избранія въ короли *)? Такимъ королямъ оставалось одно: молча повиноваться своей буйной партіи, усадившей ихъ на престолъ, и безпрекословно удовлетворять всѣмъ ея капризамъ (Ист. пад. Польши стр. 14 и дал. стр. 23). Въ противномъ случаѣ »народъ воленъ былъ отказать въ повиновеніи« (Volum. legum, т. II, стр. 135; по изд. Огризки).

Вѣроятно не даромъ Генрихъ Валуа, заплатившій очень дорого за Польскую корону и стѣснившій себя до крайности тяжелыми усло-

---

*) А безъ этого конечно очень трудно было обойтись, когда престолъ былъ не наслѣдственнымъ, а избирательнымъ; когда королевская власть продавалась чуть не съ публичныхъ торговъ. Ссылаюсь на исторіи избранія Генриха французскаго Валуа, Стефана Баторія, Сигизмунда III и дрг. Каждый новый король непремѣнно связанъ былъ новыми обѣщаніями, расширявшими права и вольности аристократическихъ родовъ. А во время междуцарствія, по смерти Сигизмунда II Августа, послѣдняго изъ династіи Ягеллоновъ, чужеземные послы, по выраженію современнаго польскаго историка, вездѣ ѣздили по Польшѣ и по Литвѣ отъ домовъ до домовъ шляхетскихъ, сыпали деньгами и давали очень много лестныхъ обѣщаній. (Хрон. Бѣльскаго стр. 697. Volum. leg. т. II, стр. 149).

віями, долженъ былъ тайно ночью бѣжать изъ Польши (Chron. Бѣльскаго стр. 697).

Имѣя все это въ виду, легко себѣ представить, въ какую среду попалъ Курбскій и какіе общественные порядки его ожидали. По несчастному стеченію обстоятельствъ, онъ прибылъ въ Польшу по призыву именно короля и потому могъ расчитывать на поддержку только съ его стороны. Съ мѣстною аристократіею и съ земствомъ онъ не имѣлъ ничего общаго, тѣмъ болѣе, что онъ прибылъ сюда изъ враждебнаго лагеря искать защиты. Этимъ самымъ уже достаточно опредѣляется его роль, его положеніе и характеръ дѣятельности. Я совершенно согласенъ съ Горскимъ, что »слабость литовскихъ законовъ и крайнее безсиліе королевской власти въ Литвѣ и въ Польшѣ дали возможность Курбскому вполнѣ высказать свой характеръ« (Горск. стр. 158). Понятное дѣло, что польскіе и литовскіе панки, имѣя подъ собою довольно фундаментальную почву, не стали церемониться съ новымъ сосѣдомъ Курбскимъ, какъ не церемонились и другъ съ другомъ.

Далѣе. Являясь на зовъ короля, Курбскій не обратилъ должнаго вниманія на тѣ обѣщанія, на которыя онъ склонялся. Извѣстно, что прежде своего бѣгства изъ Россіи Курбскій былъ въ сношеніяхъ съ Сигизмундомъ Августомъ. Этотъ, склоняя Курбскаго на измѣну, обѣщалъ ему свои милости и приличное содержаніе (Акт. врем. комм. т. II, стр. 193). Хотя эти обѣщанія были подтверждены клятвою двухъ сенаторовъ, которые были посредниками между тѣмъ и другимъ (т. I, стр. 233), но обѣщанія-то эти были выражены слишкомъ не опредѣленно, а потому могли давать поводъ къ разнымъ толкованіямъ, измѣненіямъ и ограниченіямъ. Еслибы Курбскій зналъ, какую роль играетъ въ Польшѣ королевская власть предъ массою всего польскаго населенія, то вѣрно онъ не далъ-бы себѣ отчета, какія милости могъ оказывать ему король. Подъ милостями монаршими Курбскій могъ разумѣть не иное что, какъ только то, что онъ видѣлъ въ своемъ отечествѣ. Еслибы подъ »милостями« онъ разумѣлъ, положимъ, ту близость къ неприкосновенной особѣ самодержца, которою самъ онъ нѣсколько времени пользовался на Руси, то близость къ особѣ короля польскаго далеко не могла быть благодѣяніемъ для него, потому что онъ привыкъ видѣть въ своемъ государѣ самодержца въ полномъ смыслѣ, а не слѣпое орудіе въ рукахъ честолюбцевъ. Еслибы, далѣе, Курбскій захотѣлъ

осмыслить, что это за »приличное содержаніе«, которое ему обѣщаютъ, то вѣроятно также нѣсколько поохладѣлъ-бы ко всѣмъ обѣщаніямъ короля. И въ этомъ случаѣ Курбскій, будучи вовсе незнакомъ съ западными обычаями, смотрѣлъ на дѣло съ своей точки зрѣнія. Онъ не имѣлъ понятія о правахъ ленныхъ владѣльцевъ, потому что на Руси вовсе не было ленныхъ владѣльцевъ въ томъ видѣ, въ какомъ они являются на западѣ. На Руси были только владѣльцы-вотчинники, и лишь тотъ владѣлецъ могъ разсчитывать на бо́льшій почотъ, который имѣлъ бо́льшее количество вотчинъ. Вслѣдствіе этого, обѣщанія Сигизмунда Августа Курбскій измѣрялъ именно количествомъ вотчинъ, въ которыхъ онъ былъ-бы полновластный распорядитель. Действительность этого подтверждается отчасти тѣмъ, что Курбскому не пришло и въ голову спросить: имѣетъ-ли король право давать кому-нибудь вотчины въ своемъ королевствѣ? Въ монархѣ онъ привыкъ видѣть полнѣйшее олицетвореніе безграничной власти, которая могла награждать и миловать по своему усмотрѣнію. У него свѣжи были примѣры въ родѣ слѣдующихъ: захотѣлъ государь »раздать помѣстья боярамъ и дѣтямъ боярскимъ«, и ему никто не противорѣчилъ (Сказ. Курб. стр. IX); захотѣлъ возвесть Курбскаго въ санъ боярина,—и надъ этимъ не задумался (стр. XIII). Что же послѣ этого была за необходимость Курбскому задумываться надъ тѣми обѣщаніями королевскими, которыя вдобавокъ были подтверждены клятвою сенаторовъ. Но король Сигизмундъ подъ »приличнымъ содержаніемъ« могъ разумѣть и конечно разумѣлъ вовсе не то, что разумѣлъ Курбскій. А при подобномъ отсутствіи точныхъ и опредѣленныхъ условій обѣ стороны не могли быть взаимно довольны одна другою.

Такимъ образомъ вотъ тѣ главныя условія, подъ вліяніемъ которыхъ долженъ былъ развиться характеръ дѣятельности и отношеній Курбскаго въ Литвѣ: во-первыхъ, крайняя ограниченность королевской власти, дававшая полнѣйшій просторъ своеволію массы; во-вторыхъ, неопредѣленность королевскихъ обѣщаній, дававшая поводъ ко многимъ недоразумѣніямъ и неудовольствіямъ.

Эти двѣ вещи сразу же встрѣтились Курбскому, лишь только онъ успѣлъ поселиться въ Литвѣ. Дѣло было такимъ образомъ: Курбскій мало того, что обязывался отбывать военныя повинности, но какъ опытный полководецъ долженъ былъ и самъ принимать дѣятельное участіе въ походахъ. Получивши грамоту на ковельское имѣніе, онъ оставилъ здѣсь

своего главноуправляющаго, поручить ему судъ и расправу и завѣдываніе всѣмъ имуществомъ (Акт. врем. комм. т. I, стр. 199), самъ же долженъ былъ участвовать въ походѣ литовцевъ противъ русскихъ и сражаться за область Великолуцкую (1564 г.). Каковъ бы ни былъ этотъ походъ по своимъ послѣдствіямъ, для насъ пока не важно; главное же то, что Курбскій наравнѣ съ прочими отстаивалъ интересы своего новаго отечества. По окончаніи войны онъ засталъ въ своихъ владѣніяхъ весьма большіе безпорядки. Князья и паны княжества литовскаго и разные мелкіе землевладѣльцы начали дѣлать набѣги на земли, принадлежащія ковельской волости, подаренной Курбскому, грабили жителей, отнимали у нихъ ихъ участки и присоединяли къ своимъ имѣніямъ (тамъ же стр. 1, 2). Не сталъ Курбскій съ толпою вооруженныхъ слугъ врываться во владѣнія своихъ сосѣдей, наносившихъ ему оскорбленія, жечь, грабить и убивать людей, какъ повѣствуетъ Горскій (стр. 160; кромѣ того см. Акт. врем. комм. т. I, стр. VIII); напротивъ, онъ занесъ жалобу королю, подробно описалъ всѣ безпорядки, какіе произвели въ его имѣніяхъ сосѣди-шляхтичи, и просилъ верховной защиты. Какой результатъ имѣла эта жалоба, не извѣстно: королевскаго отвѣта для насъ не сохранилось. Но я готовъ думать, что король не могъ удовлетворить Курбскаго вполнѣ; во-первыхъ потому, что онъ не имѣлъ средствъ сдѣлать это; во-вторыхъ потому, что самъ явился нѣкоторымъ образомъ нарушителемъ государственныхъ постановленій, имѣвшихъ непреклонную силу. Онъ далъ Курбскому такія права и преимущества, какихъ самолично не вправѣ былъ давать: 1) онъ пожаловалъ ему ковельскую волость »на вѣчныя времена«; 2) вмѣстѣ съ тѣмъ далъ ему всѣ тѣ вольности и привилегіи, какими пользовались другіе князья и паны княжества литовскаго (Акт. врем. комм. т. I, стр. 14, 232; т. II, стр. 194); въ силу ихъ Курбскій могъ пользоваться всѣми рѣшительно доходами, не оставляя ничего въ пользу короля, могъ безпрепятственно завѣщавать пожалованныя имѣнія дѣтямъ мужескаго пола (т. I, стр. 11, 12). Такимъ образомъ Курбскій, въ силу жалованныхъ королевскихъ грамотъ, могъ считать себя полнѣйшимъ владѣльцемъ-вотчинникомъ, тѣмъ болѣе что не только крестьянамъ ковельской волости, но и боярамъ предписывалось повиноваться Курбскому (Акт. т. II, стр. 194). Но права, предоставленныя Курбскому на ковельскую волость, оказались на практикѣ невозможными (т. I, стр. VI; Лит. ст. разд. 3, арт. 9 и стр. 217; Горск. стр. 154). Кромѣ крестьянъ, кото-

рыхъ король могъ подчинить Курбскому на правѣ вотчинномъ, въ ковельской волости жили: a) такъ-называемые земяне и бояре, владѣвшіе цѣлыми селеніями на правахъ ленныхъ или на правахъ полной собственности (Акт. врем. комм. т. I, стр. VI); b) мѣщане, пользовавшіеся личною свободою и имуществами подъ защитою магдебургскаго права (Лит. ст. разд. 3, арт. 2); они имѣли свой судъ, свои законы, своихъ начальниковъ и даже огнестрѣльное оружіе; наконецъ c) евреи, которые также пользовались личною свободою и находились подъ защитою королевскихъ привиллегій, дававшихъ имъ довольно большія общественныя преимущества.

Въ силу королевскихъ грамотъ Курбскій могъ считать себя полновластнымъ господиномъ надъ всѣми этими сословіями, между тѣмъ какъ они въ силу дарованныхъ привиллегій совершенно не обязаны были повиноваться кому бы то ни было. Непріятныя столкновенія были неизбѣжны. Вся вина въ этомъ случаѣ должна падать на самого короля, который до такой степени превысилъ свою власть. Конечно, Сигизмундъ Августъ скоро спохватился, и, можетъ быть вслѣдствіе протеста со стороны массы, вызвавшаго Курбскаго на жалобу, онъ поспѣшилъ точнѣе опредѣлить имущественныя права Курбскаго. Жалованными грамотами отъ 1567 года король уже присвоиваетъ себѣ вѣчное право полной собственности на ковельское имѣніе (Арх. врем. комм. т. 1, стр. 9); Курбскому же предоставлены были права леннаго владѣльца, въ силу которыхъ онъ »не могъ ни продавать, ни закладывать, ни завѣщавать« ковельскаго имѣнія (стр. VIII).

Еслибы этимъ дѣло и ограничилось, то Сигизмундъ Августъ всетаки могъ считать себя юридически совершенно правымъ; во-первыхъ потому, что понятіе о »приличномъ содержаніи«, которое обѣщалось Курбскому, было рѣшительно не выяснено; во-вторыхъ, и ленныя права, предоставленныя ему, при всей относительной ограниченности ихъ, король имѣлъ полнѣйшую возможность считать своею »милостію«, такъ какъ они давались исключительно за государственныя заслуги (Акт. арх. комм. т. I, стр. 116). Но Сигизмундъ Августъ очень хорошо понималъ, что Курбскій не могъ быть доволенъ такими слишкомъ ограниченными милостями, оставивши свои вотчины на Руси. Потому онъ старался вознаградить его пожалованіемъ другихъ имѣній и тоже на ленныхъ правахъ. Имѣнія эти уже названы. Тѣмъ не менѣе и это пожалованіе не имѣло законной силы. По Литовскому статуту (изд. 1529 г. стр, 25) и Брестской кон-

ституціи 1566 года, иностранцамъ не иначе могли быть раздаваемы въ собственность имѣнія, какъ на генеральныхъ сеймахъ съ разрѣшенія пановъ сенаторовъ, всѣхъ сословій и пословъ земскихъ (Акт. врем. комм. т. II, стр, 196).

Такимъ образомъ права Курбскаго какъ леннаго владѣльца и положеніе его на Волыни не были достаточно гарантированы, во-первыхъ потому, что онъ могъ опираться исключительно на поддержку верховной власти, которая сама нуждалась въ поддержкѣ, во-вторыхъ—права свои онъ могъ основыватъ на буквѣ закона, который точно этихъ правъ и не обозначилъ.

Предпославши эти главныя общія положенія, я далѣе имѣю въ виду представить цѣлый рядъ фактовъ, въ высшей степени характеризующихъ жизнь и дѣятельность Курбскаго среди литовскаго населенія.

III.

Уже изъ этихъ общихъ положеній легко убѣдиться, что Курбскаго не Богъ-знаетъ какое счастье ожидало въ новомъ его отечествѣ. И мы видѣли, что непріятности ему встрѣтились на первыхъ же порахъ, прежде чѣмъ онъ успѣлъ обнаружить характеръ собственныхъ отношеній. Тогда же онъ понялъ, что защиты ему искать негдѣ, что онъ предоставленъ исключительно собственнымъ силамъ. Можетъ быть сознавая всю невозможность вести непосильную борьбу, Курбскій рѣшился породниться съ кровными литовскими аристократическими фамиліями. Въ 1571 году онъ вступилъ въ бракъ съ Марьей Юрьевной Козинской. Чрезъ этотъ бракъ Курбскій вступалъ въ родственныя связи съ важнѣйшими литовскими фамиліями, потому что сама Козинская происходила отъ древнѣйшаго знаменитаго рода князей Голшанскихъ.

Имѣлъ-ли Курбскій какія-нибудь другія цѣли, обзаводясь женою, рѣшить трудно. Горскій утверждаетъ, что въ этомъ случаѣ Курбскій руководился по преимуществу корыстными разсчетами. Дѣйствительно, Голшанская была довольно богатая невѣста: кромѣ своихъ родовыхъ помѣстій, она владѣла значительными имѣніями прежнихъ своихъ двухъ мужей, Яна Монтолта и Михаила Козинскаго, и эти имѣнія на разныхъ условіяхъ и ограниченіяхъ переходили въ руки Курбскаго (Акт. врем. комм. т. I, стр. 29—75), но мнѣніе Горскаго едвали справедливо (см. пока Акт. врем. комм. т. I, стр. 30—92, 108, 116, 124,

164 и др.). Осмысляя сколько-нибудь положеніе Курбскаго среди чуждаго ему населенія, кажется можно согласиться съ мнѣніемъ Устрялова, что »выборомъ Курбскаго едвали руководили корыстолюбивые виды на богатое приданное... Скорѣе надобно полагать, что онъ искалъ подруги умной и доброй, которая могла-бы усладить жизнь его, отравленную горестями« (сказ. Курб. стр, XXI). Такъ или иначе, но со времени женитьбы обстоятельства еще менѣе начинають благопріятствовать Курбскому. Съ этихъ поръ онъ становится въ открыто враждебныя отношенія къ мѣстному дворянству. Причины этому были слѣдующія. Во-первыхъ, Курбскій и Голшанская были личности слишкомъ различнаго покроя, ихъ взгляды на супружество, на удовольствія и вообще на жизнь были совершенно противоположны. Во-вторыхъ, личный характеръ Голшанской, равно какъ и всей родни ея, былъ такото свойства, что рѣшительно не могъ ручаться за прочность семейнаго счастья.

И такъ, во-первыхъ, Курбскій и Голшанская были люди совершенно различнаго покроя. Курбскій былъ воспитанъ на почвѣ строгихъ московскихъ преданій. А какой идеалъ семейной жизни рекомендовали эти московскія преданія? Отецъ семейства былъ полновластнымъ распорядителемъ въ своемъ домѣ. Вся семья смотрѣла на него словно на какого-то божка, предъ которымъ она должна была благоговѣть. Воспитаніе семьи, ея занятія, радости, печали и удовольствія всецѣло обусловливались нравомъ отца; если отецъ нрава снисходительнаго, уживчиваго, его семья болѣе или менѣе благоденствуетъ; если онъ деспотъ —семья трепещетъ каждаго взгляда его и безмолвно покорятся всѣмъ его капризамъ. Какую же роль играла мать семейства? какія обязанности на ней лежали?—Судьба ея была самая незавидная. До замужества она своего »нареченнаго« большею частію и въ глаза не видалa, такъ какъ ее держали обыкновенно подъ замкомъ. Вслѣдствіе этого она и не могла полюбить его тою любовью, какая составляетъ единственное условіе семейнаго счастья. Нерѣдко вся жизнь ея была непрерывнымъ рядомъ истязаній, сперва, смолоду, отъ суровой власти отца, потомъ, въ болѣе широкихъ размѣрахъ, отъ тяжелой руки деспота мужа. Всѣ тяжести домашняго хозяйства лежали преимущественно на ней. Жена, по понятіямъ Домостроя, низводится на степень простой работницы; она рѣшительно не властна была въ своихъ желаніяхъ, шагу не смѣла сдѣлать безъ позволенія мужа. Она должна была дома за

всѣмъ присматривать, во всемъ знать толкъ и всему научить семью. За всякую неисправность въ хозяйствѣ и въ домоправительствѣ вся тяжесть вины ложилась на ней одной. Для наказанія за провинности жены, часто только подозрѣваемыя, мужъ постоянно имѣлъ на готовѣ плетку. Отецъ семейства долженъ былъ внушать своей семьѣ страхъ, безъ котораго предполагалось немыслимымъ христіанское воспитаніе. Ну и нагонялся этотъ страхъ, чѣмъ Богъ на сердце положитъ, то кулакомъ, то плетью, то палкой, то чѣмъ попало. Вѣроятно пословица: »люби жену какъ душу а тряси какъ грушу«, была не пустая фраза, но заключала въ себѣ глубокій житейскій смыслъ.

Что касается удовольствій жены, то о нихъ кажется и помину не было. »Жена и часу не должна быть безъ рукодѣлья и съ гостями бесѣда должна идти только о рукодѣльѣ, домашнемъ устройствѣ и христіанскомъ житіи.... Пѣсни и пляски считались бѣсовскимъ препровожденіемъ времени и строго преслѣдовались (Ист. Россіи Сол. т. VII, стр. 212, 217, 218). Таковъ взглядъ на женщину и на семейство имѣло современное Курбскому русское общество. Женщина считалась чѣмъ-то низшимъ, существующимъ только для благосостоянія мужчины. А при такомъ воззрѣніи, съ нею нерѣдко и обращались какъ съ простою вещью. Такъ немного спустя, патріархъ Филаретъ обличалъ служилыхъ людей въ томъ, что они, отправляясь въ отдаленныя мѣста на службу, закладывали своихъ женъ товарищамъ, предоставляя имъ право брачной жизни за извѣстную цѣну. Если мужъ не выкупалъ своей жены въ назначенный срокъ, то заимодавецъ передаетъ ее за выкупъ другому и т. д. (Русскіе общ. дѣят. ч. I, стр. 16—24).

Такіе порядки оставилъ Курбскій въ московскомъ государствѣ; что же встрѣтилъ онъ въ своемъ новомъ отечествѣ, въ Литвѣ?

Хотя Литва въ XVI вѣкѣ не объединилась еще съ сосѣднею ей Польшею, хотя литовское дворянство было на половину русское и по происхожденію, и по языку и по религіи (О происхож. шлях. род. въ югозап. Россіи, стр. VII, 14—22, 48. Арх. югозап. Р. т. I, стр. VIII, XXII, XXXIV. Акт. зап. Россіи т. III, стр. 187); тѣмъ не менѣе, условія общественности въ Литвѣ въ разсматриваемую эпоху были далеко отличны отъ условій общественности русской; можно даже сказать, что въ этомъ отношеніи Литва и Россія не имѣли между собою ничего общаго. Обращаясь къ вопросу о положеніи женщины въ Литвѣ въ XVI вѣкѣ, мы должны замѣтить, что положеніе ея было обставле-

но гораздо лучше. Она росла и воспитывалась не подъ замкомъ въ неприступномъ теремѣ, куда не проникалъ пытливый взглядъ мужчины. Женщина вовсе не была отдѣлена отъ окружающаго общества; она жила его жизнью, раздѣляла его удовольствія и его недостатки; деспотизмъ отца или мужа не тяготѣлъ надъ нею упорно: жена не была только работницею въ своей семьѣ. И законъ и обычай признавали ея человѣческія достоинства и дали ей весьма значительныя гражданскія права. По существующимъ законамъ, женщина имѣла право опеки надъ имѣніемъ по смерти мужа (Лит. ст. разд. 5, арт. 5, 10, 17); могла писать духовныя завѣщанія (разд. 5, арт. 2, 17. Акт. арх. комм. т. I, №№ 136, 146); очевидное дѣло—несла разныя государственныя повинности (Лит. ст. разд. 2, арт. 1; Акт. арх. комм. т. I, стр. 82); заводила тяжбы съ разными лицами и нерѣдко отстаивала свои права во имя закона, насколько конечно это было возможно въ Литвѣ (Акт. арх. комм. т I, стр. 33, 37, 137, 246 и др.). Оскорбленіе женщины даже въ средѣ мелкопомѣстной шляхты вызывало покровительственное вмѣшательство законодательной власти (О происх. шлях. род. въ югозап. Р. стр. 46. Лит. ст. разд. 12, арт. 1—3). Взглядъ на супружество въ русскомъ и литовскомъ обществѣ, современномъ Курбскому, былъ неодинаковъ въ существенныхъ чертахъ. Въ Россіи посредствомъ брака навсегда закрѣплялась власть мужа надъ женою, и много доставалось, по свидѣтельству Олеарія, русскимъ женщинамъ за вольное обращеніе съ нравящимися мужчинами (Русскіе общ. дѣят. ч. I, стр. 17); разводъ былъ немыслимъ. Въ Литвѣ брачныя связи далеко не отличались тою строгостію. Дѣвицы имѣли право свободнаго выбора для себя жениховъ, даже независимо отъ воли родителей (Лит. ст. разд. 5, арт. 7; разд. 3, арт. 31). Развратная жизнь замужней женщины была далеко не рѣдкость; общество смотрѣло на это болѣе или менѣе снисходительно (Ист. Россіи Сол. т. VII, стр. 188). Въ этомъ мы еще будемъ имѣть случай удостовѣриться. Расторженіе супруговъ было весьма обыкновеннымъ явленіемъ, допускалось вслѣдствіе личныхъ сдѣлокъ между супругами; законъ только закрѣплялъ эти сдѣлки и придавалъ имъ офиціальную извѣстность. »До половины XVIII вѣка встрѣчаются случаи, въ которыхъ посполитые люди считали себя въ правѣ расторгать домашнимъ образомъ брачную связь посредствомъ обряда, называемаго »разлука«. Обрядъ этотъ, какъ видно изъ акта, внесеннаго въ магистратскую книгу города Выжвы, состоялъ въ томъ, что чета, неужив-

шаяся между собою, созывала родителей и ближайшихъ родственниковъ, передъ ними высказывались причины домашняго несогласія, и обѣ стороны просили родителей разрѣшить ихъ отъ брака. Если послѣдніе были согласны удовлетворить просьбѣ, то отецъ или ближайшій родственникъ мужа подавалъ руку женѣ, и отецъ жены въ тоже время подавалъ руку мужу. Въ этомъ и заключался весь обрядъ, и по совершеніи онаго обѣ стороны признавались совершенно свободными и имѣли право вступать во вторичный бракъ« (Арх. юго-запад. Россіи ч. 4, т. I, стр. 41, 150. Лит. ст. разд. 5, арт. 18 *).

Вотъ какіе обычаи встрѣтилъ Курбскій въ Литвѣ. Сочувствовалъ ли онъ суровому положенію русской женщины или нѣтъ—не извѣстно.

---

*) Мы видимъ, что въ разсматриваемый періодъ женщина пользовалась большою свободою и большими гражданскими и человѣческими правами. Подобными же преимуществами пользовалась и русская женщина въ болѣе раннія времена. Въ XII вѣкѣ даже знатоки византійской мудрости не думали еще унижать русскую женщину; новгородецъ Кирикъ спрашивалъ у Владыки Нифонта: а что если попадетъ лоскутъ изъ женскаго платья въ ризы священника, можно въ нихъ служить? Архіепископъ отвѣчалъ: а чѣмъ же погана женщина.... Средневѣковыя стремленія къ аскетическому идеалу и схоластическія разсужденія о женщинахъ не сразу помутили простой свѣтлый бытъ нашихъ предковъ..... женщина продолжала пользоваться прежними правами, которыя давалъ ей взглядъ и обычай народный выработанный долгою практикою жизни, по старому отличалась она стойкостью характера и самостоятельнымъ положеніемъ и во многихъ отношеніяхъ имѣла даже юридическое равенство съ мужчиной. Несомнѣнные факты исторіи говорятъ намъ, что жена могла пріобрѣтать имущество и вести дѣла отъ своего лица; тѣмъ болѣе это право принадлежало вдовѣ, которая наслѣдовала силу власти семейной отъ умершаго мужа. Жена оставалась полною хозяйкою мужнина имѣнія, распоряжалась имъ, раздавала въ наслѣдство дѣтямъ.... Уставъ Ярослава предоставляетъ вдовѣ полную власть надъ дѣтьми.... По древнерусскимъ законамъ за безчестіе женщины взыскивалось вдвое болѣе штрафу, чѣмъ за оскорбленіе мужчины. (Въ судебникѣ Іоанна IV мы видимъ тоже самое. Ист. Россіи Сол. т. VII, стр. 150). Если свободный человѣкъ женился на рабѣ, то и самъ дѣлается холопомъ. (»Заря« 1871 г. Мартъ, стр. 183). Эти факты весьма наглядно представляютъ намъ полное единство обычаевъ Литвы и Руси, и только уже татарскій погромъ, повліявшій всею своею силою на сѣверовосточную Русь, и образованіе московскаго княжества подъ вліяніемъ »тяжолой татарской школы« (тамъ-же стр. 188) положили рѣзкую грань между Литвою и остальною Русью во главѣ Москвы.

Есть основаніе думать, что онъ далеко не былъ деспотъ въ своей семьѣ. Обращаю вниманіе на его прощаніе съ женою передъ бѣгствомъ изъ Россіи. Тѣмъ не менѣе нравы и обычаи аристократическаго общества въ Литвѣ въ сильной степени были ему не по сердцу. Вотъ его подлинныя слова: »воистину смѣха достойно.... королевская высота и величество (Сигизмунда Августа) не къ тому обращалось умомъ (чтобы слѣдить за военными дѣйствіями своего противника), но паче въ различныя плясанія много и въ преиспещренныя машкары..... княжата такъ боязливы и раздрочины (утомлены) отъ женъ своихъ, яко послышатъ варваровъ нахожденія,.... вооружившись въ збруи, сядутъ за столомъ, за кубками, да баютъ фабулы съ пьяными бабами своими.... всѣ цѣлыя ночи истребляютъ подъ карты сѣдяще и надъ прочими бѣсовскими бреднями.... Егда же возлягутъ на одрѣхъ своихъ между толстыми перинами, тогда едва по полудню проспавшись, съ связанными головами съ похмѣлья, едва живы очутясь встанутъ, на прочіе дни паки гнустны и лѣнивы многолѣтняго ради обыкновенія«. (Сказ. Курб. ст. 66, 13, 65, см. также Ист. Россіи Сол. т. VII, стр. 179—186). Правда, что и нравственная сторона русскаго общества была сильно помрачена, но дѣло въ томъ, что легкость нравовъ, охватившая литовское населеніе, не имѣла ни малѣйшаго сходства съ русскими нравами. Курбскому, какъ русскому человѣку, равно были чужды какъ нравственныя идеальныя понятія литовскаго общества, такъ и обратная сторона медали, то-есть проявленіе этихъ понятій въ дѣйствительной жизни.

Понятно, что при взаимномъ столкновеніи этихъ двухъ разнородныхъ элементовъ, въ судьбѣ Курбскаго должно было произойти одно изъ двухъ, или порабощеніе одного изъ супруговъ, или же окончательный разрывъ между ними. Первое случиться не могло, потому что ни одна сторона не была приготовлена къ этому. Курбскій по своимъ убѣжденіямъ, развившимся на московской почвѣ и окрѣпшимъ подъ вліяніемъ тысячи подобныхъ примѣровъ, способенъ былъ только къ первенствующей роли въ своемъ домѣ. Ему до сихъ поръ можетъ быть и въ голову не приходило, чтобъ жена могла не быть въ повиновеніи у своего мужа. Между тѣмъ условія общественности въ Литвѣ, можетъ быть въ большинствѣ случаевъ, передавали право первенства женѣ и матери. По крайней мѣрѣ у современныхъ хронистовъ весьма часто встрѣчаются жалобы на подчиненіе мужчинъ въ западной Россіи жен-

скому влiянiю (Ист. Россiи Сол. т. VII, стр. 181). Такимъ образомъ, подводя единичный случай подъ общее правило, мы въ правѣ предположить, что въ семейной жизни Курбскаго долженъ быль произойти совершенный разрывъ съ женою. Онъ и случился.

Во-вторыхъ, этому весьма содѣйствовали личныя свойства его жены. Голшанская отъ природы, какъ и вся вообще родня ея, далеко не отличалась родственными и семейными привязанностями. Сыновья Голшанской вездѣ отличались своимъ буйствомъ, грабежами и разбоями (Акт. врем. комм. т. I, стр. 85—88). Ихъ двоюродная сестра обокрала своего мужа, бѣжала изъ дому съ любовникомъ и въ концѣ концовъ поднесла мужу отраву (Горск. стр. 167). Сама Голшанская представляла крайнюю смѣсь религiознаго ханжества и отчаяннаго разгула; совершала какое-нибудь преступленiе—и со спокойною совѣстiю шла въ церковь благодарить Бога за помощь (Акт. врем. комм. т. I, стр. 97). Какъ набожная женщина, она постоянно имѣла при себѣ евангелiе въ позолоченной оправѣ и кипарисный ковчежецъ, наполненный золотыми и серебряными образками и частицами мощей. Всѣ эти вещи имѣли тѣмъ большую святость въ ея глазахъ, что онѣ прiобрѣтены были не то, чтобъ изъ Кiева (тамъ же стр. 72), но изъ самаго Iерусалима, отъ тамошнихъ патрiарховъ и »за большую цѣну« (стр. 160). Эта же столь набожная женщина, слѣпо уважавшая все, что носило характеръ церковной святыни (стр. 77), со всею наглостiю поругалась надъ бракомъ и святостью супружескихъ обязанностей (стр. 204—212); открыто вела развратную жизнь съ своимъ любовникомъ, а впослѣдствiи времени, за ревностную и вѣрную службу, отписала ему значительную сумму денегъ, обезпечивши ее на имѣнiи своей дочери (Акт. врем. комм. т. II, стр. 291); вѣрила въ колдовство и чародѣйство (т. I, стр. 98); приблизила къ себѣ служителей алтаря, и этихъ же служителей подѣлала своими шпiонами (стр. 98).... И вотъ эта-то женщина попала въ подруги суровому москвитянину, воспитанному на самыхъ строгихъ началахъ христiанской нравственности!

Если историки задаютъ вопросъ, что побуждало Курбскаго жениться на Голшанской, то кажется гораздо умѣстнѣе будетъ спросить, что заставило Голшанскую выходить замужъ за Курбскаго?—Пора идеальной любви для нея уже миновала: ей было за сорокъ лѣтъ (Сказ. Курб. стр. XXI.). Вѣроятнѣе всего то, что она не поладила съ своими дѣтьми (Акт. врем. комм. т. I, стр. 75) и родственниками,

и хотѣла найти защиту у Курбскаго, который тогда еще занималъ очень видное мѣсто въ ряду литовской аристократіи (стр. 49, 70, 71). Въ противномъ случаѣ я не могу объяснить того обстоятельства, что не только благопріобрѣтенныя имѣнія, но и свои родовыя, записала не своимъ наслѣдникамъ, а именно Курбскому, и передала ему всѣ дарственныя записи на эти имѣнія (стр. 31, 73—75). Справедливость моего мнѣнія подтверждается, если обратить вниманіе на тѣ отношенія, какія установились между Голшанскою, будущею женою Курбскаго, и ея родною сестрою, Анною Мыльскою. Эта послѣдняя, не имѣя отдѣльной недвижимой собственности (стр. X.), была въ полномъ смыслѣ искательница приключеній. Она вела безпрерывныя тяжбы съ Голшанскою, которая въ 1578 году имѣла болѣе двухъ сотъ выписей изъ актовыхъ книгъ по тяжебнымъ дѣламъ съ нею (Акт. стр. 155). Мало того лично предводительствуя отрядами вооруженныхъ слугъ, Мыльская нападала на имѣнія своихъ сосѣдей, грабила и обирала кого-попало (стр. XII) а въ 1570 году напала на дорогѣ на свою же сестру и ограбила (154). Очевидно, Голшанская отъ души рада была имѣть мужемъ Курбскаго, и если не могла плѣнить его цвѣтущею красотою (Сказ. Курб. XXI.), то легко могла обворожить его своимъ обхожденіемъ и кокетствомъ. Вѣдь она была опытная, бывалая и рѣшительная шляхтянка, а Курбскій далеко не былъ избалованъ женскими ласками (стр. 153). Но подобныя условія супружества рѣшительно не могутъ ручаться за прочность супружеской вѣрности. Наконецъ, въ-третьихъ, на характеръ семейныхъ отношеній между Курбскимъ и Голшанскою имѣли рѣшительное вліяніе нѣкоторыя случайныя обстоятельства.—Обиженный правительствомъ, живя среди людей, »зло негостелюбныхъ«, испытывая на каждомъ шагу недоброжелательство и измѣну, Курбскій если не падалъ духомъ совершенно, то долженъ былъ быть постоянно мрачнымъ и угрюмымъ. Это мрачное настроеніе духа еще болѣе и болѣе усиливалось тѣми безотрадными, грустными вѣстями, какія доносились къ нему изъ Россіи. Родственники Курбскаго, князья Ярославскіе гибли насильственною смертію (Ист. Гос. Рос. Карамз. т. IX, стр. 160. изд. Смирдина. Горск. стр. 315 Сказ. Курб. 220.); имѣнія ихъ и наслѣдственныя имѣнія Курбскаго были разграблены и разорены; мать, жена и сынъ Курбскаго были замучены Іоанномъ Грознымъ въ темницѣ. Къ этому присоединялась и естественная грусть по »любимомъ отечествѣ«, вдали отъ котораго Курбскій не находилъ ни покоя ни отрады. Новые

любимцы грознаго царя, льстецы и наушники также не добро предвѣщали (Сказ. Курб. стр. 72). »Вся сія говоритъ Курбскій вѣдахъ и слышахъ, и быхъ объятъ жалостію, и стѣсняемъ отовсюду унынiемъ, и снѣдающе тѣ нестерпимыя предреченныя бѣды, яко моль сердце мое« (Акт. врем. ком. т. II, стр, 306, 308).

Вслѣдствіе этого, дабы не »потребиться уныньемъ«, а также и по своей природной склонности къ дѣлу книжному, Курбскій постоянно занимался науками и литературою: изучалъ латинскую грамматику, переводилъ »великихъ учителей церкви« и классиковъ, велъ довольно дѣятельную переписку съ людьми болѣе или менѣе интересными ему, и писалъ отдѣльныя сочиненія.

Зная личныя свойства Голшанской, ея разгульный характеръ, зная нравы окружающей среды, мы безошибочно можемъ заключить, что Голшанская не могла надолго сохранить своей привязанности, еслибы эта привязанность когда-нибудь существовала. И дѣйствительно, своего мужа Голшанская не взлюбила очень скоро. Сыновья и родственники ея, вслѣдствіе извѣстныхъ уже причинъ, еще болѣе усилили эту неріязнь и вступили въ открытую борьбу съ Курбскимъ.

IV.

На первыхъ порахъ, не имѣя возможности вредить Курбскому явно, потому что онъ все еще имѣлъ довольно большое значеніе въ кругу литовской аристократіи, родственники Голшанской начали дѣйствовать противъ него разными окольными путями. Съ одной стороны они старались вооружить противъ Курбскаго общественное мнѣніе, и, такъ-сказать, подорвать его авторитетъ. Съ этою цѣлью они выдумывали на него разныя небывалыя вещи пасквильнаго характера, заносили на него ложные доносы и такимъ образомъ придавали своимъ заявленіямъ офиціальный характеръ (Акт. врем. комм. т. I, стр. 70). Съ другой стороны они всѣми мѣрами старались доводить Курбскаго до убытковъ: нападали на его помѣстья (Горск. стр. 160); среди бѣлаго дня грабили и убивали людей, преданныхъ его интересамъ (Акт. врем. комм. т. II, стр. 17); подговаривали слугъ Курбскаго красть у него разныя дорогія вещи и дѣловыя бумаги. Все это было только подготовленіемъ къ той борьбѣ, которую завязали съ Курбскимъ родственники его жены Голшанской. Далѣе они начинаютъ дѣйствовать уже болѣе открыто.

Дѣло началося съ того, что Голшанская при удобномъ случаѣ украла у своего мужа »найнужнѣйшія привиллегіи и документы« (83) и отослала ихъ своему сыну Яну Монтолту, чрезъ своего любовника (205), домашняго секретаря Мироновича (17). Послѣ домашняго обыска, Курбскій никакихъ документовъ у жены, конечно, не нашелъ, а отыскалъ »въ сундукѣ мѣшочекъ съ пескомъ, волосьемъ и другими чарами«. Узналъ при этомъ, что Голшанская старалась найти какую-то старуху дабы пріобрѣсть у нея отраву для него (Курбскаго, 98). Послѣ всѣхъ этихъ обстоятельствъ Курбскій, можетъ быть для собственной безопасности, не долго думая, заперъ свою жену въ замкѣ ковельскомъ. Но надзоръ за нею былъ не строгій, потому что Голшанская отсюда имѣла возможность переписываться съ своими сыновьями. Какой-то игуменъ Симеонъ и нищіе-калѣки разносили ея письма (98); даже слуги Курбскаго были на ея сторонѣ (Мироновичъ, Вишняковъ (140); какая-то дѣвка Ранна, которая съ братомъ своимъ, по желанію Голшанской, украла у Зубцовскаго документы на Дубровицу и Ковель (Акт. т. II, стр. 97). Въ своихъ письмахъ Голшанская умоляла сыновей увезти ее изъ замка тайно или открытою силою (98) и поскорѣе »освободить отъ тирана мужа« (129). Неимѣя возможности достигнуть этого прямымъ путемъ, Андрей Монтолтъ рѣшился убить Курбскаго. Задавшись этою цѣлью, онъ съ толпою вооруженныхъ слугъ и единомышленниковъ постоянно шнырялъ по ковельскимъ имѣніямъ и подстерегалъ Курбскаго вездѣ по дорогамъ (84).

Однажды онъ сдѣлалъ нападеніе на землю скулинскую (имѣніе Курбскаго), надѣлалъ тутъ пропасть убытковъ; многихъ крестьянъ до полусмерти избилъ и изуродовалъ, иныхъ, связавши, увезъ съ собою желая допросить, гдѣ находится ихъ владѣлецъ (86—88). Вѣроятно, при такихъ обстоятельствахъ, Курбскій по возможности скрывалъ свое мѣстопребываніе даже отъ своихъ людей (40—44). И если такъ, то нѣтъ никакой необходимости ставить въ вину Курбскому неизвѣстность его мѣстопребыванія, что дѣлаетъ Горскій (стр. 161).

Не довольствуясь всѣмъ этимъ, А. Монтолтъ хотѣлъ притянуть Курбскаго къ суду. Онъ вѣроятно очень хорошо понималъ, что при безсиліи исполнительной власти, офиціально дозволившей расправу съ ненавистнымъ сосѣдомъ собственными силами и средствами (Арх. юго-зап. Россіи ч 2, т. I, стр. XXX), Курбскому труднѣе будетъ отстаивать свои интересы. Разсчетъ былъ вѣренъ. Монтолтъ подалъ

жалобу на Курбскаго въ томъ, будто-бы по дошедшимъ до него слухамъ, онъ (Курбскій) избилъ свою жену а его мать Голшанскую, заперъ ее въ замкѣ, гдѣ она отъ побоевъ и скончалась (Акт. врем. комм. т. I, стр. 80). По странному совпаденію обстоятельствъ, лица, назначенныя для разслѣдованія дѣла на мѣстѣ, нашли Курбскаго очень больнымъ; при немъ сидѣла и его жена. Какими судьбами она была тутъ, Богъ ее вѣдаетъ!—знаемъ только, что, »по дошедшимъ до Монтолта слухамъ«, она должна была быть не въ Миляниновичахъ возлѣ Курбскаго, а въ ковельскомъ замкѣ умершею отъ побоевъ. Подробными распросами слѣдователи убѣдились, что Голшанская дѣйствительно жива и не избита (80 –82). Такъ какъ доносъ Монтолта оказался ложнымъ, то Владимірскій урядъ прекратилъ дѣло. Тогда, братъ Андрея, Янъ Монтолтъ рѣшился подать жалобу самому королю. Жаловался Монтолтъ на то, что Курбскій жестоко обходился съ его матерью а своею женою; будто-бы, желая завладѣть ея имуществомъ, онъ избилъ ее, измучилъ, и заперъ въ замокъ,—такъ что и жизнь ея въ опасности (Лит. метр. № 11). Король потребовалъ было Курбскаго па судъ (1578). Но до королевскаго суда не дошло; дѣло было порѣшено третейскимъ судомъ, составленнымъ изъ »пріятелей« отъ каждой стороны. По приговору »пріятелей«, Курбскій обязывался подарить своей женѣ ея долгъ: тринадцать тысячъ копъ грошей литовскихъ (хорошіе пріятели!). Далѣе предложены были условія по поводу различныхъ сдѣлокъ между Курбскимъ и его женою, получившія тутъ же при свидѣтеляхъ официальную извѣстность. Въ заключеніе Курбскій, по приговору тѣхъ же пріятелей, долженъ былъ согласиться на разводъ съ Голшанскою. Послѣднее условіе выполнить было очень легко, при существованіи обычая »разлуки« (Арх. юго-зап. Росс. ч. 4, т. I, стр. 41, 150). Курбскій и Голшанская отправились во Владимірскій урядъ, и, по выполненіи обычныхъ обрядовъ, перестали быть супругами.

Казалось Курбскій сдѣлалъ все, что могъ сдѣлать къ удовлетворенію буйной партіи своей жены: развелся съ Голшанскою, подарилъ большую сумму денегъ, которую она обезпечила нѣсколькими своими имѣніями (Акт. врем. комм. т. I, стр. 123); отпуская Голшанскую, онъ оказывалъ значительную долю внимательности (137) и даже далъ для ея поѣздки свой экипажъ. Какъ же за все это отплатила Курбскому Голшанская и вся родня ея? Когда Голшанская пріѣхала въ свое имѣніе, то Н. Сапѣга, »пріятель« Курбскаго (117), овладѣлъ его экипажемъ

и четверкою лошадей, перебилъ его человѣку руки и ноги, ругалъ Курбскаго, въ присутствіи его слугъ, самымъ площаднымъ образомъ, и даже похвалялся убить его (стр. 138). Далѣе. 2-го августа 1578 г. Курбскій офиціально заявилъ, что онъ даритъ Голшанской долгъ и возвращаетъ ей всѣ документы на заложенныя ею у него имѣнія (стр. 124). Въ тотъ же день она занесла жалобу въ томъ, будто-бы Курбскій, разведясь съ нею, удержалъ все ея движимое имущество и всѣ документы (128—134). Жаловалась, что Курбскій обращался съ нею жестоко, побоями и заключеніемъ вынудилъ у нея нѣсколько десятковъ бланковыхъ листовъ (Слич. стр. 30, и 73—75), на основаніи которыхъ совершалъ свои дарственныя записи (125—127); жаловалась, что Курбскій удержалъ ея дѣвку Райну, измучилъ ее до полусмерти, посадилъ въ темницу и приказалъ своему слугѣ изнасиловать ее (135—слич. стр. 166).

Чѣмъ ближе къ развязкѣ, тѣмъ болѣе и болѣе исторія Курбскаго принимаетъ мрачный колоритъ. Будучи обманутъ въ своихъ лучшихъ ожиданіяхъ, онъ еще разъ попытался испробовать счастья. Менѣе чѣмъ чрезъ годъ послѣ развода съ Голшанскою, онъ снова женился (въ 1579 г.); но при выборѣ жены для себя онъ уже не повторилъ своей прежней ошибки. Молодая жена Курбскаго происходила не изъ знатной аристократической фамиліи, и не владѣла такимъ большимъ приданнымъ какъ Голшанская. Это была дѣвица-сирота, дочь простаго шляхтича, старосты кременецкаго Семашка; братья ея, при которыхъ она воспитывалась и жила, были не богатые сельскіе обыватели; такъ даже что они въ крайнемъ случаѣ заложили когда-то у Курбскаго свое имѣніе. Родство съ Курбскимъ было для нихъ истиннымъ благодѣяніемъ (стр. 174). Это очень хорошо понимала Александра Семашковна (такъ называлась молодая жена Курбскаго), и конечно привязалась къ своему благодѣтелю всею своею душою. Курбскій также любилъ свою молодую жену за ея благородный характеръ и честное поведеніе (стр. 233, 234). Такимъ образомъ только уже подъ конецъ жизни къ Курбскому заглянули проблески семейнаго счастья, котораго онъ не испыталъ даже смолоду (Сказ. Курб. стр. 153). Но это было только непродолжительное затишье предъ грозою. Дѣйствительно гроза не замедлила появиться. До сихъ поръ Курбскій терпѣлъ обиды и притѣсненія отъ частныхъ лицъ; правительство если не защищало его, то по крайней мѣрѣ до нѣкоторой степени все еще признавало его права. Но со времени вступ-

ленія на польскій престолъ Стефана Баторія (1575 г.), правительство въ лицѣ его начинаетъ относиться къ Курбскому уже слишкомъ безцеремонно. Всѣ его стремленія систематически направляются къ тому, чтобы унизить Курбскаго, отнять у него всѣ дарованныя ему права и привиллегіи. Заслуги его не обращали на себя никакого вниманія. На этомъ я еще буду имѣть случай остановиться.

Въ началѣ апрѣля 1579 года, Курбскій отпраздновалъ свою свадьбу, а въ іюлѣ того же года онъ двинулся съ своимъ незначительнымъ отрядомъ (Акт. врем. комм. т. II, стр. 55; Ист. гос. росс. т. IX, стр. 288) подъ стѣны Полоцка. Въ то время когда Курбскій здѣсь отстаивалъ интересы своего отечества на полѣ битвы, отправляя на собственный счетъ (Акт. врем. комм. т. II, стр. 60) впродолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ (стр. 55) всѣ издержки воинскія, на сеймѣ варшавскомъ рѣшено было произвесть наборъ, такъ-называемыхъ, гайдуковъ во всѣхъ королевскихъ имѣніяхъ на службу королевскую. Производился-ли этотъ наборъ въ другихъ королевскихъ имѣніяхъ, намъ неизвѣстно, но Курбскаго онъ не миновалъ. Когда Курбскій отправлялся на войну, то король особливымъ декретомъ объявилъ, что по существующимъ постановленіямъ, всѣ начатые противъ него (Курбскаго) иски и судебныя дѣла должны быть пріостановлены (т. I, стр. 180). По окончаніи военныхъ дѣйствій король первый позвалъ его на судъ. Дѣло завязалося съ того, что Курбскій не дозволилъ ротмистру королевскому производить наборъ въ ковельскихъ имѣніяхъ, именно этихъ гайдуковъ (189). Хотя исходъ дѣла былъ благопріятенъ для Курбскаго, но для насъ оно важно само по себѣ, какъ фактъ. Стефанъ Баторій своимъ распоряженіемъ показалъ, что онъ не признаетъ Курбскаго ни вотчинникомъ, ни даже леннымъ владѣльцемъ, ставитъ его наравнѣ съ всею безземельною шляхтою и не признаетъ за нимъ никакихъ привиллегій, данныхъ ему своимъ предшественникомъ. Вотъ почти подлинныя слова Стефана: на какихъ правахъ ты (Курбскій!) ни управлялъ-бы ковельскимъ имѣніемъ,.... во всякомъ случаѣ ты оказался нарушителемъ распоряженій верховной власти и варшавскаго сейма, и потому подлежишь взысканію—лишеніемъ уряда и всего имущества (стр. 189). Надобно замѣтить, что подобное взысканіе опредѣлялось только для старостъ и урядниковъ (тамъ же), но ничуть не для лицъ, имѣющихъ ленныя права. Однако этотъ строгій приговоръ не былъ приведенъ въ исполненіе. Дѣло порѣшилось на томъ, что Курбскій обѣщалъ, на этотъ разъ уже по своему особенному

усердію, принять участіе въ предстоящемъ походѣ противъ русскихъ, и на собственный счетъ, а не на счетъ доходовъ съ ковельскихъ имѣній, содержать не малый отрядъ войска (стр. 201). Какъ великъ былъ этотъ отрядъ неизвѣстно; но стоитъ имѣть въ виду, что Зубцовскій, предводительствуя имъ, имѣлъ возможность отличиться своею храбростію; такъ что Стефанъ Баторій, вообще скупой на награды, далъ Зубцовскому грамоту на городничество Луцкое (214) Курбскій не участвовалъ въ походѣ, потому что сильно заболѣлъ; такъ что его принесли домой на носилкахъ привязанныхъ между двумя лошадьми (стр. 222).

Отношеніе Стефана Баторія къ личности Курбскаго дало конечно еще большій просторъ своеволію частныхъ лицъ. Давнишніе враги Курбскаго не замедлили возобновить съ нимъ свои иски. Прежде другихъ на него занесла жалобу прежняя жена его Голшанская. Въ 1578 г. она офиціально заявила, что отъ Курбскаго она во всемъ получила удовлетвореніе и даже вознагражденіе, а потому освобождаетъ его отъ всѣхъ поданныхъ ею исковъ. Мало того, Голшанская подъ залогомъ 17 тысячъ копъ грошей литовскихъ обязалась не заводить ни съ самимъ Курбскимъ ни съ его дѣтьми никакихъ тяжбъ, »а въ случаѣ неисполненія этого обязательства, говоритъ она въ своей записи, каждый урядъ будетъ имѣть право взыскать силою съ меня самой и съ моего имѣнія вышеозначенный закладъ«. Это заявленіе подписано двумя свидѣтелями, сдано на руки Курбскому и конечно получило законную силу какъ документъ (стр. 163—165). Это было въ послѣднихъ числахъ декабря 1578 г. Два года все было спокойно. Въ 1581 г. Курбскій, отправляясь на войну противъ русскихъ, написалъ духовное завѣщаніе, въ силу котораго всѣ его помѣстья переходили въ пожизненное владѣніе его женѣ и главнымъ образомъ дочери отъ послѣняго брака (стр. 191). Враги его снова зашевелились. Голшанская въ томъ же 1581 г. подала жалобу королю, будто-бы Курбскій незаконнымъ образомъ расторгнулъ съ нею бракъ и удержалъ ея имущество (Сказ. Курб. стр. 456). Панцырный бояринъ Козьма Порыдубскій жаловался, что Курбскій въ 1574 году силою отнялъ у него имѣніе Трублю, захватилъ все его движимое имущество, а его самого съ семействомъ держалъ въ жестокомъ заключеніи шесть лѣтъ (Акт. врем. комм. т. II, стр. 80—90). Жаловались крестьяне смединскіе на то, будто-бы Курбскій сильно ихъ притѣсняетъ, обременяетъ податями и налогами (141—151). Жаловался землевладѣлецъ Жаба Осовецкій, что Курбскій прогналъ его

изъ имѣнія и ограбилъ все его имущество (91). Слѣдуетъ помнить, что недавно передъ этимъ Курбскаго еле живаго принесли на носилкахъ въ имѣніе. Вороновецкая жаловалась на то, будто-бы Курбскій приказалъ своему слугѣ убить ея мужа и самъ овладѣлъ ея имуществомъ (121—139).

Какъ ни защищалъ Курбскій свою правоту, однако ни одна изъ тяжбъ не рѣшена была въ его пользу.

Труднѣе всего было вести дѣло о разводѣ. Король передалъ его митрополиту Кіевскому Онисифору Петровичу для разсмотрѣнія со стороны каноническихъ постановленій. Митрополитъ потребовалъ Курбскаго на судъ (Т. I, стр. 24). Видя, что дѣло плохо, что дѣти его отъ Семашковны могутъ быть признаны незаконными и потому будутъ лишены наслѣдства, Курбскій отъ себя подалъ заявленіе о развратной жизни Голшанской въ ту пору, когда она была еще его женою. Заявленіе подтверждено было нѣсколькими свидѣтелями, застававшими ее на мѣстѣ преступленія (205—213). Но несмотря на всю очевидность дѣла, несмотря на всю виновность Голшанской, митрополитъ порѣшилъ, что разводъ Курбскаго съ Голшанскою не законенъ, противенъ священному писанію и правиламъ святыхъ отцовъ; потому что ни мужъ ни жена не представили никакихъ резонныхъ причинъ къ расторженію брака. Надобно замѣтить, что разводъ былъ утвержденъ Владимірскимъ *епископомъ*, которому должны же были быть извѣстны правила церкви. (Акт. т. I, стр. 107—114). При томъ же, хотя бы разводъ былъ дозволенъ и по законнымъ причинамъ, то Курбскій при живой женѣ не могъ вступать въ новый бракъ. При этомъ же митрополитъ жаловался, что Кубскій оказываетъ непослушаніе духовной власти и не является на судъ, не допускаетъ къ себѣ посланцевъ съ позовными листами и даже приказывалъ бить ихъ. Впрочемъ по офиціальному дознанію оказалось, что во время всей этой процедуры Курбскій былъ опасно боленъ и не поднимался съ постели (стр. 222). Въ концѣ-концовъ митрополитъ назначилъ еще одинъ срокъ, въ который Курбскій долженъ былъ непремѣнно явиться на судъ, не извиняясь никакими причинами (Сказ. Курб. стр. 458).

Выполнилъ-ли Курбскій это предписаніе или не выполнилъ—неизвѣстно; на этомъ тяжба и обрывается. Есть основаніе думать, что и на этотъ разъ между нимъ и Голшанскою все уладилось мировою сдѣлкою. Въ своемъ второмъ духовномъ завѣщаніи, писанномъ уже въ 1583 г., Курбскій между прочимъ говоритъ: »что касается бывшей

жены моей М. Ю. Голшанской, которая звала меня на судъ къ королю и митрополиту, то я заключилъ съ нею мировую сдѣлку на вѣчныя времена согласно съ рѣшеніемъ митрополита и на основаніи записей данныхъ нами другъ другу, и ей нѣтъ болѣе никакого дѣла ни до меня самого ни до моего имущества (Акт. врем. комм. т. I, стр. 238).

Здѣсь по крайней мѣрѣ было хотя какое-нибудь разслѣдованіе дѣла;—обѣ тяжущіяся стороны имѣли возможность защищаться. Не то было далѣе. На жалобу Порыдубскаго король наложилъ свое рѣшеніе безъ всякаго суда и слѣдствія. Курбскому предписывалось возвратить жалобщику имѣніе, удовлетворить его за всѣ убытки и за тюремное заключеніе, а на будущее время не припуждать ни къ какимъ повинностямъ (Акт. врем. комм. т. II, стр. 86). Для насъ не сохранилось отвѣта Курбскаго на подобное »ласковое рѣшеніе королевской милости« (стр. 87), а потому многое въ этой тяжбѣ остается намъ неразъясненнымъ. Надобно только замѣтить, что имѣніе Трубля принадлежало къ волости ковельской, и Курбскій имѣлъ на него права какъ ленный владѣлецъ (Акт. врем. комм. т. II, стр. 82). Еще болѣе мрачный исходъ имѣла тяжба Курбскаго съ Яцкомъ Жабою Осовецкимъ. Осовецкая слобода принадлежала къ той же ковельской области Владѣлецъ ея, на основаніи существующихъ постановленій, долженъ былъ принимать участіе въ походахъ по востребованію своего князя. Предъ однимъ изъ своихъ походовъ Курбскій между прочими звалъ на службу и Осовецкаго. Этотъ на отрѣзъ отказалъ (91). Курбскій, какъ и слѣдовало ожидать, назначилъ ему (восьминедѣльный) срокъ для выѣзда изъ Осовца. Послѣ вторичнаго напоминанія объ этомъ, »пани Яцковая, забравъ все свое имущество, выѣхала (95). Между тѣмъ Яцко Осовецкій присвоилъ себѣ хлѣбъ, принадлежащій Курбскому, сложенный на гумнѣ въ Осовцахъ (113—114), да еще нажаловался королю, будто-бы Курбскій вооруженною силою выгналъ его изъ имѣнія, заграбилъ все имущество, измучилъ жену и дѣтей (97). Послѣ произведеннаго дознанія оказалось, что обвинительные пункты Осовецкаго ложны (105), что Курбскій въ своихъ дѣйствіяхъ былъ юридически правъ (107—112). Въ такомъ видѣ все дѣло представлено было королю на рѣшеніе. Король предписалъ Курбскому возвратить Осовецкому его имѣніе и удовлетворить его за всѣ убытки. Прочитавши это рѣшеніе, Курбскій не удержался; онъ вышелъ изъ терпѣнія, отъ души »обругалъ королевскаго коморника не-

пристойными московскими словами; но все-таки »его королевской милости« не воспротивился (115, 116, 119, 120).

Такимъ образомъ Курбскій, убитый тоскою по родинѣ и обманутый въ своихъ лучшихъ ожиданіяхъ, испытывая на каждомъ шагу недоброжелательство и измѣну, дожилъ до послѣднихъ дней. Предчувствуя свою близкую смерть, онъ написалъ второе духовное завѣщаніе, 1583 года въ концѣ апрѣля, а не болѣе какъ черезъ полмѣсяца онъ сошелъ со сцены. Тяжелыя предчувствія тѣснились въ душѣ Курбскаго въ предсмертныя минуты относительно участи его семейства. Онъ очень хорошо понималъ всю беззащитность его среди людей тяжкихъ и зѣло негостелюбныхъ. Въ подобномъ безвыходномъ положеніи онъ поручалъ свое осиротѣлое семейство именно тому, отъ кого при жизни испыталъ наименѣе ласкъ, »его королевской милости государю своему« Стефану Баторію. Высказывая полнѣйшую надежду на »природную доброту и милость« королевскую, которою Курбскій всегда пользовался при жизни, онъ какъ наименьшій и подножный слуга, просилъ короля обращать свое милостивое вниманіе на его семейство и защищать его отъ всякихъ обидъ (Акт. врем. комм. т. I, стр. 230—231). Еслибы Курбскій писалъ это когда-нибудь въ другое время и при другихъ условіяхъ, можно было-бы подумать, что это злая иронія обиженнаго человѣка. Но Курбскій писалъ это въ духовномъ завѣщаніи, предчувствуя близкую смерть,—когда ужъ конечно не до ироній и не до колкостей; потому въ его словахъ должно скорѣе видѣть хватаніе утопающаго за соломинку.

Напрасно Курбскій высказывалъ такую увѣренность въ добротѣ короля. Хотя онъ распредѣлялъ между наслѣдниками свои имѣнія на основаніи королевскихъ грамотъ, пожалованныхъ ему въ разныя времена (Тамъ же, стр. 232), хотя онъ назначилъ опекунами для своего семейства лицъ вполнѣ добросовѣстныхъ и честныхъ (231); но правительство только и ждало его смерти. Съ этихъ поръ оно систематически, не стѣсняясь, приводитъ въ исполненіе свою давнюю мысль о возвращеніи ковельскихъ имѣній въ казну. Уже въ 1585 г. возвращено было въ казну имѣніе смединское. Наслѣдники Курбскаго получили за него тысячу копъ грошей литовскихъ; да и то вѣроятно только потому, что эти деньги занялъ у Курбскаго покойный король Сигизмундъ II Августъ подъ росписку (стр. 272). Надо же было поддержать королевскую честь! Преемникъ Стефана Баторія король Сигизмундъ III началъ

уже слишкомъ грубо относиться къ наслѣдникамъ Курбскаго. Такъ, когда въ 1588 г. нѣсколько крестьянъ-злоумышленниковъ сожгли своего папа Барановскаго, который управлялъ имѣніемъ Борки по назначенію Курбскаго, то Сигизмундъ III, не долго думая, причислилъ это имѣніе къ своему столу (Акт. врем. комм. т. II, стр. 306), несмотря на то, что оно по всѣмъ правамъ должно было принадлежать наслѣдникамъ Курбскаго, какъ частица ковельской волости. Скоро послѣ этого отнято было у нихъ имѣніе Туличовъ, и возвращено Красенскимъ (1590 г.).

Дошла наконецъ очередь до Ковля. Княгиня Курбская, по смерти своего мужа, приняла Ковель со всѣми его имѣніями изъ рукъ правительства, слѣдовательно была законною владѣтельницею въ нихъ (стр. 246). Значитъ правительству не удобно было отнимать его у Курбской безъ всякой причины, потому что это было-бы уже похоже на грабежъ; а надобно было придраться къ случаю. За этимъ конечно дѣло не стало. Такъ какъ случая долго не представлялось; княгиня Курбская хотя и обижала своихъ подданныхъ (253—268), но опекуны не заносили жалобъ въ высшія судебныя инстанціи; то правительство само уладило все дѣло. Королевскій инстигаторъ *) донесъ королю Сигизмунду III, что наслѣдники Курбскаго незаконно владѣютъ ковельскимъ имѣніемъ и пользуются его доходами (Акт. врем. комм. т. II, стр. 182). Этого только и нужно было. Удовлетворивши нѣкоторымъ формальностямъ, Сигизмундъ предписалъ отобрать у наслѣдниковъ Курбскихъ ковельскія имѣнія; а за пользованіе ими взыскать съ нихъ сто тысячъ злотыхъ.

На эти нѣкоторыя формальности я долженъ обратить вниманіе, потому что онѣ, во-первыхъ, интересны сами по себѣ; во-вторыхъ, въ высшей степени характеризуютъ отношенія польскаго верховнаго правительства къ семейству Курбскаго.

Вслѣдствіе доноса инстигатора, королевскому прокурору поручено было начать искъ съ наслѣдниками Курбскаго формальнымъ порядкомъ. По требованію суда, княгиня Курбская съ восьмилѣтнимъ сыномъ въ сопровожденіи опекуновъ или ихъ повѣренныхъ отправилась въ Варшаву присутствовать при рѣшеніи дѣла. Адвокатъ наслѣдниковъ Курбскихъ Бруяка очень хорошо понималъ, что жалованныя грамоты, данныя Сигизмундомъ II покойному А. М. Курбскому на ковельское имѣніе, не могутъ имѣть законной силы, потому что онѣ не были утвер-

*) Такъ назывался сановникъ, подававшій доносъ о всякомъ нарушеніи права въ томъ случаѣ, если не было прямаго истца, или обвинителя. Онъ обыкновенно являлся истцомъ отъ имени короля.

ждены сеймомъ. Вслѣдствіе этого онъ началъ дѣло съ другой стороны. Ссылаясь на законы великаго княжества Литовскаго, Бруяка доказывалъ, что позовъ къ суду не дѣйствителенъ, потому что опекуны не означены въ этомъ позвѣ поименно; что настоящее дѣло не подлежитъ суду королевскому, но земскому, или сейму (Лит. ст. разд. 3, стр. 4); что наконецъ сынъ Курбскаго не можетъ являться на судъ, потому что не достигъ совершеннолѣтія (Лит. ст. разд. 6, арт. 7). На основаніи всего этого адвокатъ Бруяка требовалъ, чтобы, во-первыхъ, дѣло было отложено до совершеннолѣтія Димитрія Курбскаго, и во-вторыхъ, чтобы оно было передано на разсмотрѣніе сейма. Королевскій прокуроръ отвѣчалъ, что откладывать до совершеннолѣтія наслѣдниковъ или отлагать дѣло до будущаго сейма было-бы противно законамъ и обычаямъ (значитъ обычаи бывали иногда по своему значенію равносильны закону?), тѣмъ болѣе что этимъ самымъ причиненъ будетъ вредъ имѣніямъ, принадлежащимъ столу королевскому (а! вотъ это другое дѣло!). Судъ приказалъ продолжать процессъ. Бруяка протестовалъ; на его протестъ не обратили вниманія. Бруяка требовалъ отсрочки рѣшенія дѣла, такъ какъ нѣкоторые нужные ему документы остались у тѣхъ опекуновъ, которые не были позваны на судъ. Ему отказали, и потребовали тѣхъ документовъ, на основаніи которыхъ подсудимые владѣли ковельскимъ имѣніемъ. Послѣ этого смѣло можно было считать дѣло проиграннымъ. Бруяка не ошибся: ни письма частныхъ лицъ, приглашавшихъ А. М. Курбскаго изъ Россіи, ни жалованныя грамоты Сигизмунда II Августа не были признаны законными. Оставалось наложить окончательное рѣшеніе по дѣлу Курбскихъ. Но »вникнувъ въ представленныя обѣими сторонами грамоты и листы, говорили судьи,... мы отложили рѣшеніе до другого времени, чтобъ это важное дѣло окончить благоразумно«. Чрезъ мѣсяцъ потребованы были подсудимые для выслушанія окончательнаго уже »благоразумнаго« приговора. Но ни Курбская съ сыномъ, ни опекуны на этотъ разъ въ присутствіе не явились; явилось только два повѣренныхъ съ ихъ стороны. Чѣмъ кончилось это дѣло, какое рѣшеніе получили Курбскіе по своему иску —легко догадаться. По прочтеніи приговора, явился Фирлей, зять Голшанской, бывшей Курбской, и представилъ жалованную королевскую грамоту на пожизненное владѣніе ковельскимъ имѣніемъ. Спрашивается, если жалованная грамота на ковельское имѣніе дана была Фирлею еще до рѣшенія дѣла Курбскихъ, то какой смыслъ имѣли всѣ эти фор-

мальности? кого желало дурачить польское верховное правительство, »вникая въ представленныя грамоты, выслушивая мнѣнія, собирая голоса сенаторовъ и отлагая дѣло до другаго времени, чтобы окончить его »благозазумно« (Акт. врем. комм. т. II, стр. 200)? и неужели этому многочисленному собранію сенаторовъ, собранію, какого »въ другое время быть не можетъ« (192), не нашлось болѣе важнаго предмета для обсужденія, какъ то, какъ-бы обидѣть осиротѣлое семейство несчастнаго выходца, котораго сами вызвали и котораго при жизни-то не ласкали? Гольшанская восторжествовала: »благородные искренно вѣрно милые« королю Курбскіе, которымъ торжественно объявлялась »королевская ласка«, вмѣстѣ съ этою ласкою получили формальное предписаніе—впродолженіе шести недѣль убраться по добру по здорову изъ ковельскаго имѣнія, которое уже принадлежало другому. »А буде наслѣдники Курбскаго станутъ противиться выполненію королевскаго декрета, то имъ угрожалъ штрафъ въ сто тысячъ злотыхъ (204 –206). Княгиня Курбская противъ этого рѣшенія протестовала, основываясь на нѣкоторыхъ постановленіяхъ Сигизмунда I, отъ 1507 года. Но этой апелляціи вовсе не дали хода (212). Тѣмъ временемъ толпа слугъ Фирлея, по его распоряженію, ворвалась въ ковельскій замокъ, изуродовала и перебила сторожей, пограбила гдѣ что было, наконецъ съ руганью и угрозами прогнала семейство Курбскаго ночью изъ города (Акт. врем. ком. т. II, стр. 214—215). Мимоходомъ замѣчу, что это происшествіе было подробно описано и сдано въ архивъ (215). Принимая Ковель въ свое владѣніе, Фирлей увидѣлъ, что ковельскій замокъ опустошенъ, казна церковная, хранившаяся тутъ, и многія дорогія вещи были расхищены. Безъ долгихъ разсужденій онъ приказалъ арестовать Курбскую, впредь »до дальнѣйшаго приказанія королевскаго« (227).

Что было дальше,—неизвѣстно; знаемъ только, что Курбская (Семашковна) доживала вѣкъ въ бѣдности и неизвѣстности въ своемъ родовомъ имѣніи; она умерла приблизительно въ 1605 или 1606 г.

Извлечемъ нѣкоторыя общія положенія изъ всего сказаннаго о жизни Курбскаго въ Литвѣ. Во-первыхъ, отношенія къ нему литовской аристократіи и мѣстнаго правительства имѣютъ характеръ систематическаго преслѣдованія, хотя цѣли у нихъ были неодинаковы.

Во-вторыхъ, мы совершенно не въ правѣ утверждать, что король пріобрѣлъ въ Курбскомъ подданнаго »строптиваго и непокорнаго«. Потому что, при безсиліи королевской власти, дозволившей подданнымъ

собственноручную расправу, при крайнемъ своеволіи литовскихъ магнатовъ, не признававшихъ никакой власти, производившихъ постоянные разбои и грабежи и безпощадно издѣвавшихся надъ предписаніями короля, Курбскій все еще вѣритъ въ авторитетъ верховной власти, не предпринимаетъ опустошительныхъ нападеній на сосѣднія села »имѣя въ виду только грабежъ и разбой«, и за всякую обиду за всякое притѣсненіе прежде всего обращается къ верховной защитѣ.

Характеризуя дѣятельность Курбскаго въ Литвѣ, слѣдуетъ поставить дѣло такимъ образомъ: Курбскій прибылъ въ страну, гдѣ своеволіе народа не знало границъ, гдѣ граждане постоянно находились какъ будто въ осадномъ положеніи, боясь другъ друга, гдѣ верховная исполнительная власть не выработала для себя прочныхъ основъ и не въ силахъ была приводить въ исполненіе собственные приговоры,— гдѣ слѣдовательно уважалась главнымъ образомъ грубая физическая сила, не признававшая никакихъ законовъ. Понятно, что Курбскій не могъ найти защиты въ верховной власти,—и предоставленъ былъ исключительно собственнымъ силамъ. Но что главнѣе всего—характеръ его дѣятельности имѣлъ направленіе *не наступательное*, а *оборонительное;* враждебныя столкновенія его съ сосѣдями были вызваны *не дикимъ безпутнымъ произволомъ, а необходимостію.*

Наконецъ, въ-третьихъ, подобнаго рода дѣятельность была вовсе не въ характерѣ Курбскаго; къ нему вовсе не привилось своеволіе литовскихъ магнатовъ; напротивъ Курбскій всякій разъ старается освободиться отъ враждебныхъ столкновеній съ ними. Нерѣдко съ убыткомъ для себя онъ повинуется королевскимъ декретамъ или заключаетъ мировыя сдѣлки съ своими недругами. Припомните условія развода съ Голшанскою; тяжбу съ нею предъ судомъ Кіевскаго митрополита; дѣло съ Яцкомъ Осовецкимъ и др. И Горскій не опровергаетъ того факта, что Курбскій, во время пребыванія въ Литвѣ, живя между людьми тяжкими и зѣло не гостелюбными, »искалъ утѣшенія *не въ шумныхъ забавахъ* а въ наукѣ«, въ изученіи и переводахъ,—занятіе, которому онъ предавался даже »съ напряженіемъ силъ« (стр. 24).

V.

Но вѣдь историки, произносящіе безпощадный приговоръ о Курбскомъ, на чемъ-нибудь основываютъ же свое мнѣніе?

Здѣсь весьма умѣстно обратить вниманіе на тѣ положенія, которыми обыкновенно пятнаютъ личность Курбскаго.

Горскій говоритъ: »главною задачею Курбскаго по отношенію къ обществу было достиженіе полной безотчетной самостоятельности.... основное правило его было: во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ слѣдовать указанію своихъ выгодъ, не стѣсняться законами.... Законъ терялъ силу въ глазахъ Курбскаго, какъ скоро становился въ разладъ съ его разсчетами. Однимъ словомъ Курбскій самъ хотѣлъ быть для себя законодателемъ (стр. 157). Раздражая короля своеволіемъ, Курбскій былъ въ отношеніи къ равнымъ себѣ самымъ безпокойнымъ сосѣдомъ.... съ толпою вооруженныхъ слугъ врывался во владѣнія своего недруга, жегъ, грабилъ и убивалъ людей. Случалось, что онъ поступалъ такъ и не изъ мести, но единственно изъ желанія корысти, имѣя въ виду только грабежъ и разбой« (стр. 160).

Эти общія положенія доказываются слѣдующими фактами.

Курбскій совершенно незаконно овладѣлъ Туличовымъ имѣніемъ Красенскихъ. Красенскіе подали жалобу королю, который приказалъ Курбскому немедленно возвратить имѣніе законнымъ его владѣльцамъ. Но Курбскій не взялъ королевскаго указа и произнесъ слова, которыя какъ нельзя лучше характеризуютъ его: ты панъ Вольскій (королевскій коморникъ) ѣздишь ко мнѣ съ мертвыми листами, потому что когда померъ король, то всѣ листы его померли,.... да хотя бы ты и отъ живаго короля пріѣхалъ ко мнѣ съ листами, то я тебѣ и никому другому Туличова не уступлю (стр. 162).

Если брать во вниманіе одинъ только этотъ отвѣтъ Курбскаго помимо обстоятельствъ всего дѣла, то дѣйствительно тонъ его нѣсколько рѣзокъ. Но имѣемъ-ли мы право не обратить вниманія на обстоятельства, вызвавшія подобный отвѣтъ? Конечно нѣтъ; между тѣмъ обстоятельства эти могутъ служить сильнымъ возраженіемъ Горскому относительно его отзыва о Курбскомъ. Во-первыхъ, высказывая подобный отвѣтъ королевскому коморнику, Курбскій ссылается на привиллегію покойнаго короля, въ силу которой онъ владѣетъ Туличовымъ: »Туличовъ не вашъ, а моя собственность, которой я вамъ не уступлю, и которую буду защищать, потому что она защищена за мною прочно, *привиллегію короля*« (Акт. врем. комм. т. I, стр. 45). Во-вторыхъ, когда подобная привиллегія была дана Курбскому и вслѣдствіе какихъ побужденій—неизвѣстно: никакихъ свидѣтельствъ объ этомъ не сохранилось;

но существованіе королевской привиллегіи въ рукахъ Курбскаго опровергаетъ всякую мысль о »совершенно незаконномъ завладѣніи«; напротивъ даетъ дѣлу *совершенно законный* характеръ. Въ-третьихъ, въ королевскомъ декретѣ (1590 г.) объ отобраніи Туличова отъ наслѣдниковъ Курбскаго выраженъ довольно интересный намекъ: »когда Красенскіе уплатили долгъ, то Курбскій уступить имъ Туличова не хотѣлъ« (Акт. врем. комм. т. I, стр. 308). Такимъ образомъ здѣсь видно, что имѣніе Красенскихъ перешло въ руки Курбскаго 1) за какой-то долгъ, 2) вслѣдствіе королевскаго декрета. А если такъ, то приговоръ Горскаго относительно поведенія Курбскаго не можетъ выдержать строгой исторической критики; не можетъ потому, что тутъ недостаточно выяснены подробности дѣла, на которыя ссылается Горскій. Непонятно, напримѣръ, какимъ образомъ Туличовъ, »незаконно« перешедшій въ руки Курбскаго, могъ находиться въ его владѣніи до конца его жизни, и даже перейти къ его наслѣдникамъ. Извѣстно, что Туличовъ отобранъ у наслѣдниковъ Курбскаго въ 1590 году.

Доказательство звѣрской жестокости и дикаго самоправства Курбскаго Горскій видитъ въ дѣлѣ его съ Чарторійскимъ. Вотъ его слова: »однажды Курбскій сдѣлалъ нападеніе на Смединъ—имѣніе князя Чарторійскаго. Чарторійскій жаловался королю на такое самоуправство. Этотъ послѣдній приказалъ Курбскому удовлетворить Чарторійскаго за убытки. Но Курбскій отвѣчалъ королевскому посланцу: я не велю вступаться въ землю смединскую, а приказываю защищать свою землю. А если смединцы будутъ присвоять мою вижовскую землю, острова, которые описаны въ *королевской* (NB) *грамотѣ*, то я прикажу ловить ихъ и вѣшать,.... я давать не повиненъ, ибо если что урядники мои и крестьяне сдѣлали, то сдѣлали защищая мою землю« (Горск. стр. 160).

Я удерживаюсь отъ подробнаго анализа объясненія Курбскаго; дѣло здѣсь говоритъ само за себя. Замѣчу коротко, что подобный отвѣтъ я готовъ назвать вполнѣ резоннымъ и основательнымъ. Здѣсь даже не видно той рѣзкости выраженій, какая замѣчается въ прежде приведенномъ отвѣтѣ Курбскаго. Здѣсь напротивъ весьма рельефно обнаруживается неподдѣльное чувство собственной правоты, высказано сдержанно, но твердо и рѣшительно. Впрочемъ и помимо всего этого, историкъ долженъ обратить вниманіе на то обстоятельство, что самое-то нападеніе Курбскаго на Смединъ было предпринято, какъ оппозиція тѣмъ безпорядкамъ, какіе производили смединскіе крестьяне въ имѣніи Курб-

скаго. При томъ же жалоба подана была Чарторійскимъ не на Курбскаго собственно, а на его урядниковъ и нѣкоторыхъ крестьянъ его (Акт. врем. комм. т. I, стр. 4). Наконецъ еще и то должно замѣтить, что король не могъ рѣшить этого дѣла иначе какъ только въ пользу Чарторійскаго;—король поставленъ былъ въ слишкомъ обязательныя отношенія къ нему какъ его должникъ (Акт. врем. комм. т. I, стр. 15).

Если въ отвѣтѣ Курбскаго Горскій возмущается словами: »я прикажу ловить ихъ и вѣшать«, то надо помнить, что это только угроза; при томъ же угроза, вызванная поведеніемъ короля. Иногда польское правительство умышленно вызывало Курбскаго »на какую-нибудь дерзость, дабы потомъ имѣть законное (?) право лишить его владѣній« (Горск. стр. 200).

Дабы убѣдиться въ томъ, что »Курбскій былъ въ отношеніи къ равнымъ себѣ самымъ безпокойнымъ сосѣдомъ«, Горскій предлагаетъ »обратить вниманіе на количество тяжебныхъ дѣлъ его (Курбскаго), стр. 160.

Собственно говоря, *количество* въ этомъ случаѣ ничего не доказываетъ. Если неоспоримо то, что Курбскій жилъ между людьми тяжкими и зело негостелюбными (Горск. стр. 154), что польское правительство умышленно вызывало его на дерзости, то *количество* тяжбъ зависѣло не отъ него. Напрасно Горскій не обратилъ вниманія на *качество*, или, такъ сказать, на внутренній характеръ,—причины, ходъ и результаты этихъ тяжебныхъ дѣлъ. Этимъ путемъ можно было-бы, кажется, прійти къ совершенно инымъ выводамъ касательно личности Курбскаго. Дѣйствительно, мало-мальски вникнувъ въ смыслъ этихъ тяжбъ, мы увидимъ, что Курбскій всякій разъ желаетъ дѣйствовать во имя закона и во имя привиллегій, данныхъ ему Сигизмундомъ II. И между тѣмъ каждое тяжебное дѣло, заведенное Курбскимъ или касающееся его, рѣшается далеко не въ пользу его. *Количество* тяжебныхъ дѣлъ, веденныхъ Курбскихъ, совершенно подтверждаетъ это мнѣніе, что уже и было показано въ своемъ мѣстѣ.

На одномъ *количествѣ* тяжебныхъ дѣлъ Курбскаго безпристрастный историкъ съ трудомъ можетъ составить цѣлостную и вполнѣ законченную характеристику его личности. Весьма немногія дѣла дошли до насъ достаточно разъясненными. Изъ нѣкоторыхъ тяжбъ сохранились одни только обвинительные акты, на которые, уже потому самому, что они обвинительные, вполнѣ положиться нельзя. Мы не всегда безоши-

бочно можемъ назвать преступниками тѣхъ, которые были подвержены заключенію или изгнанію, если обратимъ вниманіе на одни обвиненія ихъ (Крижаничъ, Максимъ Грекъ и друг.). Что касается Курбскаго, то даже тяжбы, повидимому вполнѣ законченныя, не всегда могутъ быть признаны неоспоримымъ документомъ; потому что тогда дѣла часто рѣшались безъ предварительнаго разслѣдованія,—по одному только голому доносу обвинителей (Акт. врем. комм. т. I, стр. 44; т. II, стр. 12, 141—145, и мн. др.). При этомъ надобно имѣть въ виду, что въ ту пору система ложныхъ доносовъ была въ полной силѣ; ложные доносчики и подставные свидѣтели пользовались полнѣйшею безнаказанностію. Да иначе и быть не могло, когда само правительство поддерживало такіе порядки и нѣкоторымъ образомъ покровительствовало имъ (тамъ же т. I, стр. 70, 82; т. II, стр. 141—151 и др.). Вслѣдствіе всего этого нерѣдко случалось, что въ показаніяхъ обвинителей, послѣ разслѣдованія дѣла, не оказывалось и на-волосъ правды. Иногда одна и та же личность, написавши пасквильный доносъ на Курбскаго, чрезъ нѣсколько времени положительно отказывалась отъ всѣхъ своихъ показаній. Голшанская жаловалась, что Курбскій удержалъ ея дѣвку Райну, измучилъ ее до полусмерти, заперъ въ темницѣ и приказалъ своему слугѣ изнасиловать ее (т. I, стр. 135); чрезъ годъ дѣвка Райна объявила при свидѣтеляхъ, что всѣ жалобы ея на Курбскаго ложны, что она не была ни бита, ни изнасилована (Акт. врем. комм. т. I, стр. 157). Вороновецкая жаловалась, что Курбскій убилъ ея мужа и захватилъ его имущество; чрезъ нѣсколько времени эта же Вороновецкая положительно отказалась отъ всѣхъ, взводимыхъ ею на Курбскаго обвиненій (т. II, стр. 140). Тороканов снова выдвинулъ было это дѣло, и даже для обвиненія Курбскаго призаготовилъ кое-какія фальшивыя записи, подписанныя будтобы его рукою; выставлялъ на видъ также нѣкоторыя преступленія, якобы совершенныя Курбскимъ. Не далѣе какъ черезъ мѣсяцъ Тороканов былъ схваченъ и арестованъ, и при офиціальномъ допросѣ сознался, что »изложенныя выше обвиненія онъ не прилично выдумалъ на его милость князя Курбскаго« (стр. 157—177).

Оправдываетъ-ли все это Курбскаго или не оправдываетъ,—въ настоящемъ случаѣ вещь второстепенная (Горск. стр. 197); но дѣло въ томъ, что на такихъ противорѣчивыхъ показаніяхъ основывать мнѣніе о какой-нибудь личности довольно опрометчиво.

Изъ множества тяжебныхъ дѣлъ Курбскаго преимущественное

вниманіе должно обратить на тяжбу его съ крестьянами смединскими. Почему я на нее обращаю особенное вниманіе, это будетъ ясно ниже.

Въ 1582 году 21 іюля въ »Владимірскій градской судъ« была занесена жалоба на Курбскаго. Жаловались крестьяне волости Смединъ на то, что имъ житья нѣтъ отъ ихъ владѣльца, который дѣлаетъ имъ великія обиды и притѣсненія; принуждаетъ ихъ работать сверхъ повинностей, взимаетъ большія подати, отнялъ у нихъ земли и роздалъ своимъ приближеннымъ. За полгода передъ этимъ, передъ подачею жалобы, крестьяне, продолжается въ той же жалобѣ (отъ 21 іюля), просили короля вмѣшаться въ ихъ дѣло и понудить Курбскаго удовлетворить ихъ за обиды. Но слуги Кубскаго, по приказанію своего господина, догнали на дорогѣ смединскихъ депутатовъ, посланныхъ для подачи жалобы, отняли у нихъ жалобныя грамоты, отняли деньги и самыхъ пословъ представили Курбскому. Курбскій держалъ этихъ людей въ тюрьмѣ болѣе четырнадцати недѣль,—до тѣхъ поръ пока они не представили за себя выкупъ. Когда смединскіе крестьяне, вслѣдствіе второй своей жалобы, получили уже королевскіе листы, требовавшіе удовлетворенія со стороны Курбскаго, то его слуги снова отняли отъ нихъ королевскіе листы и всѣ документы, какіе въ ту пору находились при нихъ.

Все это было записано въ жалобѣ крестьянъ смединскихъ, поданной королю на Курбскаго 21 іюля 1582 года. Выходитъ, что это была уже третья ихъ жалоба.

Чрезъ шесть дней послѣ ея подачи, въ Владимірскій судъ подано было заявленіе однимъ изъ лицъ, принадлежащихъ къ свитѣ Курбскаго, что »князь Курбскій ничего объ этихъ крестьянахъ не вѣдалъ,— никакихъ листовъ«. Немедленно послѣ этого возный Жданъ Цирскій донесъ, что священникъ Карпъ разсказывалъ Курбскому, будтобы крестьяне смединскіе, получивши какіе-то королевскіе листы, на возвратномъ пути зашли въ корчму, завели ссору съ арендаторомъ, и во время ссоры изорвали королевскіе листы.

Хотя эти два показанія въ высшей степени заподозрѣвали подлинность показаній смединскихъ крестьянъ и требовали самаго строгаго разслѣдованія дѣла, но король все-таки предписалъ Курбскому: »удовлетворить и вознаградить мужей смединскихъ сообразно ихъ требованію«, выраженному въ реестрѣ убытковъ. На это предписаніе, какъ оно пристрастно ни было, Курбскій отвѣчалъ: »я давно готовъ воз-

вратить имъ все, что у нихъ пограблено, если они желаютъ помириться со мною; а чего я у нихъ не бралъ *), чего грабить не приказывалъ, того я имъ возвращать не буду». Горскій на этомъ и заканчиваетъ анализъ тяжбы. Новое доказательство того, что Горскій, произнося свой приговоръ о Курбскомъ, дѣйствительно обратилъ вниманіе только на *количество* тяжебныхъ дѣлъ. Не удивительно, если этимъ путемъ онъ приходитъ къ ложному заключенію относительно поведенія Курбскаго: «Курбскій исполнилъ королевскій декретъ, *вѣроятно чувствуя себя не совсѣмъ-то правымъ* (Горск. стр. 193).

Странная игра фактами: Курбскій не исполняетъ королевскихъ декретовъ,—слѣдовательно онъ «подданный въ высшей степени строптивый, непокорный и неблагодарный» (Горск. стр. 158); Курбскій исполняетъ королевскіе декреты —слѣдовательно онъ «неправъ». Въ разсматриваемой тяжбѣ Курбскаго съ крестьянами смединскими на чемъ основано *вѣроятіе* Горскаго относительно виновности Курбскаго? Я едва-ли ошибусь, если скажу ни на чемъ. Предлагаю обратить вниманіе на дальнѣйшій ходъ этой тяжбы.

Не смотря на предписаніе короля, Курбскій отказался удовлетворить жалобщиковъ-крестьянъ. Тогда они снова подаютъ жалобу королю на новое самоправство своего владѣльца. Видя, что обстоятельства принимаютъ дурной оборотъ, что можетъ быть придется ни съ сего ни съ того поплатиться собственнымъ имуществомъ, вѣдь при такихъ настойчивыхъ жалобахъ можно было ожидать ополченія всей повѣтовой шляхты воеводства волынскаго (Акт. врем. комм. т. II, стр. 71), Курбскій, что-называется, наконецъ хватился за разумъ. Онъ пожелалъ, чтобы жалобщики подвержены были официальному допросу.

1582 года, 25-го октября, Курбскій явился въ Смединъ. Собраны были представители всего населенія: старшины, присяжные, ратманы, а также и крестьяне, подписаные на жалобѣ. Слуга Курбскаго Киршанецъ, въ присутствіи цѣлаго собранія, читалъ королевскій листъ, и, по прочтеніи каждой статьи, спрашивалъ крестьянъ, въ какой мѣрѣ каждое показаніе ихъ подлинно. И что же оказалось?

---

*) А они вѣроятно, составляя реестръ убытковъ, понаписывали ужь сколько сами знали! .. Можетъ быть не похуже того какъ, нѣсколько лѣтъ назадъ, нѣкоторые помѣщики при личной оцѣнкѣ своихъ имуществъ.—Припоминаю столь извѣстный всѣмъ «десятый процентъ».

Крестьянамъ смединскимъ предложенъ былъ вопросъ: отнималъ ли у нихъ князь Курбскій земли, какъ сказано въ листѣ его королевской милости?

Они отвѣчали: жаловались мы.... о земляхъ смединскихъ; но эти земли были отняты у насъ волоками еще при панѣ Францискѣ Фальчевскомъ.... Мы тогда были еще королевскими.

Отсюда видно, что самый фактъ жалобы, случившійся при Фальчевскомъ, долженъ быть отнесенъ къ 1544 году, и первоначально вызванъ былъ королевскимъ распоряженіемъ о волокахъ,—реформа, встрѣтившая довольно сильную оппозицію въ массахъ. Слѣдовательно вина въ данномъ случаѣ падаетъ вовсе не на Курбскаго.

Жалобщикамъ былъ предложенъ вопросъ, вѣрно-ли ихъ показаніе о залитіи прудовъ, сѣнокосовъ и полей ихъ паномъ Курбскимъ, какъ сказано въ листѣ его королевской милости?

Они отвѣчали: панъ нашъ.... далъ намъ взамѣнъ дворище Засядковское. За это дворище мы давали прежде поземельную плату,... а теперь владѣемъ тѣмъ дворищемъ, не исполняя за это никакихъ работъ и не давая никакой платы.

Слѣдовательно есть основаніе думать, что въ этомъ случаѣ дѣло устроилось по взаимному соглашенію между обѣими сторонами.

А что его королевская милость пишетъ о причиненныхъ намъ грабежахъ, то мы, говорятъ крестьяне смединскіе, объявляемъ, что князь Курбскій приказалъ было намъ отвезть бортницы къ рѣкѣ Бугу, а мы не повезли .. За что... князь велѣлъ взять у насъ пятьдесятъ воловъ; но, отвезши бортницы, возвратилъ намъ волы.

А что его королевская милость пишетъ, будто князь Курбскій приказалъ поймать насъ на дорогѣ, бить, мучить, посадить въ тюрьму и отнять листы, то мы объ этомъ ничего не вѣдаемъ и не жаловались... Изъ нашего села нѣтъ ни одного крестьянина ни избитаго, ни измученнаго, ни въ тюрьмѣ (Акт. врем. комм. т. II, стр. 141—155).

Такимъ образомъ, при официальномъ допросѣ, крестьяне-жалобщики положительно отказались отъ всѣхъ обвиненій, какія отъ ихъ имени были объявлены королю на Курбскаго его врагами.

Эта тяжба Курбскаго съ крестьянами смединскими имѣетъ то весьма важное значеніе для историка, что она сохранилась до нашего времени болѣе законченною и болѣе разъясненною. Здѣсь вы наблюдаете отношенія Курбскаго къ сосѣдямъ, между которыми онъ вовсе

не былъ »безпокойнымъ« (Горскій стр. 160); наблюдаете его отношенія къ своимъ крестьянамъ, которые ничего дурнаго не могли сказать противъ своего владѣльца, и которые единогласнымъ офиціальнымъ признаніемъ опровергли многія обвиненія, взводимыя на него какъ современниками такъ и потомками; видите его отношенія къ королевской власти. Обращаю вниманіе на отвѣтъ Кураскаго королевскому коморнику, въ которомъ отвѣтѣ нѣтъ ничего ни грубаго ни дерзкаго. Въ этой же тяжбѣ Курбскаго съ крестьянами смединскими вы получаете нѣкоторый образчикъ польскаго, или вѣрнѣе польско-литовскаго судопроизводства вообще. Я обращаю вниманіе на тотъ фактъ, что послѣ двухъ жалобъ, поданныхъ въ разное время, король всякій разъ рѣшалъ дѣло безъ малѣйшаго разслѣдованія; наблюдаете далѣе оттѣнки отношеній польскаго правительства къ личности Курбскаго. Я имѣю въ виду то, что два показанія, одно священника Карпа, другое слуги Курбскаго, получившія офиціальную извѣстность, не приняты въ резонъ, и дѣло рѣшено было не въ пользу Курбскаго; наблюдаете наконецъ отношенія къ Курбскому его сосѣдей, которые, вслѣдствіе непріязни къ нему, подавали на него подложныя жалобы, и, не находя дѣйствительной вины, придумывали разныя небывалыя преступленія. Припомните послѣ всего этого, какими чертами описываетъ поведеніе Курбскаго въ Литвѣ Горскій, и вы увидите, чего заслуживаетъ Курбскій, положительнаго-ли обвиненія, ѣдкаго, безпощаднаго, или же онъ заслуживаетъ оправданія, или по крайней мѣрѣ снисхожденія *).

Далѣе.—Въ вину Курбскому ставятъ то обстоятельство, что онъ началъ распоряжаться пожалованнымъ ему имѣніемъ, какъ полною соб-

*) Замѣчательно, что и у г. Соловьева, при полномъ повидимому историческомъ безпристрастіи, при самомъ строгомъ фактическомъ отношеніи къ дѣлу, легко подмѣчается нѣкоторая неточность во взглядѣ на жизнь и дѣятельность Курбскаго въ Литвѣ. Дѣло у г. Соловьева представляется въ такомъ видѣ: Курбскаго въ Литвѣ дѣйствительно не любили и обижали. Монтолты подстерегали его по дорогамъ, умышляя на его жизнь; Сапѣга дѣйствовалъ почти за одно съ ними; князь А. Вишневецкій грабилъ его имѣнія и убивалъ его слугъ; Булыга дѣлалъ тоже самое и т. д. (Ист. Россіи, т. VII, стр. 184—185). Но и Курбскій въ свою очередь тоже поступалъ не лучше: отнималъ у своихъ крестьянъ земли, грабилъ и даже убивалъ людей; слугамъ своимъ приказывалъ дѣлать то же самое, »по какому-то праву завладѣлъ имѣніемъ пановъ Красенскихъ« и не слушался судныхъ королевскихъ предписаній (стр. 186, 187).

ственностію, и раздавать своимъ москвитянамъ села въ вѣчную и потомственную собственность (Горск. стр. 158; Акт. врем. комм. т. I, стр. VII).

Оказывается, что условія, высказаныя въ жалованныхъ грамотахъ, данныхъ Курбскому и опредѣляющихъ его имущественныя права, ввели въ заблуждніе не только самого Курбскаго, но и лицъ, разсматривающихъ жизнь его въ Литвѣ.

Если не въ оправданіе, то въ извиненіе Курбскаго необходимо замѣтить слѣдующее. Курбскій получилъ Ковель со всѣми принадлежащими къ нему селами подъ единственнымъ условіемъ отбыванія государственныхъ военныхъ повинностей »наравнѣ съ другими князьями, панами и всѣми обывателями шляхетскаго сословія, согласно съ земскими постановленіями«. Въ жалованныхъ королевскихъ грамотахъ точно обозначено, что Курбскій получилъ предоставленныя ему имѣнія въ замѣнъ тѣхъ вотчинъ, которыя оставилъ онъ на Руси (Акт. врем. комм. т. I, стр. 12, 15, 17); во-вторыхъ, получилъ »на вѣчныя времена« съ правомъ завѣщеванія наслѣдникамъ мужескаго пола (Горск. стр. 151, 157; Акт. врем. комм. т. I, стр. 12 и др.). Выходя изъ буквальнаго толкованія смысла жалованныхъ грамотъ, Курбскій, я полагаю, имѣлъ законное право смотрѣть на пожалованныя ему имѣнія, какъ на полную собственность, и записывать ихъ въ вѣчную потомственность на тѣхъ основаніяхъ на какихъ самъ владѣлъ ими, то-есть подъ условіемъ отбыванія военной повинности. Это условіе и было весьма точно обозначено Курбскимъ въ дарственныхъ записяхъ, данныхъ имъ Келемету на Смунь и Сушки и Бараповскому на Борки (Горск. стр. 158). Понятное дѣло, что въ такомъ случаѣ главная отвѣтственность предъ королемъ за исправность выполненія какого-бы то ни было обязательства должна была падать на самого Курбскаго.

Коморникъ королевскій, дѣйствуя совершенно въ видахъ своего правительства, доказывалъ, что потомство Курбскаго не имѣетъ права собственности на Ковель и другія имѣнія. Основываясь на томъ, что въ жалованныхъ грамотахъ не сказано: »на вѣчныя времена ему (Курбскому) и потомкамъ его«, онъ утверждалъ, что самое пожалованіе имѣло силу только при жизни Курбскаго. Въ этомъ случаѣ обвиненіе королевскаго чиновника совершенно сходится съ обвиненіемъ Горскаго.

Но, во-первыхъ, пожалованіе въ пожизненное владѣніе въ актахъ

встрѣчается съ болѣе точными обозначеніями. Дворянину Ивану Ситянкѣ пожаловано было село Швинтинское за военные подвиги »ему самому и женѣ его до животовъ ихъ« (Акт. арх. комм. т. I, стр. 123, № 116; также № 134 и др.). Выраженіе »на вѣчные часы« вполнѣ обозначаетъ право потомственнаго владѣнія (тамъ же №№ 117, 119 и друг.). Если въ жалованныхъ королевскихъ грамотахъ, данныхъ Сигизмундомъ Августомъ Курбскому, права Курбскаго »не были опредѣленно высказаны« (Горск. стр. 151), то это вовсе не вина Курбскаго, и это самое должно служить для него лучшимъ оправданіемъ. Для историка, дѣйствительно, должно быть весьма важно, что окончательное »опредѣленіе« и выясненіе имущественныхъ правъ Курбскаго было предпринято уже послѣ смерти Курбскаго, въ ту пору, когда польское правительство задалось рѣшительно мыслью объ отнятіи записанныхъ ему имѣній.

Далѣе.—Келеметъ и Барановскій преспокойно владѣли пожалованными имъ участками во все время жизни Курбскаго; правительство не заявляло по этому поводу никакихъ притязаній. Мало того, даже и по смерти Курбскаго, Смунь, Сушки и Борки перешли въ руки правительства не путемъ законнаго отнятія съ взысканіемъ за несправедливое пользованіе, а путемъ незаконнаго убійства Келемета и Барановскаго, совершеннаго частными людьми вслѣдствіе личныхъ непріязненныхъ отношеній (Акт. врем. комм. т. II, стр. 35—37, 17; т. I, стр. 295).

За тѣмъ.—Если Курбскій не имѣлъ права раздавать пожалованныя ему имѣнія своимъ москвитянамъ, то на какихъ же основаніяхъ Яцко Осовецкій владѣлъ слободою Осовцы? Владѣльческія права на ковельскія имѣнія королевы Боны, иностранки по происхожденію, уже кончились; между тѣмъ имущественныя права Яцка на Осовцы, полученныя имъ отъ Боны, не прекратились и были переданы подъ надзоръ и отвѣтственность Курбскаго (Горск. стр. 192). Права Келемета и Барановскаго, какъ видно изъ дарственныхъ записей, данныхъ Курбскимъ, ничуть не превышали правъ Яцка, признанныхъ королемъ Стефаномъ Баторіемъ (Акт. врем. комм. т. II, стр. 91).

Наконецъ, если Курбскій, въ силу жалованныхъ королевскихъ грамотъ, имѣлъ право завѣщавать предоставленныя ему имѣнія наслѣдникамъ мужескаго пола, то на какомъ основаніи правительство польское отняло Ковель у сына Курбскаго Димитрія вводя и сюда новаго владѣльца?

Всѣ эти замѣчанія показываютъ, что Курбскій для своей дѣятельности имѣлъ хотя какія-нибудь юридическія основанія; ими собственно онъ, сколько могъ, и прикрывался цѣлую жизнь; между тѣмъ въ отношеніяхъ польскаго правительства къ личности Курбскаго все противозаконно, начиная съ вызова его изъ Москвы, вызова обставленнаго ложными обѣщаніями, и заканчивая отнятіемъ назначенныхъ ему имѣній.

Иногда Курбскому приписываются преступленія, за которыя онъ вовсе не долженъ-бы подлежать отвѣтственности; такъ напримѣръ: »скоро (по прибытіи въ Литву) Курбскій началъ нарушать права и привиллегіи своихъ ковельскихъ подданныхъ. »Какимъ образомъ, спрашиваете вы«? Вотъ какъ: »его урядникъ въ Ковлѣ, Иванъ Келеметъ, схватилъ нѣсколько жидовъ и посадилъ ихъ въ помойную яму, куда напущены были піявки, запечаталъ ихъ лавки и пивницы« (Горск. стр. 158).

Спрашивается, кто въ этомъ случаѣ виноватъ предъ судомъ исторіи—самъ-ли Курбскій или же его урядникъ? Изъ дальнѣйшаго хода дѣла открывается, что Курбскому ничего не было извѣстно объ этихъ притѣсненіяхъ, потому что онъ въ то время присутствовалъ въ качествѣ выборнаго депутата отъ волынской земли на люблинскомъ сеймѣ (Акт. врем. комм. т. I, стр. 11, 48). Притомъ же расправу—пожалуй даже Курбскаго съ ковельскими жидами мы едвали въ правѣ назвать »нарушеніемъ правъ и привиллегій«, потому что права Курбскаго по отношенію къ его ковельскимъ подданнымъ »не были опредѣленно высказаны« (Горск. стр. 151); а отношенія къ жидамъ были обозначены особливымъ королевскимъ декретомъ, даннымъ только въ 1569 году, и именно въ слѣдствіе возникшаго столкновенія съ жидами. Получивши королевское предписаніе, Курбскій немедленно выпустилъ жидовъ изъ-подъ ареста (Горск. стр. 159). Наконецъ самое-то столкновеніе Курбскаго съ жидами вызвано было не стремленіемъ къ »достиженію полной безотчетной самостоятельности« (157), а болѣе резоннымъ обстоятельствомъ,—вслѣдствіе того, что жиды отказывались платить Лаврину Перекрещенку долгъ, 500 копъ грошей литовскихъ (158).

Наконецъ Курбскаго обвиняютъ въ томъ, что онъ »незаконно присвоилъ себѣ титулъ князя ковельскаго« (Горск. стр. 158). Мнѣ кажется, что этотъ упрекъ до нѣкоторой степени не справедливъ и мелоченъ. Конечно, если мы посмотримъ на дѣло съ современной точки зрѣнія, когда дѣйствительно существуютъ »княжескіе титулы«, и когда съ этими титулами связываются нѣкоторыя важныя преимущества,

упрекъ въ »незаконномъ присвоенiи княжескаго титула« будетъ совершенно справедливъ. Но вѣдь всѣ теперешнiе титулы есть собственно археологическiя достопамятности, какъ выражается одинъ ученый, сохраняющiя только память о давнишней дѣйствительности (Забѣлина »Бытъ русск. ц.« стр. 5).

Было время когда титуловъ въ собственномъ смыслѣ вовсе не существовало, когда каждое имя заключало въ себѣ живой дѣйствующiй смыслъ. Слово »князь« тогда опредѣляло истинный живой смыслъ, какой возникалъ изъ характера княжескихъ отношенiй къ землѣ. »Князь« вообще былъ »стражемъ земли«, защитникъ ея отъ враговъ домашнихъ и иноземныхъ. »Княжить« въ собственномъ смыслѣ значило управлять, распоряжаться. Когда посольство новгородскихъ славянъ, въ 862 году, прибыло къ Варягамъ-Руси, то оно обратилось къ нимъ съ такими словами: земля наша велика и обильна, а порядка въ ней нѣтъ,—идите *володѣть* и *княжить* нами (Ист. гос. Росс. т. I, стр. 115). Вникните въ смыслъ фразы и вы увидите, что здѣсь два понятiя *владѣть*, т. е. управлять, распоряжаться и *княжить*—совершенно тожественны. Никакой мысли, никакого намека о »титулѣ« вовсе не видно. Припомните цѣлый рядъ личностей, которыя »княжили«, напримѣръ, въ Новгородѣ до присоединенiя его къ Москвѣ, и вы увидите, что »титулъ« князя не только не пользовался особенно важнымъ значенiемъ, но даже увидите совершенно противное. Послѣ присоединенiя Новгорода къ Москвѣ, московскiе государи стали посылать сюда князей. Но это назначенiе не было вызываемо необходимостiю награды за какiя-нибудь заслуги, а имѣло тотъ смыслъ, что нужно же было кому-нибудь поручить ближайшiй надзоръ надъ городомъ, и княжескiй титулъ оставался ни при чемъ. Учрежденiе опричнины Iоанномъ IV показало, что для московскаго государя »княжескiй титулъ не имѣетъ ровно никакого значенiя, что въ его глазахъ всѣ подданные равны и всѣ должны въ одинаковой степени повиноваться ему« (Горск. стр. 61, 362—373). Въ награду своимъ подданнымъ, за ихъ государственныя заслуги, онъ жалуетъ не »княжескiй титулъ«, потому что всѣ прежнiя обязанности князя сгруппировались теперь въ особѣ *государя*, а званiе боярина и »думнаго совѣтника« (162). »Княжескiй титулъ« въ этомъ случаѣ опять ни при чемъ. Этими новыми почестями онъ жалуетъ какъ людей »худородныхъ«, такъ и князей (Семена Ростовскаго, А. Курбскаго и в. мн. др. Горск. стр. 84, 90, 322 и 323 и др.). Всѣ эти факты съ

одной стороны свидѣтельствуютъ, что княжескій титулъ для того времени не имѣлъ никакого значенія; съ другой стороны, Курбскій, подписываясь въ своихъ письмахъ къ Іоанну Грозному »княжа на Ковлю«, а не »староствуя« какъ желаетъ Горскій (156), вовсе не претендовалъ на »титулъ«, съ которымъ связывались-бы какія-нибудь почести или преимущества.

При томъ же выраженіе »княжа на Ковлю« едвали будетъ равнозначущимъ выраженію »князь ковельскій«. Я припоминаю слѣдующій аналогическій фактъ. Когда Іоаннъ Грозный, въ своемъ первомъ письмѣ къ Курбскому, обвинялъ бояръ въ ихъ измѣнахъ, то между прочимъ употребилъ такое выраженіе: »съ попомъ положисте совѣтъ, дабы азъ словомъ былъ государь, а вы бы государились« (Сказ. Курб. стр. 172, 175, 184 и др.) Выраженіе Курбскаго »княжа на Ковлю« я ставлю въ рѣшительную параллель съ выраженіемъ »государити«. Какъ въ первомъ случаѣ Курбскій не присвоивалъ себѣ княжескаго титула, такъ въ послѣднемъ случаѣ любимцы Іоанна, желавшіе »государить«, вовсе не заявляли притязаній быть въ подлинномъ смыслѣ государями земли русской.

Наконецъ, помимо всего этого, слѣдуетъ помнить, что въ то время въ Литвѣ, да и на Руси, весьма часто извѣстной личности усвоивалось прозвище отъ имени помѣстья, полученнаго ею во владѣніе. Такимъ именно путемъ произошли княжескія и не княжескія фамиліи: Корецкихъ, Четвертинскихъ, Острожскихъ, Зяловскихъ, Любенскихъ и др. Иногда какой-нибудь дворянинъ, вступая во владѣніе какою-нибудь слободою или селомъ, совершенно оставлялъ свою прежнюю фамилію и мало-по-малу усвоивалъ новую по названію своего новаго участка. Такъ, Малкевичи перешли въ Ходаковскихъ—отъ Ходаковской земли, данной В. Малкевичу за государственныя заслуги; такъ Левковскіе, Верповскіе, Геевскіе, произошли отъ Валевскихъ (О происх. шлях. род. въ юго-запад. Рос. стр. 15, 16). Нѣкоторыя личности, вслѣдствіе подобныхъ обстоятельствъ, имѣли по двѣ фамиліи—одну родовую, полученную отъ предковъ, другую, заимствованную отъ новополученнаго или благопріобрѣтеннаго имѣнія, таковы: Святополки Черниговскіе, Сангушки-Кошерскіе (Арх. ю-зап. Рос. ч. 2, т. I, стр. 303, 304; кромѣ того стр. 49, 496); такъ Стефанъ Баторій въ одномъ изъ своихъ декретовъ пишетъ: благородный князь Андрей Михайловичъ Курбскій-*Ярославскій* (Горск. стр. 184). Подобныя явленія даютъ основаніе

утверждать, что, во времена Курбскаго, а тѣмъ болѣе раньше его, не слишкомъ дорожили существующими фамиліями; мѣняли ихъ очень часто и совершенно случайно, вовсе не высказывая этимъ какихъ-нибудь честолюбивыхъ стремленій. И еслибы Курбскій назвалъ себя княземъ *ковельскимъ*, то это явленіе не вызвало-бы никакого протеста у кого-бы то ни было, какъ не вызывали тысячи подобныхъ случаевъ. Мы даже встрѣчамъ въ современныхъ юридическихъ памятникахъ личность именно »князя ~~Курбскаго~~ Ковельскаго«, который »княжилъ« въ Ковлѣ въ 1539—1553 гг. (К. Унив. Изв. 1868 г. іюнь. »Грам. вел. кн. лит. стр. 66), и котораго совершенно теряемъ изъ виду, когда въ Ковлѣ является другой владѣлецъ.

Наконецъ Курбскій могъ употребить выраженіе: »княжа на Ковлю« для того, чтобы избѣжать другаго выраженія »староствуя«, которое было вовсе не въ ходу въ Россіи и конечно могло быть непонятно Іоанну Грозному.

Я представилъ цѣлый рядъ отдѣльныхъ случаевъ изъ жизни Курбскаго на Волыни, въ которыхъ обыкновенно старались находить черты его дикой необузданной натуры, стремленія къ самовластію, своекорыстію и т. под., но въ которыхъ, при внимательномъ изслѣдованіи дѣла, подобныхъ мрачныхъ чертъ вовсе невидно. Но указанные случаи все еще можно было толковать такъ или иначе, въ хорошую или дурную сторону, во-первыхъ, потому что приходилось основываться на историческихъ документахъ, въ которыхъ многое то не досказано, то вовсе не сказано, то »не высказано опредѣленно«, и которые такимъ образомъ даютъ полнѣйшій просторъ личнымъ соображеніямъ; во-вторыхъ, потому что приходилось разбирать взаимныя столкновенія двухъ разнородныхъ элементовъ. Каждая сторона конечно придерживалась какихъ-нибудь основаній, въ силу которыхъ она дѣйствовала, и въ силу которыхъ конечно не считала себя виноватою. При разборѣ подобныхъ столкновеній довольно трудно бываетъ сохранить полное безпристрастіе. Между тѣмъ присутствіе симпатій или антипатій уже до нѣкоторой степени скрываетъ объективную сторону дѣла.

Но помимо такихъ болѣе или менѣе спорныхъ явленій, жизнь Курбскаго на Волыни представляетъ цѣлый рядъ явленій, въ которыхъ кажется трудно подмѣтить какія-нибудь темныя стороны, надъ которыми невольно успокоивается утомленное вниманіе историка, и къ которымъ, кажется, слѣдовало-бы отнестись съ глубочайшимъ уваженіемъ.

Въ 1569 году на Люблинскомъ сеймѣ юго-западная Россія, заключавшая въ себѣ Волынское и Брацлавское воеводства, а также княжество Кіевское, отдѣлена была отъ Литвы и включена въ составъ Польскаго королевства. Съ этого времени здѣсь быстро начинаетъ распространяться іезуитская пропаганда. Поддерживаемые высшею аристократіею, захватившею правленіе въ свои руки (Предисл. къ Вилен. акт. стр. XLVI), іезуиты стали употреблять всѣ мѣры, чтобы обратить мѣстное русское населеніе въ католичество. Они (съ 1566 г.) завели коллегіи для образованія юношества польскаго и русскаго вмѣстѣ (Ист. Россіи Сол. т. VII, стр. 202), учреждали типографіи для изданія на славянскомъ языкѣ сочиненій въ пользу католичества и всенародно проповѣдывали соединеніе церквей и подчиненіе верховному владычеству папы. Ревнители православія не могли конечно на все это смотрѣть равнодушно. Они также возвысили свой голосъ въ защиту православія и русской народности. Въ числѣ самыхъ ревностныхъ защитниковъ чистоты православной вѣры является именно князь Курбскій. Онъ писалъ къ православнымъ письма, въ которыхъ предостерегалъ ихъ отъ »сѣтей іезуитскихъ« (Сказ. Курб. стр. 236), убѣждалъ крѣпко держать вѣру отцовъ своихъ, совѣтовалъ не вступать въ споры съ іезуитами. Письма его имѣли конечно многихъ читателей. Курбскій самъ иногда совѣтовалъ прочитывать ихъ предъ цѣлымъ собраніемъ гражданъ (262). Мало того,—самъ иногда заводилъ религіозные споры »при многихъ свѣдкахъ« (270). Помимо всего этого онъ во всю жизнь обнаруживалъ удивительную любовь къ дѣлу книжному. Онъ не щадилъ издержекъ для покупки книгъ (Акт. врем. комм. т. II, стр. 302, 310 и др.); занимался науками« съ напряженіемъ силъ« (Горск. стр. 24); вмѣстѣ съ съ Константиномъ Острожскимъ хотѣлъ посылать способныхъ юношей учиться за границу. Скорбѣлъ о своихъ соотечественникахъ, которые »гладомъ духовнымъ гибнуть«,—и вслѣдствіе этого переводилъ великихъ учителей церкви, наконецъ писалъ отдѣльныя сочиненія.

Все это, кажется, предостаточно говоритъ само за себя. Слѣдуетъ еще только то прибавить, что Курбскій чрезъ подобнаго рода дѣятельность сталъ въ оппозиціонное отношеніе къ мѣстному дворянству, которое »всѣми возможными способами старалось оскорблять его« (Горск. стр. 407, 171 и др.); разорвалъ всякую связь съ правительствомъ, такъ что если когда, то именно теперь онъ являлся »подданнымъ въ высшей степени строптивымъ, непокорнымъ и неблагодарнымъ« (158), (я имѣю

полное право сказать это, потому что сынъ Курбскаго принялъ католичество, и наслѣдовалъ бо́льшую половину отцовскихъ имѣній. (Акт. врем. комм. т. II, стр. 216; Горск. стр. 210); Горскій при всемъ томъ и на эту дѣятельность Курбскаго набрасываетъ тѣнь подозрѣнія. Вотъ его слова: »Курбскій выказывалъ неутомимую ревность въ дѣлѣ поддержанія православія, угрожаемаго страшными опасностями. Но предположить, что въ этомъ случаѣ онъ дѣйствовалъ изъ чистыхъ побужденій, кажется, нельзя« (Горск. стр. 177). Отчего же нельзя? гдѣ для этого основанія?

»Прочитавъ внимательно, говоритъ Горскій, сочиненія Курбскаго, мы увидимъ« и т. д. (тамъ же). Этотъ аргументъ Горскаго самымъ естественнымъ образомъ ведетъ къ тому, чтобы коснуться общихъ оснований, съ которыми онъ подходитъ къ обзору жизни и дѣятельности Курбскаго, чтобы, такъ сказать, опредѣлить и осмыслить его точку зрѣнія на предметъ.

Но для того чтобы уже не возвращаться къ частностямъ въ жизни Курбскаго, мы обратимъ вниманіе на тѣ, которыя указаны въ началѣ этой главы. Стараясь доказать, что Курбскій, ратоборствуя противъ іезуитовъ, дѣйствовалъ не изъ чистыхъ побужденій, Горскій между прочимъ говоритъ: »вездѣ священное писаніе служило у него (Курбскаго) средствомъ къ достиженію какой-нибудь отнюдъ не высокой цѣли« (178). Это общее положеніе развивается у него слѣдующимъ образомъ: »неуваженіе Курбскаго къ религіи часто доходило до явной насмѣшки и презрѣнія. Такъ, бѣжавъ изъ Россіи по расчету, онъ говоритъ, что со слезами будетъ жаловаться Владычицѣ Богородицѣ,... за то, что Іоаннъ принудилъ его бѣжать изъ отечества. Мы знаемъ, что этого принужденія не было со стороны Іоанна, слѣдовательно на него было жаловаться не зачто« (178). Такимъ образомъ, по мнѣнію Горскаго, »презрѣніе« и неуваженіе« къ религіи здѣсь не въ самомъ обращеніи къ суду Богородицы, но въ томъ, что оно вызвано не совсѣмъ чистымъ побужденіемъ. Дѣйствительно Іоаннъ Грозный не »принуждалъ« Курбскаго къ бѣгству изъ Россіи; напротивъ, послѣ его бѣгства, Іоаннъ принималъ мѣры къ тому, чтобы какимъ-нибудь образомъ захватить его въ свои руки (Ист. гос. Росс. т. IX, стр. 114). Но если обратить вниманіе на тѣ побудительныя обстоятельства, какія заставили Курбскаго бѣжать изъ Россіи, то мы увидимъ, что онъ былъ болѣе или менѣе правъ, грозя Іоанну судомъ Богородицы.

Далѣе Горскій говоритъ: »часто Курбскій доходитъ въ своихъ сочиненіяхъ до явнаго кощунства. Такъ, оправдываясь въ томъ, что дѣйствовалъ противъ отечества, онъ говоритъ, что Давидъ, принужденный Сауломъ оставить землю израильскую, также воевалъ свое отечество да еще въ союзѣ съ поганскимъ царемъ« (Горск. стр. 179).

Надобно слишкомъ предубѣжденно относиться къ личности Курбскаго, чтобы видѣть въ этихъ словахъ явное кощунство. Надобно было бы прежде доказать, что эти слова были сказаны саркастически, съ явною умышленною насмѣшкою; потому что если они сказаны по убѣжденію, то какое же здѣсь можетъ быть кощунство? Въ подобныхъ случаяхъ гораздо основательнѣе было-бы обличать Курбскаго въ невѣрномъ толкованіи библейскаго факта; а между этими двумя понятіями, между непониманіемъ и кощунствомъ—въ точномъ смыслѣ слова разница во всякомъ случаѣ есть. Да наконецъ, если въ этихъ словахъ видѣть явное кощунство, то какъ мы должны будемъ относиться къ тѣмъ казусамъ, которые сплошь да рядомъ попадаются въ исторіи царствованія Іоанна Грознаго? (Сказ. Курб. стр. 358, прим. 150; стр. 368, прим. 195; Горск. стр. 310, 340; Ист. Россіи Сол. т. VI, стр. 70, 303; Ист. гос. Росс. т. IX, стр. 18, 96, 102, 148 и мн. др.). Напримѣръ, воевода Козариновъ-Голохвастовъ, ожидая насильственной смерти, посхимился въ какомъ-то монастырѣ. Узнавъ, что царь прислалъ за нимъ опричниковъ, онъ вышелъ къ нимъ, и сказалъ: »я тотъ, кого вы ищете«! Царь велѣлъ взорвать его на воздухъ въ бочкѣ пороха, говоря въ шутку, что схимники —ангелы, и должны летѣть на небо (Ист. гос. Росс. т. IX, стр. 160).

Горскій видитъ кощунство въ томъ, что Курбскій въ одномъ письмѣ къ Іоанну, извѣщая его о побѣдахъ поляковъ надъ русскими, высказался »между прочимъ, что животворящіе кресты, о которыхъ упоминаетъ Іоаннъ, поломаны отъ нѣкоего жабки (лягушки)« (стр. 179).

Избѣгая подробностей, я замѣчу коротко, что между имѣніями Курбскаго была между прочимъ и слобода Осовцы. Владѣлецъ этой слободы былъ Яцко Жаба-Осовецкій. По существующимъ постановленіямъ, онъ долженъ былъ принимать участіе въ походахъ Курбскаго противъ враговъ, въ противномъ случаѣ онъ лишался права на свою слободу. Въ 1581 году Жаба-Осовецкій заупрямился было, и не захотѣлъ идти на войну по требованію Курбскаго. Стефанъ Баторій, при всей своей немилости къ Курбскому, предоставилъ ему право жаловаться на Жабу-Осовецкаго. Если эта исторія произошла только въ

1581 году, значитъ до этой поры Осовецкій всегда аккуратно выполнялъ государственную военную повинность. Если Курбскій пишетъ къ Іоанну Грозному, что животворящіе кресты поломаны отъ нѣкоего Жабки«, то намъ послѣ этого должно быть вполнѣ понятно, что это за »Жабка«, нѣкій. »Лягушкою« его никто никогда не называлъ.

Уже однихъ этихъ фактовъ достаточно для того, чтобы видѣть, что симпатіи Горскаго рѣшительно не на сторонѣ Курбскаго.

Но это у него не случайное явленіе,—это вызвано не настоящимъ положеніемъ дѣла, а обусловливалось извѣстною предвзятою цѣлью, извѣстнымъ своеобразнымъ взглядомъ, съ которымъ онъ приступаетъ къ образу жизни и дѣятельности Курбскаго.

Дѣйствительно, уже на первыхъ страницахъ своего сочиненія, прежде чѣмъ приступилъ Горскій къ изложенію самаго предмета, онъ совершенно достаточно опредѣляетъ этотъ взглядъ и эту цѣль. Идея »государственнаго начала«, говоритъ онъ, прошла въ сознаніи русскаго народа нѣсколько фазъ развитія. Въ первое время, по идеѣ родоваго быта, каждый членъ владѣтельнаго рода имѣлъ право на обладаніе извѣстнымъ участкомъ земли, на которую смотрѣли какъ на собственность цѣлаго княжескаго рода. Вслѣдствіе этого и произошло дробленіе Руси на множество мелкихъ независимыхъ одно отъ другаго княжествъ. Каждый князь въ своемъ родовомъ участкѣ былъ полновластнымъ распорядителемъ. Но при этомъ была и сила, нѣкоторымъ образомъ объединявшая эти разрозненныя части, — это власть великокняжеская. Великокняжеское достоинство не было наслѣдственнымъ отъ отца къ сыну, а поддерживалось старшинствомъ дядей надъ племянниками. Съ теченіемъ времени племянники начали домогаться старѣйшинства надъ дядьями. (Изяславъ II Мстиславичъ представитель новой идеи и Юрій Долгорукій, ратовавшій за прежній порядокъ). Торжество новой идеи было шагомъ къ самодержавію и единодержавію. Осуществить за тѣмъ эту послѣднюю идею суждено было князьямъ московскимъ. Завершеніе этой идеи состояло въ утвержденіи порядка престолонаслѣдія по нисходящей линіи. Но и эта новая идея должна была пережить кровавую и ожесточенную борьбу за свои права.

До сихъ поръ Горскій стоялъ на чисто исторической почвѣ; личное мнѣніе его еще не затемняло исторической истины. Но далѣе онъ уже замѣтно отрывается отъ чисто историческихъ основъ и обнаружи-

ваетъ собственныя симпатіи и антипатіи. »Всѣ попытки Юрія во времена Василія Темнаго, дядей Грознаго во время его малолѣтства возстановить старину остались безуспѣшны, окончились уничиженіемъ самихъ *злоумышленниковъ*« (стр. 8—10). Спрашивается, почему же эти послѣдніе—Юрій и дядья Грознаго, названы *злоумышленниками?* Вѣдь они обнаруживали въ сущности совершенно тѣ же стремленія, что и московскіе князья. Василій Темный старался утвердиться на московскомъ престолѣ; Юрій домагается рѣшительно тогоже. Идея престолонаслѣдія по нисходящей линіи конечно нашла-бы себѣ ревностную поддержку, кто бы ни утвердился на московскомъ престолѣ. Василій Димитріевичъ или Юрій Димитріевичъ,—ибо извѣстно, что, по смерти Юрія, московскій престолъ занялъ его сынъ, Василій Косой. Что же касается блага русской земли (Горск. стр. 21), то можно съ увѣренностію сказать, что оно было далеко не на первомъ планѣ какъ у московскихъ, такъ и не-московскихъ князей. Была-ли возможность думать о наилучшемъ благѣ для русской земли, когда собственное положеніе было до крайности неустойчиво? и могла-ли существовать оригинальная увѣренность въ московскихъ князьяхъ, что только подъ ихъ правленіемъ будетъ житье на Руси? Однимъ словомъ, я не могу себѣ выяснить почему личности, домогавшіяся московскаго престола, должны быть признаны злоумышленниками. Онѣ были злоумышленниками только по отношенію къ московскимъ князьямъ; но въ свою очередь онѣ еще съ большимъ правомъ могутъ обозвать этимъ именемъ московскихъ князей, потому что эти послѣдніе, овладѣвая довѣріемъ хановъ, подъ ихъ покровительствомъ вмѣшивались въ дѣла своихъ же родичей князей удѣльныхъ, отнимали у нихъ удѣлы, и ужъ извѣстно какъ отдѣлывались отъ своихъ опасныхъ соперниковъ (Ист. Росс. Сол. т. VI, стр. 165). Для историка же должно быть рѣшительно все равно, кто бы ни владѣлъ Москвою—Василій-ли Васильевичъ Темный или Василій Юрьевичъ Косой, Димитрій-ли Іоановичъ, сынъ Іоанна Грознаго, или Владиміръ Андреевичъ Старицкій.

Не находя отвѣта на всѣ эти вопросы, я по неволѣ прихожу къ тому заключенію, что Горскій на этомъ пунктѣ своращиваетъ съ прямой дороги историка и становится сторонникомъ Москвы; то-есть, перестаетъ быть историкомъ и дѣлается моралистомъ. И дѣйствительно, разъ высказавши свои симпатіи къ Москвѣ, онъ затѣмъ ни на іоту не измѣняетъ себѣ. Въ своемъ сочиненіи онъ является адвокатомъ московскихъ князей, раздѣляетъ ихъ симпатіи и антипатіи;

ихъ права на престолъ прикрываетъ божественнымъ авторитетомъ (стр. 14), забывая высказанное прежде,—что имъ помогли случайныя обстоятельства (9); всѣ ихъ начинанія онъ признаетъ безусловно благодѣтельными для Россіи (21), а всякій протестъ, всякая оппозиція этимъ начинаніямъ должны быть непремѣнно зло, зависть, ненависть и т. п. Всѣ дѣйствія московскихъ князей, каковы бы ни были они, по своимъ проявленіямъ и по своему характеру, непремѣнно вытекаютъ изъ самыхъ чистыхъ побужденій—желанія блага русскому народу (14, 307, 357, 391 и др.); всякое начинаніе, предпринятое внѣ Москвы или независимо отъ нея, хотя бы отличалось тѣми же проявленіями, имѣетъ въ основѣ своей непремѣнно корыстную цѣль и есть предательство, измѣна (312, 357, 414 и др).

Эти, напередъ составленныя, убѣжденія Горскій цѣликомъ переноситъ на всю дѣятельность Курбскаго и на его отношенія къ Іоанну Грозному. Въ лицѣ Курбскаго заговорила вся старая Русь »съ ея родовымъ бытомъ« (Горск. стр. 214), въ немъ самымъ рельефнымъ образомъ обнаружила она свои идеалы и свои стремленія; Іоаннъ Грозный явился представителемъ новыхъ началъ, онъ преслѣдуетъ новыя цѣли, для него существуютъ совершенно другіе идеалы, не имѣющіе ничего общаго съ прежними. Понятно въ какомъ видѣ должна представиться намъ личность Курбскаго, по описанію Горскаго, понятно, какъ будетъ смотрѣть Горскій на всѣ его протесты и укоры.

И только подобнымъ одностороннимъ отношеніямъ къ дѣлу можно объяснить тѣ противорѣчія, которыми переполнено сочиненіе Горскаго, и тѣ натяжки, которыми онъ старается унизить и очернить Курбскаго, чтобы на его счетъ возвысить Іоанна Грознаго. Вотъ для образца нѣкоторыя изъ нихъ.

»Дѣятельность и понятія Курбскаго были совершенно противоположны той идеѣ, осуществленіе которой положилъ Іоаннъ въ возглавіе своей дѣятельности. Эта идея поставила Іоанна выше понятій вѣка; она вознесла его на высоту недосязаемую недоступную для современниковъ.... Потому благодѣтельныя реформы, которыми онъ хотѣлъ возвеличить Россію, не привились къ современному обществу,—оно съ неприязнью оттолкнуло ихъ« (Горск. стр 412). Немного спустя читаемъ: »дѣятельность Курбскаго была дѣятельностію запоздалою; ... запоздала она потому что государственная идея сдѣлалась уже насущною потреб-

ностью русскаго общества, потребностью, которая все болѣе и болѣе должна была приходить къ ясному сознанію« (114).

Еще.—Горскій утверждаетъ, что Курбскій твердо вѣровалъ въ истину своихъ убѣжденій (15, 64, 95, 349), что старина съ ея правами мѣстничества, отъѣзда, боярскаго совѣта (12, 49) была для него второю природою, въ ней (старинѣ) сосредоточились всѣ его идеалы (258, 413). Въ другомъ мѣстѣ онъ высказывается совершенно иначе: »Курбскій могъ понимать несвоевременность возстановленія права отъѣзда, несвоевременность притязаній на обычай совѣта, не своевременность быта родоваго, а все-таки хлопоталъ объ этомъ (78).

Въ письмѣ своемъ къ Іоанну Грозному Курбскій, между прочимъ, ставитъ ему въ вину то, что онъ (Іоаннъ), по завоеваніи Казани въ 1552 году осенью, не остался здѣсь зимовать, чтобы довершить завоеваніе всего казанскаго царства, гдѣ обитало еще до пяти различныхъ народовъ, по большей части еще непризнававшихъ власти Россіи. Въ оправданіе Іоанна Грознаго Горскій говоритъ: »Іоаннъ имѣлъ основательныя причины не послушать этого совѣта (Горск. стр. 68); онъ имѣлъ собственный разсудокъ и могъ понять, что ему вовсе не нужно оставаться въ покоренномъ городѣ: онъ совершилъ главное, и полное право имѣлъ предоставить довершеніе остальнаго своимъ воеводамъ« (стр. 251). Чрезъ нѣсколько страницъ читаемъ: »Какая польза была бы для Россіи, еслибы Іоаннъ остался зимовать въ Казани? Царство казанское было обширно. Его населяли народы разноплеменные, и татары были только народомъ господствующимъ. Всѣ эти народы были дикарями.... Татары не забывали еще временъ Батыевыхъ Узбековыхъ, когда они сами были обладателями Руси.... Покореніе страны, бывшей прежде независимою, никогда не можетъ совершиться быстро. Для этого требуется не годъ, а десятки лѣтъ.... Самая мѣстность благопріятствовала дикарямъ« (263—264). Спрашивается, по какимъ причинамъ Іоаннъ Грозный не остался зимовать въ Казани, и что онъ предоставилъ довершить своимъ боярамъ?

Надобно замѣтить, что въ этомъ пунктѣ у г. Соловьева допущенъ тоже нѣкоторый недосмотръ. Вотъ его подлинныя слова: »Курбскій пишетъ, что въ думѣ, созванной для разсужденія объ устройствѣ новозавоеванной земли, нѣкоторые бояре совѣтовали царю остаться въ Казани до весны со всѣмъ войскомъ для окончательнаго искорененія бусурманскаго воинства..., но царь не принялъ этого совѣта, а при-

нялъ совѣтъ шурьевъ своихъ..., и рѣшился возвратиться въ Москву. Мы не знаемъ, что именно представляли ему тѣ и другіе совѣтники въ пользу своихъ мнѣній: вѣроятно люди, совѣтовавшіе возвратиться, представляли, что странно держать цѣлое войско подъ Казанью изъ одного только опасенія возстанія Луговыхъ или Горныхъ людей, что войска, оставленнаго съ казанскими намѣстниками, достаточно для защиты города, и что въ случаѣ опасности можно двинуть другіе полки; что неблагоразумно обнаруживать враждебныя намѣренія и такимъ образомъ вооружить противъ себя людей, присылающихъ съ челобитьемъ« и т. д. (Ист. Росс. т. VI, стр. 101). Дѣйствительно, очень странно было-бы держать цѣлые войско изъ-за одного только опасенія возстанія; выжиданія все равно ни къ чему не повели-бы, потому что Луговые и Горные люди не отважились-бы на возстаніе, зная, что царское войско вовсе не уходило изъ Казани. Но дѣло въ томъ, что бояре, совѣтовавшіе остаться съ войскомъ до весны, имѣли въ виду вовсе не случайныя возстанія, могущія случиться въ продолженіе зимы; они предлагали »окончательное истребленіе бусурманскаго воинства«, то есть предлагали наступательный образъ военныхъ дѣйствій, не обусловленный никакими выжиданіями или опасеніями. Довѣряться на слово челобитчикамъ, изъявившимъ готовность платить ясакъ, не было ни малѣйшаго основанія, потому что царю Іоанну »вѣдомо было ихъ упорство, вѣдомо было какимъ злымъ ухищреніемъ они много лѣтъ лгали« (стр. 95). Наконецъ опасенія бояръ, совѣтовавшихъ остаться въ Казани совершенно оправдались. Непрошло двухъ мѣсяцевъ, по возвращеніи царя въ Москву, какъ до него начали доноситься вѣсти о возмущеніяхъ, произшедшихъ въ областяхъ бывшаго Казанскаго царства. Противъ нихъ конечно были приняты мѣры казанскими намѣстниками. Но горсти войска, оставленнаго при нихъ, оказалось весьма недостаточно для возстановленія порядка, потому что возмущенія поднимались въ разныхъ мѣстахъ. Явилась необходимость двинуть изъ Москвы другіе полки. И двигались полки московскіе въ Казань, Вятку и другіе мѣста, и снова возвращались, и снова неслись вѣсти въ Москву о новыхъ возмущеніяхъ.... »Такимъ образомъ послѣ взятія Казани нужно было еще пять лѣтъ опустошительной войны, чтобъ усмирить всѣ народы отъ нея прежде зависѣвшіе« (Ист. Россіи Сол. т. VI, стр. 105). Неизвѣстно, къ какимъ результатамъ привела-бы другая мѣра, предложенная на боярской думѣ, за которую стоитъ Курбскій, но кажется,

въ виду указанныхъ обстоятельствъ, было-бы не особенно странно, по завоеваніи Казани, остаться здѣсь до весны, для довершенія начатаго дѣла.

Я не могу не высказать нѣкоторыхъ замѣчаній по поводу извѣстной боярской »крамолы«, обнаружившейся присягою вѣрности Владиміру Андреевичу старицкому. Горскій вооружается противъ нея всѣми силами своей безпощадной критики (51—57, 69—70); между тѣмъ въ ней мы не только не видимъ никакого государственнаго преступленія, никакой сознательной измѣны, но даже напротивъ подмѣчаемъ стремленіе къ той идеѣ, осуществленіе которой Іоаннъ положилъ въ возглавіе своей дѣятельности, изъ-за которой онъ враждебно разошелся съ своимъ вѣкомъ. Вникнемъ по-глубже въ смыслъ простыхъ, но ясныхъ словъ, высказанныхъ этими боярами-крамольниками у постели больнаго царя: »Тебѣ государю и сыну твоему царевичу князю Димитрію крестъ цѣлуемъ, а Захарьинымъ-Юрьевымъ, Данилѣ съ братьею намъ не служить; сынъ твой еще въ пеленкахъ, а владѣть нами будутъ Захарьины, Данила съ братьею; а мы ужь отъ бояръ въ твое малолѣтство бѣды видали многія« (Ист. Россіи Сол. т. VI. стр. 162. Горск. стр. 69). Я не знаю, есть-ли, можетъ-ли быть какое-нибудь основаніе подозрѣвать искренность и правдивость этихъ словъ? Была-ли возможность въ ту тяжелую и рѣшительную минуту маскироваться, прикрывать какіе-нибудь преступные честолюбивые замыслы, когда внѣшніе враги болѣе и болѣе усиливались, и вызывали на самыя энергическія мѣры, когда, по глубокой увѣренности бояръ, готовы были подняться и усилиться, еще болѣе опасные, внутренніе враги, отъ которыхъ они уже испытали бѣды многія, во время малолѣтства больнаго царя.

Но »чего хотѣли сіи дерзкіе сановники, можетъ быть дѣйствительно одушевленные любовью къ общему благу, дѣйствительно устрашенные мыслію о гибельныхъ для отечества смутахъ боярскихъ, которые снова могли водвориться въ Правительственной Думѣ къ ужасу Россіи въ малолѣтство Димитрія?« (Ист. Гос. Росс. т. VIII, стр. 199).—Бояре-крамольники, добровольно отдавая государственную власть одному лицу, чтобы она прямо или косвенно не перешла въ руки честолюбцевъ, явно и, пожалуй, сознательно заявили желаніе единодержавія. Тутъ не боролось нѣсколько партій, выставляющихъ своихъ претендентовъ на престолъ; не было заговора, интригъ, подкуповъ, убійствъ и тому подобныхъ явленій, дѣйствительно преступныхъ. Вся сущность дѣла со-

стояла въ томъ, какимъ-бы образомъ соединить вопросъ государственный съ вопросомъ о личности. И если масса бояръ, окружавшихъ царя, послѣдній вопросъ отодвинула на второй планъ, то она имѣла для этого достаточныя основанія, которыя и высказала совершенно откровенно. Спрашивается, въ чемъ же измѣна? неужели въ томъ, что »междоусобіе будетъ неминуемымъ слѣдствіемъ возведенія на престолъ Владиміра Андреевича мимо сына Іоаннова (Горск. стр. 71)? Едвали это можно утверждать, вѣдь бояре добровольно отдавали Владиміру Андреевичу верховную власть; другихъ искателей, заявлявшихъ притязанія на престолъ, вовсе не было. Притомъ же кто можетъ поручиться, что избраніе Димитрія не повело-бы еще къ большимъ междоусобіямъ? Говорятъ: »крамолы, ссоры.... нежеланіе подчиняться сыну Іоанна, желаніе отдать престолъ совершенно другому роду... случилось среди самыхъ блистательныхъ побѣдъ его (Іоанна), когда, казалось, онъ окруженъ былъ людьми, которымъ вполнѣ довѣрялся« *).

Совершенно справедливо, но, повторяю, это случилось послѣ тѣхъ и подъ вліяніемъ тѣхъ тяжелыхъ испытаній, какія вынесли бояре, окружавшіе царя Іоанна, при его малолѣтствѣ. Мнѣ кажется, что въ данномъ случаѣ обѣ стороны въ одинаковой степени виноваты. Іоаннъ Грозный виноватъ въ томъ, что онъ стремился подчинить интересъ цѣлаго государства интересамъ своего рода, между тѣмъ бояре, окружавшіе царя, переживавшіе смутную эпоху его малолѣтства, стремились, напротивъ, интересъ и благосостояніе царскаго семейства подчинить интересамъ государства и своимъ собственнымъ. Желаніе Іоанна вполнѣ естественно; оно вытекало изъ того понятія о царской власти, какое онъ успѣлъ себѣ составить. Понятіе о себѣ, какъ о человѣкѣ, онъ не отдѣлялъ отъ понятія о царѣ по идеалу, имъ созданному; въ себѣ онъ видѣлъ живое воплощеніе этого идеала. Однако и стремленіе бояръ, основанное на весьма понятномъ чувствѣ самосохраненія, тоже не заключаетъ въ себѣ ничего противозаконнаго. Побѣды Іоанна дѣйствительно блистательны,—онѣ обезсмертили его имя; но изъ-за этого подвергать отечество если не опасности, то весьма тяжелой неизвѣстности, подвергать въ ту пору, когда оно едва только освободилось отъ

*) »Заря« 1871 г. № 3. »Нѣсколько словъ по поводу поэтическихъ воспроизведеній характера Іоанна Грознаго« Бестужева-Рюмина (стр. 83—90).

постыднаго бусурманскаго ига, когда нѣсколько попритихли внутренніи враги,—я не знаю, было-ли-бы послѣдовательно. Дабы видѣть насколько благопріятно было для Россіи имѣть въ это время на московскомъ престолѣ малолѣтку сына Іоаннова, я предлагаю обратить вниманіе на слѣдующій аналогическій фактъ, замѣченный Соловьевымъ »Смерть Сафа-Гирея,...усиливая внутреннія волненія въ Казани, была какъ нельзя болѣе выгодна для предпріятія Московскаго царя. Крымцы и Казанцы ихъ приверженцы поспѣшили провозгласить ханомъ двухлѣтняго сына Сафа-Гиреева, Утемиша; но этимъ самимъ Казань теперь мѣнялась своимъ положеніемъ съ Москвою: долгое время она могла поддерживать свою независимость, благодаря малолѣтству Іоаннову; теперь когда Іоаннъ возмужалъ и обнаружилъ намѣреніе рѣшительно дѣйствовать противъ Казани, въ послѣдней явился царь младенецъ. Казанцы понимали невыгоду своего положенія и потому отправили пословъ въ Крымъ просить помощи у взрослаго царя« (Ист. Россіи т. VI, стр. 74). Не въ такомъ-ли положеніи относительно Казани находилась Москва во время болѣзни Іоанна Грознаго?

Этотъ эпизодъ изъ исторіи царствованія Іоанна IV разсматривается болѣе или менѣе одинаково во всей почти исторической литературѣ, (вслѣдствіе чего и пришлось сдѣлать маленькое отступленіе отъ главнаго предмета); въ другихъ же случаяхъ, особенно когда касается дѣло личности Курбскаго, Горскій вполнѣ оригиналенъ. Обвиненіе Курбскаго въ стремленіи къ мѣстничанью, какъ сознается Горскій, не имѣетъ за собою никакихъ историческихъ основаній, »но мы, говоритъ, должны предположить въ немъ это стремленіе« (стр. 145). Въ то же время неудовольствія Іоанна изъ-за титула, не допускающія никакихъ возраженій, у Горскаго краснорѣчиво обойдены молчаніемъ, не смотря на то что изъ-за этого замедлялись государственныя дѣла, уѣзжали ни съ чѣмъ иностранные послы (Ист. Россіи Сол. т. VI, стр. 148).

Разводъ Курбскаго съ Голшанскою, разрѣшенный мѣстными обычаями и законоположеніями Литовскаго княжества (Лит. ст. разд. V, арт. 18), дозволенный и каноническими постановленіями (епископомъ Θеодосіемъ Горск. стр. 174), Горскій считаетъ незаконнымъ (368); а разводъ Василія III съ Соломонидой, разрѣшенный митрополитомъ, по его мнѣнію, совершенно законенъ (231).

Курбскій вступилъ въ супружество съ Семашковною при существованіи въ живыхъ прежней своей жены, и этимъ самымъ нарушилъ

уставы церкви (368); Іоаннъ Грозный, который былъ женатъ пять разъ, прославленъ истиннымъ сыномъ православной церкви, хранителемъ ея обрядовъ, блюстителемъ ея святыхъ догматовъ (351).

Не менѣе обращаютъ на себя вниманіе и тѣ натяжки, которыми Горскій старается заподозрить дѣйствительность показаній Курбскаго, чтобы этимъ возвысить Іоанна Грознаго.

Общія положенія его критики суть слѣдующія.—Имѣетъ-ли право историкъ довѣрять Курбскому?

Нѣтъ! 1., Курбскій писалъ свою »Исторію князя великаго московскаго« подъ вліяніемъ страсти,—будучи проникнутъ ненавистью къ Іоанну;

2., онъ писалъ ее, будучи сторонникомъ извѣстной партіи;

3., вслѣдствіе этого онъ искажалъ факты;

4., онъ писалъ многое по наслышкѣ.

5., Курбскій не заслуживаетъ довѣрія какъ измѣнникъ, ожесточенный врагъ Россіи и ея царя;

6., въ его показаніяхъ находимъ противорѣчія.

Имѣетъ-ли право историкъ довѣрять Іоанну Грозному?—Имѣетъ; за подлинность Іоанновыхъ показаній ручаются:

1., его высокое понятіе о царскомъ достоинствѣ какъ источникѣ истины и правды;

2., откровенное сознаніе самого Іоанна въ своихъ проступкахъ;

3., нежеланіе Курбскаго оправдываться;

4., непререкаемыя свидѣтельства лѣтописей (Горск. стр. 215, 410).

Бросимъ бѣглый взглядъ на эти пріемы критики Горскаго.

1) Никто не оспариваетъ того, что Курбскій писалъ свою »исторію« подъ вліяніемъ страсти. Совершенно вѣрно, что эта страсть до извѣстной степени вліяла на выборъ предмета (Сказ. Курб. стр. 88), и сообщила мрачный колорить всему его произведенію. Въ его »исторіи« вездѣ проглядываетъ оскорбленное чувство самолюбія, глубоко чувствующее свою обиду и требующее удовлетворенія. Но есть-ли какое нибудь основаніе утверждать, что Іоаннъ Грозный былъ свободенъ отъ вліянія страсти? Могъ-ли онъ хладнокровно отнестись къ бѣгству, или, пожалуй, къ »измѣнѣ« человѣка, котораго онъ, по свидѣтельству Горскаго, никогда не переставалъ возвышать и честить (стр. 123)? Но обратимся лучше къ авторитету Г. Соловьева: »читая эту знаменитую переписку (между Іоанномъ и Курбскимъ), мы не должны забывать,

что оба, какъ Іоаннъ, такъ и Курбскій, пишутъ подъ вліяніемъ страсти, и потому оба преувеличиваютъ, впадаютъ въ противорѣчія«; вслѣдствіе этого мы должны знать, »съ какого рода памятниками мы имѣемъ дѣло, и какъ мы ими должны пользоваться« (Ист. Россіи т. VI, стр. 386, 388).

2) Едва-ли можетъ быть сильнымъ обвиненіемъ Курбскому то, что онъ былъ сторонникомъ партіи. Курбскій во всякомъ случаѣ высказывалъ свои убѣжденія, и былъ представителемъ не партіи, но »стараго начала« (Горск. стр. 17, 414); къ партіи же Сильвестра и Адашева онъ примыкалъ настолько, насколько она подходила подъ его убѣжденія. Мы имѣемъ полное основаніе думать, что Курбскій не всегда раздѣлялъ ея требованія. Это даетъ намъ понять какъ самъ Іоаннъ, такъ и Курбскій. Іоаннъ Грозный, обвиняя бояръ въ желаніи возвести на престолъ Владиміра Андреевича старицкаго, весьма замѣтно выдѣляетъ Курбскаго изъ числа ихъ. Вотъ его подлинныя слова: »малу времени минувшу.... намъ немощію одержиму быти и зѣльнѣ изнемогшу: тогда отъ тебе нарицаемые доброхоты возшаташася, яко пьяніи, съ попомъ Сильвестромъ и съ начальникомъ вашимъ Алексѣемъ,... забывше... еже отцу нашему цѣловали крестъ и намъ, еже кромѣ нашихъ дѣтей, иного себѣ государя искали: *они* же хотѣша воцарити еже отъ насъ разстоящася въ колѣнѣ, князя Владиміра; младенца жъ нашего, еже отъ Бога даннаго намъ, хотѣша подобно Ироду погубити »воцаривъ князя Владиміра« (Сказ. Курб. стр. 190). Въ параллель съ этимъ мѣстомъ слѣдуетъ поставить другое, гдѣ Іоаннъ, говоря объ измѣнахъ боярскихъ, не выдѣляетъ Курбскаго: »и тако убо оттолѣ всѣмъ измѣнникамъ благо время улучися; намъ же убо оттолѣ въ большомъ утѣсненіи пребывающимъ; отъ нихъ *во единомъ и ты былъ еси:* явлено, еже съ Курлятевымъ насъ хотѣсте судити про Сицкаго« (Сказ. Курб. стр. 191). Различіе въ выраженіяхъ: »отъ тебе нарицаемые доброхоты... хотѣша воцарити« и »воединомъ и ты былъ еси« должны кажется имѣть существенную важность. И если въ самомъ дѣлѣ это не была простая случайность, то мы совершенно въ правѣ до нѣкоторой степени выдѣлять Курбскаго изъ партіи Сильвестра и Адашева. Не могутъ также пройти не замѣченными и слова Курбскаго: »о Володимірѣ братѣ воспоминаешь, аки бы есть мы его хотѣли на царство: во истину о семъ не мыслихъ: понеже и недостоинъ былъ того«. Они были высказаны въ ту пору, когда Курбскому не было необходимости маскироваться,

когда, напротивъ, ему всѣми мѣрами слѣдовало-бы защищать свою партію, а слѣдовательно и царскія достоинства Владиміра Андреевича.

3) Курбскій искажалъ факты.—Насколько это вѣрно, я не знаю; для этого требуется самая строгая провѣрка фактовъ, записанныхъ въ »исторіи« Курбскаго, »съ нашими государственными актами, сказаніями лѣтописцевъ, современными и позднѣйшими иностранными писателями« (Горск. стр. 16). Это одно, помимо всѣхъ остальныхъ критическихъ пріемовъ Горскаго, въ состояніи раскрыть степень достовѣрности »исторіи великаго князя московскаго«..., написанной Курбскимъ. Но подобный трудъ годится для цѣлаго отдѣльнаго изслѣдованія.

Если по увѣренію Горскаго, Курбскій искажалъ факты, то не интересно-ли ознакомиться съ тѣмъ, какъ Горскій возстановляетъ историческую истину?

Курбскій, напримѣръ, перечисляя лицъ, убитыхъ Іоанномъ Грознымъ, въ иныхъ случаяхъ не выставляетъ причинъ, по которымъ они были казнены. Горскій остроумно замѣчаетъ. »*по всей вѣроятности* эти лица подверглись наказанію за преступленія« (стр. 311; 316, 327—329 и др.). Курбскій ставитъ въ упрекъ Іоанну то, что онъ избилъ родъ Колычевыхъ изъ-за ненависти къ митрополиту Филиппу. Горскій возражаетъ: »родъ Колычевыхъ не былъ истребленъ Іоанномъ, многіе изъ нихъ умерли своею смертію, напримѣръ Михайло Өедоровичъ Колычевъ, который при Өеодорѣ Іоанновичѣ былъ окольничимъ« (Горск. стр. 325). Замѣтьте, что Курбскій упоминаетъ о десяти членахъ изъ фамиліи Колычевыхъ, убитыхъ Іоанномъ Грознымъ, и Горскій не отвергаетъ дѣйствительности этого факта. Мнѣ кажется, что если Горскій только и могъ указать на одного Махаила Өедоровича, который умеръ своею смертію, то этимъ своимъ опроверженіемъ онъ только подтвердилъ подлинность факта, записаннаго Курбскимъ. Самое выраженіе *родъ* Колычевыхъ, противъ котораго собственно и вооружается Горскій, я ставлю въ рѣшительную параллель съ обыкновенными выраженіями: *сто разъ* было говорено, на это можно представить *тысячу доказательствъ*. Обвиненіе Горскаго только въ томъ случаѣ было бы основательно, еслибы Михаилъ Өедоровичъ Колычевъ былъ поставленъ Курбскимъ въ числѣ погибшихъ насильственною смертію.

Курбскій свидѣтельствуетъ, что Іоаннъ Грозный казнилъ многихъ родственниковъ Адашева. Горскій отвѣчаетъ: »если они дѣйствительно

казнены, то, какъ близкіе родственники Адашева, они разумѣется были и самыми ревностными его поборниками« (стр. 307). — Даже самъ »Іоаннъ не отвергаетъ казней, послѣдовавшихъ за открытіемъ движенія совѣтниковъ Сильвестра и Адашева въ пользу послѣднихъ« (Ист. Россіи Сол. т. VI, стр. 179), а Горскій сомнѣвается въ нихъ!... Родство еще не можетъ ручаться за одинаковость убѣжденій. На это можно представить тысячу доказательствъ. Іоаннъ Грозный всю свою жизнь и дѣятельность направлялъ къ тому, чтобы отнять у бояръ и князей ихъ власть, и сосредоточить ее въ собственной особѣ самодержца; между тѣмъ сынъ его Θеодоръ цѣликомъ передалъ всю государственную власть въ руки Борису Годунову. Петръ Великій былъ реформаторъ, а сынъ его, Алексѣй, ревностно стоялъ за старину. Курбскій былъ *ближній сродникъ* царицѣ Анастасіи, однако Горскій высказываетъ полную увѣренность въ томъ, что Курбскій хотѣлъ видѣть на престолѣ не Димитрія, но Владиміра Андреевича. При этомъ не мѣшаетъ имѣть въ виду, что между казненными родственниками Адашева были и малолѣтнія дѣти (Горск. стр. 307). Я вовсе не имѣю въ виду оправдывать Адашевыхъ; я только желаю показать, что общее положеніе Горскаго, притомъ выраженное условно, въ данномъ случаѣ вовсе не подрываетъ заявленія Курбскаго, основаннаго на фактѣ.

Курбскій упрекаетъ Іоанна въ томъ, что онъ побилъ сильныхъ въ Израили, и воеводъ, данныхъ отъ Бога, различнымъ смертемъ предалъ, и далѣе прибавляетъ: »не прегордыя ли царства разорили и подручныхъ во всемъ тобѣ сотворили мужествомъ храбрости ихъ« (Сказ. Курб. стр. 230). Здѣсь конечно по преимуществу разумѣется завоеваніе казанскаго царства въ 1552 году, когда »Курбскіе цѣною крови купили себѣ имя героевъ« (Горск. стр. 42). Горскій замѣчаетъ, что »это совершенно не справедливо, —покореніе Казани было дѣломъ Іоанна, и совершилось по его мысли« (стр. 354). Я не знаю, гдѣ больше искаженія фактовъ, у Курбскаго-ли, который писалъ по наслышкѣ, писалъ подъ вліяніемъ страсти, или же у Горскаго, который претендуетъ на историческое значеніе.

4) Курбскій писалъ многое по наслышкѣ.—Совершенно вѣрно, но, во-первыхъ, Курбскій самъ этого не отвергаетъ, во-вторыхъ, послѣ провѣрки повѣствованія Курбскаго съ государственными актами и перерѣкаемыми свидѣтельствами лѣтописей, подобное опасеніе, кажется, птеряетъ свою силу.

5) Курбскій не заслуживаетъ довѣрія какъ измѣнникъ, государственный преступникъ и т. д. Разсмотримъ это замѣчаніе съ двухъ сторонъ, и 1) узнаемъ, есть-ли основанія утверждать, что во времена Іоанна Грознаго право отъѣзда считалось государственнымъ преступленіемъ? »Съ паденіемъ Новгорода, говоритъ Горскій, и удѣловъ при Іоаннѣ III-мъ право отъѣзда совершенно уничтожилось: внутри Россіи отъѣзжать было некуда, а отъѣздъ въ другія земли стали считать измѣною, слѣдовательно государственнымъ преступленіемъ« (Горск. стр. 13). Спрашивается, кто же именно »стали считать« право отъѣзда государственнымъ преступленіемъ? Очевидное дѣло, бояре, окружавшіе московскій престолъ,—потомки древнихъ удѣльныхъ князей, не считали, да и не могли считать, право отъѣзда государственнымъ преступленіемъ; они его отстаивали, старались задержать за нимъ законную силу. Духовенство тоже никогда не возставало противъ этого обычая, нерѣдко даже замѣтно поддерживало его (»Служилые люди« Бѣляева. См. Врем. Имп. Моск. общ. ист. и древн. Росс. 1849, кн. 3, стр. 28—51). Самъ Іоаннъ IV жаловался на духовенство, что оно покрывало виновныхъ бояръ и князей (Ист. Россіи т. VI, стр. 169). Народъ, по свидѣтельству Бѣляева, питалъ исконную довѣренность къ боярству; при томъ же народъ русскій всегда стоялъ въ сторонѣ отъ всякихъ государственныхъ переворотовъ. Остается допустить, что право отъѣзда считали государственнымъ преступленіемъ одни лишь московскіе князья, да развѣ еще фамиліи, находящіяся съ ними въ родствѣ. Я тѣмъ болѣе имѣю право остановиться на этомъ рѣшеніи предложеннаго вопроса, что самъ Горскій въ другомъ мѣстѣ высказываетъ ту же мысль: »для совершеннаго уничтоженія этого права Россія еще не созрѣла. Идея государства въ полномъ и сознательномъ видѣ начала развиваться при Іоаннѣ IV, и много еще времени нужно было пережить народу, чтобы проникнуться этою идеею, сознать ее, а вмѣстѣ понять и тѣ требованія, какія налагала она на каждаго члена общества« (Горск. стр. 120). И дѣйствительно, касаясь все-таки начатаго нами вопроса, мы видимъ, что еще при Борисѣ Годуновѣ бояре, каждый въ отдѣльности, подъ присягою должны были отказываться отъ старинныхъ правъ свободнаго отъѣзда (»Служилые люди« стр. 57). Лучшимъ доказательствомъ того, что право отъѣзда во времена Іоанна Грознаго и Курбскаго вовсе не считалось государственнымъ преступленіемъ служитъ многочисленность клятвенныхъ записей, которыми московскіе князья пы-

тались не допускать къ отъѣзду недовольныхъ бояръ. Записи эти были не что иное, какъ личныя сдѣлки между тѣми и другими, притомъ сдѣлки, имѣвшія чисто случайный, частный характеръ. Если было много князей и бояръ, связавшихъ себя этимъ условіемъ клятвенныхъ записей, то еще больше было такихъ, которые никакихъ записей никому не давали.

Курбскій разошелся съ Іоанномъ, будучи глубоко убѣжденъ въ собственной правотѣ. Руководясь весьма понятнымъ желаніемъ обвинить своего противника, онъ естественно выставлялъ на видъ такія поступки его, которые болѣе или менѣе должны были вызывать на осужденіе. Въ такихъ же точно отношеніяхъ къ Курбскому находился Іоаннъ Грозный. И хотя онъ не былъ измѣнникомъ и государственнымъ преступникомъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ Горскій представляетъ себѣ Курбскаго, тѣмъ не менѣе и онъ поставленъ былъ въ необходимость затрогивать лишь темныя стороны въ своемъ противникѣ. Историкъ, понятное дѣло, допустилъ-бы непростительную ошибку, еслибы рѣшился принять заявленія той или другой стороны безусловно на вѣру. Если когда, то именно въ подобныхъ случаяхъ, необходимо по возможности строже свѣряться съ государственными актами и непрерѣкаемыми свидѣтельствами лѣтописей. При этомъ могутъ весьма резонно замѣтить, что у Курбскаго не рѣдко встрѣчаются факты, какихъ не находимъ въ другихъ, болѣе достовѣрныхъ источникахъ. Какъ быть въ подобномъ случаѣ? принимать-ли эти факты на вѣру, или отвергнуть ихъ?

Карамзинъ далъ много вѣры историческимъ свидѣтельствамъ Курбскаго. Соловьевъ если приводитъ ихъ, то или для опроверженія (Ист. Россіи т. VI, стр. 170—174), или, по большей части, съ какою нибудь оговоркою: »мы не ручаемся за извѣстія Курбскаго во всей ихъ полнотѣ«, »Курбскій превозноситъ«, Курбскій пишетъ« и др. (стр. 179, 101, 165 и мн. др.); то-есть обнаруживаетъ полное недовѣріе къ заявленіямъ Курбскаго. То и другое отношеніе къ историческому памятнику невольно вызываетъ на возраженіе. Карамзинъ отнялъ у Іоанна всѣ человѣческія черты, и изобразилъ въ немъ тирана, жаждущаго пытки и крови, рубящаго безъ разбора на-право и на-лѣво. Соловьевъ, замѣтно щадя Іоанна, старается оправдать всѣ его жестокости поведеніемъ бояръ и отъѣздомъ Курбскаго (Ист. Россіи т. VI, стр. 191). Касаясь жестокостей Іоанна, онъ иногда ограничивается намеками или ссылками, гдѣ

умѣстнѣе было-бы представить характерныя подробности. Вслѣдствіе этого, его свидѣтельство о глубокой нравственной порчѣ Іоанна, его вполнѣ вѣрное замѣчаніе, что »Іоаннъ остался одинъ со страстями, требовавшими немедленнаго удовлетворенія,... съ быстрыми переходами отъ добра ко злу (стр. 180)«, не подтверждено надлежащимъ образомъ фактами. Передавая обстоятельства, случившіяся при обѣдѣ въ столовой залѣ новгородскаго архіепископа Пимена, онъ говоритъ: »сѣлъ (Іоаннъ) за столъ, началъ ѣсть, и вдругъ далъ знакъ своимъ князьямъ и боярамъ, *по обычаю, страшнымъ крикомъ*: по этому знаку, начали грабить казну архіепископа и весь дворъ его«... (стр. 203).

Слова: »по обычаю, страшнымъ крикомъ«, какъ-то неожиданно являются здѣсь; они не вполнѣ гармонируютъ со всѣмъ предшествующимъ изложеніемъ. Истребленіе новгородцевъ, допустимъ, вызвано было ихъ собственнымъ поведеніемъ, но этотъ обычный страшный крикъ принадлежитъ исключительно натурѣ царя.

Соловьевъ обстоятельно знакомитъ насъ въ общихъ положеніяхъ съ тѣми условіями, которые способствовали испорченности натуры Іоанна (170); за тѣмъ не забываетъ выставить на видъ, чего стоилъ ему отъѣздъ Курбскаго и переписка съ нимъ (165); мы узнаемъ что Іоаннъ изъ-за язвительныхъ писемъ Курбскаго заподозрилъ въ измѣнахъ и подвергъ безпощадной опалѣ всѣхъ бояръ. Согласны; но если »страшный огонь жегъ внутренность Іоанна«, и если »для этого огня не было недостатка въ пищѣ« (202), то отчего мы нигдѣ не встрѣчали болѣе или менѣе рѣзкихъ проявленій этого внутренняго огня. До сихъ поръ если упоминалось о казняхъ Іоанна, какъ слѣдствіяхъ его нравственной порчи, то какъ-то вскользь, глухо; и тутъ же нерѣдко заинтересованный читатель встрѣчаетъ не подробное фактическое подтвержденіе мысли, но желаніе замять приведенный фактъ, бросить на него нѣкоторую тѣнь. »Какъ слѣдствія нравственной порчи Іоанна, говоритъ Соловьевъ, выставляютъ двѣ казни: казнь князя Михаила Репнина и князя Дмитрія Овчинина. Іоаннъ по словамъ Курбскаго, призвалъ Репнина на пиръ, желая привязать его къ себѣ; когда все общество развеселилось, надѣло маски, и начало плясать, Репнинъ сталъ со слезами говорить Іоанну, что царю христіанскому не прилично это дѣлать; Іоаннъ въ отвѣтъ надѣлъ на него маску, говоря: »веселись, играй съ нами«! Репнинъ сорвалъ маску, растопталъ ее и сказалъ: »Чтобъ я, бояринъ, сталъ такъ безумствовать и безчинствовать«! Іоаннъ разсердился и прогналъ

его, а чрезъ нѣсколько дней велѣлъ убить его въ церкви подлѣ алтаря, во время чтенія евангельскаго; въ ту же ночь велѣлъ убить князя Юрія Кашина, когда тотъ шелъ въ церковь къ заутрени: убили его на самой паперти церковной«. Казнь сама по себѣ не вполнѣ еще свидѣтельствуетъ о нравственной порчѣ Іоанна. Казни Репнина и Кашина могли быть вызваны тою же подозрительностію, какою Соловьевъ объясняетъ другія его казни: А. Б. Горбатаго-Шуйскаго съ родственниками, Ховриныхъ, Шевырева, Сухаго-Кашина и т. д. (Ист. Россіи т. VI, стр. 195); могли быть также объяснены и другими причинами, потому что намъ неизвѣстно, кто »выставляютъ« и на какомъ основаніи выставляютъ. Степень нравственной испорченности преимущественно обнаруживается въ обстоятельствахъ, сопровождающихъ казни. Эти обстоятельства по необходимости бываютъ столько же разнообразны, какъ разнообразна нравственная порча. Но въ данномъ случаѣ Соловьевымъ представлены нѣкоторыя характерныя подробности, предшествовавшія казнямъ, и, можетъ быть, имѣвшія съ ними непосредственную связь. Читаемъ далѣе, и видимъ, что Соловьевъ выдѣляетъ себя изъ числа тѣхъ, которые »выставляютъ«. Мало того, узнаемъ, что указанныя подробности приведены вовсе не для подтвержденія факта, но для опроверженія его. »Мы сочли себя въ правѣ, говоритъ Соловьевъ, упомянуть здѣсь объ этихъ казняхъ потому, что Курбскій въ первомъ посланіи своемъ къ царю уже говоритъ: »Зачѣмъ ты святую кровь воеводъ своихъ въ церквахъ божіихъ пролилъ, зачѣмъ мученическою ихъ кровью пороги церковные обагрилъ«? Іоаннъ, въ отвѣтѣ, не отрицая казней, говоритъ: »Крови въ церквахъ никакой мы не проливали и пороговъ церковныхъ кровью не обагряли« (Ист. Россіи т. VI, стр. 180). Не понятно, для чего здѣсь это оправданіе. Если приведенныя Курбскимъ свидѣтельства вѣрны, то подобное оправданіе едва-ли можетъ быть умѣстно; если же они не вѣрны или сомнительны, то зачѣмъ было приводить ихъ? отчего было не указать фактовъ болѣе достовѣрныхъ, именно тѣхъ, на которыхъ основано убѣжденіе въ нравственной испорченности натуры, о движеніи страстей, требующихъ немедленнаго удовлетворенія? Шалости незрѣлаго возраста едва-ли могутъ имѣть здѣсь мѣсто.

Не оспаривая того, что Курбскій враждовалъ съ Іоанномъ, что онъ въ своей »исторіи« насказалъ много фактовъ, какихъ не находимъ въ другихъ историческихъ памятникахъ, мы однако не въ правѣ не

принять этихъ фактовъ. Они весьма естественно могли быть преувеличены, невѣрно объяснены, но едвали они могли быть положительно выдуманы. Курбскому для своей цѣли вполнѣ достаточно было ограничиться и фактами дѣйствительными,—въ нихъ тоже не было недостатка. Что же касается преувеличеній, то они весьма часто отдѣляются сами собою. Если, напримѣръ, въ разсматриваемыхъ случаяхъ Іоаннъ, не отвергая казней, отвергаетъ подробности, о которыхъ упоминаетъ Курбскій, то это разногласіе, кажется, легко объяснять. Іоаннъ могъ дать приказаніе объ убійствѣ Репнина и Кашина; но онъ, понятное дѣло, не могъ требовать, чтобы убійство было совершено непремѣнно въ церкви во время чтенія евангельскаго, или на порогѣ церковномъ, когда человѣкъ шелъ къ заутрени. Всѣ эти посредствующія обстоятельства допущены ужъ конечно самими исполнителями воли царской, торговавшими боярскими головами, не разбиравшими ни времени ни мѣста. То и другое, приказаніе и выполненіе, Курбскій могъ отнесть къ одному лицу, увеличивая такимъ образомъ его вину. Это же самое умышленно или неумышленно,—особенно гдѣ дѣло разсказывалось по слуху, Курбскій могъ дѣлать и во многихъ другихъ случаяхъ, вовсе не подозрѣвая того, что этимъ онъ скорѣе вредитъ своей цѣли, что чрезъ это заявленія его не увеличиваютъ своего историческаго значенія, но въ значительной степени теряютъ его. Если Курбскимъ записана масса фактовъ, составляющихъ исключительную собственность его »исторіи« и писемъ, если за безусловную подлинность ихъ ручаться нельзя, потому что они записывались для извѣстной лишь цѣли обвиненія, то необходимо опредѣлить по крайней мѣрѣ ту степень достовѣрности и историческаго значенія сочиненій Курбскаго, въ которыхъ мы не можемъ отказать имъ,—имѣя все-таки дѣло съ историческимъ памятникомъ. А такъ какъ въ данномъ случаѣ строго-историческая критика не даетъ никакихъ положительныхъ результатовъ,—фактовъ, записанныхъ Курбскимъ, нѣтъ возможности провѣрить съ показаніями лѣтописей и государственныхъ актовъ, то достаточно-ли ограничиться однимъ, такъ сказать, психологическимъ выясненіемъ дѣла?—выясненіемъ, насколько тотъ или другой фактъ, записанный Курбскимъ, подходитъ или не подходитъ подъ характеръ Іоанна Грознаго; открываетъ-ли онъ новые оттѣнки въ его характерѣ, или подтверждаетъ давно извѣстные; отбросивши какой-нибудь фактъ, перемѣняемъ-ли мы выработанное мнѣніе о Грозномъ и т. д. Если подобный пріемъ не можетъ имѣть всеобщаго значенія, потому что

мы не всегда имѣемъ точныя свѣдѣнія о жизни и характерѣ историческихъ дѣятелей, то, смѣю думать, онъ является во всей своей силѣ, когда коснемся личности Іоанна и Курбскаго. Если Іоаннъ Грозный долго былъ загадочнымъ лицомъ въ нашей исторіи, то въ высшей степени обстоятельныя изслѣдованія Соловьева, кажется, значительно разрѣшили эту загадку,—въ настоящее время царь Іоаннъ Васильевичъ Грозный является предъ нами живымъ дѣйствительнымъ лицомъ, дѣятелемъ извѣстной эпохи и при извѣстныхъ условіяхъ. И въ своихъ поступкахъ и въ своихъ литературныхъ произведеніяхъ онъ высказывался вполнѣ, такъ что для оцѣнки его дѣятельности мы смѣло можемъ прилагать и частные критическіе пріемы. Общія же положенія, или, предложенныя Горскимъ, справки съ послужнымъ спискомъ историческаго дѣятеля, не всегда могутъ привести къ желаемой цѣли.

6) »У Курбскаго мы часто встрѣчаемъ противорѣчіе самому себѣ«.—Прибавивши, что въ письмахъ Іоанна Грознаго къ Курбскому тоже встрѣчаются противорѣчія, я могъ-бы этимъ и ограничиться. Положеніе Горскаго вполнѣ резонно, но развитіе этого положенія невольно обращаетъ на себя вниманіе. Въ этомъ пунктѣ Горскій, кажется, наиболѣе рельефно обнаруживаетъ свои симпатіи и антипатіи. Вотъ, напримѣръ, его подлинныя слова съ выписками изъ Курбскаго: »Тогда (то-есть по удаленіи Максима Грека и Васіана) зачался нынѣшній Іоаннъ нашъ, и родилася въ законопрестулпенію и въ сладострастію лютость«. Такимъ образомъ (заключаетъ Горскій изъ приведенныхъ имъ словъ Курбскаго) Грозному было врождено сѣмя зла. »Но и сіе къ тому злому еще началу возмогло, говоритъ Курбскій, понеже остался отъ отца своего зѣло младъ, аки двухъ лѣтъ; по не многихъ же лѣтѣхъ мати ему умре«. Но и здѣсь Курбскій (я продолжаю выписку изъ Горскаго) впадаетъ въ противорѣчіе съ самимъ собою. Доказывая, что виною жестокостей Іоанна было рожденіе отъ Василія и Елены, Курбскій вдругъ говоритъ, что дурныя качества Іоаннова характера развились отъ того, что отецъ и мать его рано умерли, а его »начаша воспитывать великіе и гордые паны, а по ихъ языку боярове«. Здѣсь очевидное противорѣчіе предыдущему« (Горск. стр. 231, 232).

У Курбскаго мы дѣйствительно встрѣчаемъ противорѣчія, преувеличенія, излишнія похвалы и рѣзкія выраженія, но нигдѣ у него не встрѣчаемъ такой опрометчивой мысли, какую только-что высказалъ

Горскій. Есть-ли возможность, при самомъ пристрастномъ, но толковомъ отношеніи къ дѣлу, видѣть малѣйшее противорѣчіе въ словахъ Курбскаго: »Зачался нынѣшній Іоаннъ нашъ, и родилася... лютость; но и сіе къ тому злому началу возмогло еще, понеже (по смерти родителей) начаша воспитывать его великіе и гордые паны«. Здѣсь одно положеніе непосредственно вытекаетъ изъ другаго, одно пополняется другимъ; здѣсь видна самая строгая логическая послѣдовательность, а не »очевидное противорѣчіе«. Подобное обвиненіе всею своею тяжестію въ состояніи обрушиться на самаго обвинителя.

Другое противорѣчіе, замѣченное Горскимъ.—Курбскій въ своей »Исторіи князя великого Московскаго« говоритъ, что онъ писалъ ее, будучи »часто спрашиваемый многими благородными и свѣтлыми мужами о причинѣ перемѣны къ худшему, совершившейся въ Іоаннѣ«. Въ началѣ пятой главы онъ пишетъ: »не хотѣхъ бы малыя сея части презлости своей изрещи; но преодолѣнъ быхъ и принужденъ любовію Христа моего и ревностію любви, распалялся по мученицѣхъ отъ тебе избіенныхъ неповиннѣ братіяхъ нашихъ«. Изъ этого »противорѣчія« Горскій выводитъ то заключеніе, что Курбскій писалъ свою исторію не по просьбѣ многихъ и не по чувству любви къ избіеннымъ, а по собственному желанію, съ цѣлью—обвинить Грознаго (Горск. стр. 288). Въ этихъ словахъ Курбскаго тоже не видно никакого противорѣчія; оба объясненія въ данномъ случаѣ стоятъ одно подлѣ другаго, вовсе не исключая другъ друга взаимно. Курбскій могъ начать свою »исторію« по просьбѣ другихъ, но могъ также при этомъ помянуть съ любовью и невинно убитыхъ.

Еще.—Курбскій, разсказывая въ своей »исторіи« о свиданіи Іоанна съ старцемъ Вассіаномъ, во-время путешествія царя въ Кирилловъ-бѣлозерскій монастырь, передаетъ между прочимъ разговоръ, бывшій во время этого свиданія. Горскій замѣчаетъ: »въ разсказѣ Курбскаго есть противорѣчіе, котораго онъ не позаботился устранить. Вассіанъ, пишетъ онъ, *шепталъ* царю свой совѣтъ *на ухо*; шептаніе естественно предполагаетъ отсутствіе свидѣтелей,... слѣдовательно Курбскій не слышалъ подобнаго разговора, а сочинилъ его«. Такое заключеніе Горскаго, кажется, слишкомъ поспѣшно. Тутъ не взяты во вниманіе нѣкоторыя обстоятельства; во-первыхъ, на шептаніе Вассіана Іоаннъ отвѣчалъ громко, такъ что другіе могли слышать, и »догадка Курбскаго дѣйствительно могла быть справедлива« (Ист. Россіи т. VI, стр. 170);

во-вторыхъ, шептаніе не всегда извѣстнаго рода тихая рѣчь, шептаніе, насколько я могъ прислушаться, весьма часто означаетъ наушничество, ябедничество вообще; наконецъ, что за неволя была Курбскому сочинять подобный разговоръ? Горскій говоритъ, что Курбскій это сдѣлалъ »въ видахъ своей партіи.... онъ имѣлъ одну цѣль, —именно показать, что у Іоанна былъ большой недостатокъ въ собственномъ умѣ« (стр. 263). Какимъ образомъ Горскій пришелъ къ этому совершенно неожиданному заключенію, я не знаю; чего хотѣлъ достигнуть Курбскій, выдумывая разговоръ Іоанна съ Вассіаномъ, объ этомъ онъ никому даже и »въ уши не шепталъ«.

Заговоривши объ антипатіяхъ и симпатіяхъ Горскаго, я нахожу умѣстнымъ представить здѣсь и образцы послѣднихъ. Кстати это даетъ намъ понятіе о томъ, какъ Горскій прилагаетъ къ дѣлу, выработанные имъ же самимъ, критическіе пріемы.

Курбскій говоритъ о князѣ Димитріѣ Овчининѣ, что онъ былъ »закланъ отъ руки самаго Іоанна«; но Гваньини свидѣтельствуетъ, что Д. Овчининъ былъ удавленъ. Горскаго это »разногласіе наводитъ на сомнѣніе въ самой казни Овчинина« (308). Курбскій свидѣтельствуетъ, что и Пронскій былъ утопленъ; Таубе и Крузе говорятъ, что онъ засѣченъ. Горскій: »разногласіе свидѣтельствъ объ образѣ его смерти не есть-ли явное доказательство, что онъ никогда не былъ казненъ, и что эта казнь, какъ и другія, изобрѣтены врагами Іоанна« (317). О Владимірѣ Андреевичѣ старицкомъ новгородская лѣтопись говоритъ, что онъ былъ убитъ отъ руки Іоанна; Таубе и Крузе говорятъ, что Іоаннъ изъ собственныхъ рукъ отравилъ его; Гваньини свидѣтельствуетъ, что Владиміру Андреевичу отсѣкли голову; по Одерборну, онъ былъ зарѣзанъ; Курбскій говоритъ согласно Таубе и Крузе; то же подтверждаетъ и Ульфельдъ, датскій посолъ, бывшій въ Россіи въ 1578 году. Горскій говоритъ: »всѣ эти свидѣтельства, ставящія Іоанна какимъ-то извергомъ, не заслуживаютъ никакого довѣрія, во-первыхъ потому, что они оставлены заклятыми врагами царя, а во-вторыхъ самое разногласіе ихъ очевидно говоритъ въ пользу Іоанна (319). Надобно впрочемъ замѣтить, что ни одинъ изъ современныхъ писателей не говоритъ о томъ, чтобы Владиміръ Андреевичъ умеръ своею смертію!

Но иногда нѣтъ возможности опровергнуть свидѣтельствъ Курбскаго, потому что они подтверждаются современными сказаніями лѣтописцевъ. Но эти свидѣтельства нисколько, по мнѣнію Горскаго, не

пятнаютъ личности Іоанна Грознаго. »Правда, что Іоаннъ иногда поступалъ жестоко, но эта жестокость не была слѣдствіемъ его личныхъ страстей, а слѣдствіемъ его желанія добра для Россіи« (Горск. стр. 297). Курбскій упрекаетъ Іоанна въ томъ, что онъ удалилъ отъ двора и за тѣмъ осудилъ на изгнаніе Сильвестра и Адашева безъ всякаго разслѣдованія ихъ винъ, не обратилъ даже вниманія на то, что они оба просили очныхъ ставокъ съ своими обвинителями. Горскій замѣчаетъ: »все равно они не оправдались-бы« (стр. 291). Истребленіе новгородцевъ Горскій оправдываетъ тѣмъ, что Іоаннъ не видѣлъ, кромѣ казни, никакого другаго средства для устрашенія крамольниковъ (340). Леонидъ, епископъ новгородскій, былъ зашитъ въ медвѣжью шкуру и затравленъ собаками, потому что »былъ достоинъ этого« (340). Курбскій въ упрекъ Іоанну Грозному ставитъ его частые пиры и тотъ разгулъ, которому онъ предавался. Горскій говоритъ: »нельзя отрицать, что Іоаннъ часто увлекался разгуломъ; но кто же былъ виною этого? За что бы ни брался Іоаннъ,... вездѣ встрѣчалъ или сопротивленіе или низкій корыстный разсчетъ со стороны окружающихъ его. Всѣ, кого бы онъ ни приблизилъ къ себѣ, платили ему за это неблагодарностью... Подобныя обстоятельства въ натурѣ пылкой могли произвести то мрачное состояніе души, которое Іоаннъ старался заглушить шумными пирами« (стр. 292). Представьте же послѣ всего этого положеніе Курбскаго, живущаго вдали отъ »любимаго отечества, среди людей тяжкихъ и зело негостелюбныхъ, обманутаго и нагло обиженнаго правительствомъ, оскорбляемаго сосѣдями? Каково должно быть состояніе души его, когда его семейныя отношенія представляли непрерывный рядъ самыхъ тяжкихъ оскорбленій, грабежа и измѣны, когда къ нему доходили убійственныя вѣсти о покинутой семьѣ и о родичахъ, когда онъ въ концѣ концовъ, вмѣсто утѣшенія, получалъ отъ Іоанна письма, наполненныя самими язвительными упреками и укоризнами!... »Вся сія, пишетъ Курбскій, предреченныя бѣды, яко моль, снѣдали сердце мое,... и быхъ объятъ жалостію« (Акт. врем. комм. т. II, стр. 306). Подобныя явленія, по сознанію Горскаго, въ состояніи убить могучую силу воли, подавить энергію и дѣятельность и поселить бездѣятельность, робость, равнодушіе ко всему« (Горск стр. 204). Чѣмъ же занимается Курбскій, дабы не потребиться въ конецъ унынiемъ? чѣмъ онъ старается заглушить мрачное настроеніе своей души? »Отрадно, говоритъ Горскій, въ XVI вѣкѣ, не отличавшемся цивилизацiею, встрѣтить че-

ловѣка—дѣло идетъ о Курбскомъ,—искавшаго утѣшенія не въ шумныхъ забавахъ, а въ наукѣ« (Горск. стр. 24). Припомните же кстати и взглядъ Горскаго на литературную дѣятельность Курбскаго вообще и частнѣе на его систематическую борьбу съ іезуитами: »стремленіе Курбскаго къ поддержанію православія происходило не изъ религіозныхъ побужденій.... Затѣняемый сильными магнатами, онъ не могъ играть значительной роли; а склонившись на сторону оппозиціи, могъ, при своемъ образованіи, расчитывать, что сдѣлается однимъ изъ главнѣйшихъ членовъ ея, и, при удачномъ ходѣ дѣла, можетъ выпудить у короля и у магнатовъ утвержденіе за нимъ, въ качествѣ родовой полной собственности, пожалованныхъ ему имѣній... Курбскій никогда не дѣйствовалъ безкорыстно: дѣйствія его всегда имѣли на заднемъ планѣ эгоистическіе расчеты« (Горск. стр. 180, 407).

Я не могу ничего возразить противъ приведенныхъ словъ Горскаго. Возражать или опровергать можно лишь въ томъ случаѣ, когда намъ предлагаются мнѣнія, подкрѣпленныя какими-нибудь основаніями; но что вы станете дѣлать съ тѣми летучими общими положеніями, которыя лишены всякихъ основаній, которыя находятъ свое начало въ личномъ вкусѣ, въ личныхъ симпатіяхъ? исторической критикѣ до нихъ нѣтъ никакого дѣла. Что касается приведенныхъ словъ Горскаго, то я не нашелъ для нихъ лучшаго опроверженія, какъ выписать ихъ цѣликомъ:—пусть всякій относится къ нимъ, какъ Богъ на сердце положитъ.

Обращаюсь къ остальнымъ критическимъ пріемамъ Горскаго. Что ручается за подлинность Іоанновыхъ показаній?—1) его высокое понятіе о царскомъ достоинствѣ, какъ источникѣ истины и правды.

Нѣтъ сомнѣнія, что Іоаннъ имѣлъ самое высокое понятіе о царской власти. Зная то, что онъ »родился на царствѣ«, онъ считалъ себя далеко выше всѣхъ остальныхъ смертныхъ; »истина и свѣтъ для народа, по мнѣнію его,—въ познаніи Бога и отъ Бога даннаго ему государя«. Но служило-ли подобное убѣжденіе источникомъ истины и правды, могъ-ли Іоаннъ быть свободнымъ отъ увлеченій, будучи все-таки человѣкомъ, я не знаю. Намъ извѣстно, что Іоаннъ Грозный, для »устрашенія« крамольниковъ-новгородцевъ, почти истребилъ ихъ,—его визитъ въ Новгородъ, не шутя, сравниваютъ съ Батыевымъ нашествіемъ (Ист. Россіи т. VI, стр. 205); архіепископа новгородскаго Леонида обшилъ въ медвѣжью шкуру и затравилъ собаками;

страшнымъ крикомъ заставлялъ своихъ князей и бояръ грабить, кого попало; избилъ родъ Колычовыхъ, можетъ быть, изъ-за ненависти къ одному члену этой фамиліи; убилъ митрополита Филиппа, котораго церковь причла къ лику святыхъ. Спрашивается, неужели всѣ эти поступки Іоанна Грознаго тоже обусловливались его высокимъ понятіемъ о царской власти, какъ источникѣ истины и правды (Горск. стр. 411)?

2) Откровенное сознаніе самого Іоанна въ своихъ проступкахъ. Заявленіе совершенно вѣрное, и имѣетъ неоспоримую силу, но лишь само по себѣ. У Горскаго же оно невольно вызываетъ на нѣкоторыя замѣчанія; во-первыхъ, оно вовсе не гармонируетъ съ первымъ заявленіемъ, представляющимъ Іоанна идеальнымъ государемъ, застрахованнымъ отъ всѣхъ неправдъ; во-вторыхъ, оно не гармонируетъ съ желаніемъ Горскаго оправдать всѣ дурные поступки Іоанна, въ которыхъ самъ Іоаннъ откровенно сознается, или же обвинить въ этихъ поступкахъ кого-нибудь другаго: »въ жестокости виновенъ не самъ Іоаннъ, а окружающіе его« (Горск. стр. 297), »длинный рядъ измѣнъ и крамолъ привелъ Іоанна въ изнеможеніе« (293).

3) Нежеланіе Курбскаго оправдываться если имѣетъ нѣкоторое значеніе само по себѣ, то этого значенія вовсе не признаетъ за нимъ Горскій. Вотъ какъ онъ относится къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ Курбскій желаетъ оправдаться. На основаніи подлинныхъ словъ Іоанна, на основаніи откровеннаго сознанія Курбскаго, я желалъ показать, что Курбскій не принималъ участія въ извѣстной боярской »крамолѣ«, бывшей во время болѣзни царя. Горскій же рѣшительно не выдѣляетъ отсюда и Курбскаго (стр. 75, 85). Курбскій пишетъ, что онъ бѣжалъ въ Литву изъ страха смерти, пользуясь стариннымъ правомъ отъѣзда. Горскій отвѣчаетъ: »мы можемъ признать его слова клеветою« (стр. 123). Далѣе; »принужденъ быхъ, пишетъ Курбскій, отъ короля Сигизмунда Августа Луцкія волости воевати, и тамо зело стерегли есмы,... иже бы невѣрные церквей Божіихъ не жгли и не разоряли; и воистину не возмогохъ, множества ради воинства, устрещи; понеже пятьдесятъ тысящей тогда было войска, между которыми не мало было ово варваровъ измаильтескихъ, ово другихъ еретиковъ,.... и безъ нашего вѣдома, по исхожденію нашему, закрадшеся нечестивые, сожгли едину церкву и съ монастыремъ«. Возможность подобнаго факта Горскій совершенно допускаетъ, потому что »Курбскаго не слушали« (Горск. стр. 152); между тѣмъ изъ этого объясненія онъ выводитъ заключеніе,

что »всѣ подвиги Курбскаго во время этого похода состояли въ разграбленіи церквей и опустошеніи селъ« (стр. 154).

4) За истинность Іоанновыхъ показаній ручаются непререкаемыя свидѣтельства лѣтописей и государственныхъ актовъ.

VII.

На основаніи тѣхъ и другихъ и на основаніи откровеннаго сознанія самаго царя Іоанна, я приступаю къ разсмотрѣнію тѣхъ явленій въ жизни Курбскаго, на которыхъ по преимуществу останавливается вниманіе историка, и которыя съ перваго разу дѣйствительно до нѣкоторой степени пятнаютъ личность Курбскаго.

1) Поселившись въ Литвѣ, »Курбскій долженъ былъ оказать услуги своему новому отечеству и государю. Въ то время Россія была въ войнѣ съ Польшею.... Пылая, говоритъ Горскій, ненавистью къ Іоанну, Курбскій не только не устыдился самъ поднять мечъ противъ отечества, но что еще ужаснѣе, вооружилъ на свой счетъ 200 человѣкъ конницы« (Горск. стр. 152). »Бѣгство не всегда измѣна, говоритъ Карамзинъ, гражданскіе законы не могутъ быть сильнѣе естественнаго: *спасаться отъ мучителя*; но горе гражданину, который за тирана мститъ отечеству« (Ист. гос. Росс. т. IX, стр. 55).

Есть обстоятельства, которыя значительно смягчаютъ ужасъ поступка Курбскаго. Припомните содержаніе тѣхъ жалованныхъ грамотъ, какія получилъ Курбскій отъ Сигизмунда Августа на Ковель и другія имѣнія. Въ нихъ весьма ясно обозначено одно единственное условіе наподобнаго пожалованія, именно: отбываніе военныхъ повинностей »наравнѣ съ другими князьями, панами и всѣми обывателями шляхетскаго сословія, согласно съ земскими постановленіями« (Акт. врем. комм. т. I, стр. 12, 15, 17; Лит. Метр. № 4; Горск. стр. 182). Война съ внѣшними врагами, нарушавшими покой и благосостояніе отечества, являлась такимъ образомъ священною обязанностію каждаго гражданина; нарушеніе или невыполненіе ея безусловно считалось государственнымъ преступленіемъ, весьма отчетливо предусмотреннымъ государственными законами: »а хто бы, маючы имѣнье, земское войны не служилъ,... той имѣнье свое все тратитъ« (Лит. ст. разд. 2, арт. 1). Понятное дѣло, Курбскій, въ виду указанныхъ условій, не могъ не

принимать участія въ войнахъ своихъ новыхъ соотечественниковъ съ внѣшными врагами, кто бы ни были эти враги—русскіе-ли, татаре-ли (Горск. стр. 176), другіе-ли сосѣди; въ противномъ случаѣ онъ являлся-бы государственнымъ преступникомъ, къ которому »привилось своеволіе польскихъ магнатовъ«. Самъ Горскій сознается, что этими войнами Курбскій оказывалъ услуги своему новому отечеству и государю. Примѣшивалось-ли къ этому чувство ненависти къ Іоанну, было-ли у Курбскаго желаніе за тирана мстить отечеству, я судить не берусь. Знаю только, что ему весьма не легко чувствовалось послѣ перваго его похода въ рядахъ литовскихъ войскъ на Русскія области. Припомните его откровенное сознаніе, высказанное по этому поводу въ одномъ изъ его писемъ къ Іоанну: »приужденъ быхъ отъ короля Сигизмунда Августа Луцкія волости воевати«... Мнѣ кажется, еслибы Курбскій захотѣлъ мстить за тирана отечеству, то онъ весьма могъ пойти по слѣдамъ Корецкихъ, Замойскихъ и друг., производившихъ набѣги на сосѣдн'я государства, и конечно подававшихъ соблазнительный примѣръ другимъ; вѣдь имѣлъ же Курбскій въ распоряженіи нѣсколько тысячъ войска; хватало же у него дерзости, по увѣренію Горскаго, предводительствуя отрядами слугъ, врываться во владѣнія своихъ недруговъ, жечь, грабить и т. д.

Обращая вниманіе на это обстоятельство въ жизни Курбскаго: на поднятіе руки противъ Россіи, мы, кажется, не вправѣ опускать изъ виду тѣхъ заявленій Курбскаго, въ которыхъ невольно высказывается его душа, столько выстрадавшая между людьми тяжкими и зело негостелюбивыми, его болѣзненные стопы по »миломъ отечествѣ«, съ которымъ были связаны его лучшія воспоминанія, въ которомъ онъ похоронилъ свое счастье (Акт. врем. ком. т. II, стр. 306; Ист. Россіи т. VII, стр. 198). Онъ все еще продолжаетъ называть Россію своимъ *милымъ отечествомъ;* болитъ душею о томъ, что его соотечественники—опять-таки не литовцы, а русскіе—гладомъ духовнымъ гибнутъ; для нихъ онъ берется за науку, имъ посвящаетъ свою литературную дѣятельность. Эти заявленія и эта дѣятельность могутъ служить лучшимъ доказательствомъ того, что Курбскій, поднимая руку противъ Россіи, дѣйствовалъ не въ силу ненависти къ отечеству и не по чувству мести къ тирану, но въ силу гнетущей необходимости.

2) Есть обстоятельства, если не оправдывающія совершенно, то въ

значительной степени смягчающія и другую вину Курбскаго—самое бѣгство его изъ Россіи.

Существующія въ исторической литературѣ мнѣнія представляютъ бѣгство Курбскаго какъ измѣну, которою оскорбленъ принципъ царской власти, данной отъ Бога, оскорблено національное патріотическое чувство русскаго человѣка, которая неминуемо вызываетъ божественный авторитетъ на справедливое отмщеніе (Сказ. Курб. стр. XVII, Акт. врем. комм. т. I, стр. III, XLI; Горск. стр. 128, 183; Ист. гос. Росс. т. I, стр. 114, 259). У Горскаго самый фактъ бѣгства обставленъ такими подробностями, которыя подрываютъ чисто человѣческія достоинства Курбскаго, низводятъ его на степень преступника по профессіи, жертвующаго чужими интересами и собственною совѣстію, даже святостью религіи изъ-за личныхъ разсчетовъ,—причемъ конечно не можетъ быть и рѣчи ни о добромъ имени, ни о заслугахъ его.

Подобное выясненіе дѣла не выдерживаетъ исторической критики; оно основано на многихъ теоретическихъ соображеніяхъ, не имѣющихъ ничего общаго съ современною дѣйствительностью. Если Устряловъ говоритъ, что »Курбскій *измѣною отечеству и Государю, столь несродною русскому сердцу,* запятналъ доброе свое имя, омрачилъ свою славу« (Сказ. Курб. стр. XVII), то въ этомъ я готовъ видѣть чисто историческую ошибку. Во времена Іоанна Грознаго право свободнаго отъѣзда не считалось еще ни измѣною, ни государственнымъ преступленіемъ; по крайней мѣрѣ въ государственныхъ законоположеніяхъ мы не находимъ основаній думать иначе (Ист. Россіи т. VII, стр. 139—156). Что касается московскихъ князей, то они въ свое время сами поддерживали и практиковали право отъѣзда, когда считали для себя это необходимымъ. Если Горскій утверждаетъ, что Курбскій бѣжалъ вовсе не опасаясь за свою жизнь, а изъ-за корыстолюбивыхъ разсчетовъ, то подобное замѣчаніе, какъ увидимъ, противорѣчитъ самымъ яснымъ историческимъ, не говорю намекамъ, но прямымъ свидѣтельствамъ. И только безпристрастное слово г. Соловьева почти наводитъ насъ на истину; оно доводитъ насъ до того пункта, съ котораго намъ въ пору начать наше изслѣдованіе. Сопоставивши подлинныя слова Іоанна Грознаго, отнесенныя къ Курбскому: »побоялся смерти по *ложному* слову своихъ друзей.... за *одно слово мое гнѣвное* душу свою погубилъ« съ другимъ его откровеннымъ сознаніемъ: »зла и гоненій безъ причины отъ меня ты не принялъ, бѣдъ и напастей на тебя я не воздвигалъ; а какое

наказаніе малое и бывало на тебѣ, такъ это за твое преступленіе: потому что ты согласился съ нашими измѣнниками;.. которые ты проступки дѣлалъ, мы по тѣмъ твоимъ винамъ и наказаніе чинили«,— сопоставивши эти два мѣста, г. Соловьевъ выводитъ весьма основательное заключеніе, что дѣло между Іоанномъ и Курбскимъ »пошло не изъ за одного слова гнѣвнаго, что Курбскій дѣйствительно подвергся опалѣ, претерпѣлъ наказаніе за свою связь съ Сильвестромъ и Адашевымъ« (Ист. Россіи т. VI, стр. 183). Останавливаясь на этомъ окончательномъ рѣшеніи, я въ моемъ очеркѣ считаю умѣстнымъ дать ему историческую окраску, прослѣдить моментъ зарожденія и за тѣмъ развитіе непріязненныхъ отношеній между Іоанномъ Грознымъ и Курбскимъ,—насколько это способствовало бѣгству Курбскаго *).

Для этой цѣли намъ необходимо возвратиться нѣсколько назадъ. Вспомнимъ то время, когда Курбскій наравнѣ съ другими принималъ самое дѣятельное участіе въ священномъ подвигѣ русскихъ, напрягавшихъ свои послѣднія силы для защиты христіанства отъ бусурманства. Знакомясь съ его военными подвигами въ борьбѣ съ Казанцами въ 1552 году, мы не можемъ не признать за нимъ нѣкоторыхъ заслугъ Русской землѣ. Нельзя, напримѣръ, не удивляться той смѣлости и отвагѣ, съ какою Курбскій, имѣя подъ начальствомъ не болѣе полутораста ратниковъ, вступалъ въ рѣшительное сраженіе съ нѣсколькими тысячами храбрыхъ татарскихъ наѣздниковъ (Горск. стр. 40); не можемъ не отдать должной справедливости тому политическому, пожалуй, такту, какъ онъ отличался въ наиболѣе критическія минуты (тамъ же). Въ продолжительной борьбѣ Іоанна Грознаго съ Казанцами успѣхъ дѣла не разъ обусловливался личною храбростію Курбскаго, потому что »не привыкъ онъ считать враговъ и численное превосходство непріятеля никогда не пугало его«. Интересы отечества были для него постоянно на первомъ планѣ; для нихъ онъ безропотно жертвовалъ всѣми другими. Это подтверждаетъ вся его общественная дѣятельность на Руси, начавшаяся его трудными передвиженіями съ войскомъ по непроходимымъ лѣсамъ Мордовскимъ, по незнакомымъ землямъ Рязанскимъ и Мещер-

*) Подобный трудъ, по моему мнѣнію, можетъ быть нѣсколько умѣстенъ, потому что вопросъ о бѣгствѣ Курбскаго до сихъ поръ объявляется не разъясненнымъ даже съ университетской каѳедры (Кіевскія Универ. Изв. 1872 г. іюнь).

скимъ (Сказ. Курб. стр. 153, 388; Акт. врем. комм. т. II, стр. 311; Горск. стр. 249). Если кто, то именно Курбскій можетъ сказать о себѣ, что онъ купилъ себѣ славу и признательность отечества цѣною крови и жизни,—его дѣйствительно не разъ уносили съ поля битвы полумертвымъ; именно онъ можетъ сказать о себѣ: »никогда полковъ твоихъ (обращеніе къ Іоанну) хребтомъ къ чюждимъ обратихъ,... и всегда отечества моего отстояхъ,... мало родшія мя зрѣхъ и жены моея не познавахъ, но всегда въ дальноконечныхъ градѣхъ противъ враговъ твоихъ ополчахся,... и сокрушенно язвами уже все тѣло мое« (Сказ. Курб. стр. 153). Пользуясь особеннымъ вниманіемъ царскимъ, онъ имѣлъ полное право считать это вниманіе не милостью для себя, но благодарностью за труды и подвиги, совершенные можетъ быть въ глазахъ всего христіанскаго войска (тамъ же стр. 35). Царь Іоаннъ Васильевичь, вполнѣ признавая за Курбскимъ всю важность его заслугъ (Ист. Россіи т. VI, стр. 387), удостоилъ его высшихъ государственныхъ почестей. Но не долго Курбскій пользовался своимъ выгоднымъ положеніемъ. Скоро одно обстоятельство сдвинуло его съ того пьедестала, на которомъ онъ былъ поставленъ.

Еще не остыли тѣ тревожныя впечатлѣнія, какія поголовно испытывали всѣ русскіе люди, бывшіе свидѣтелями тяжелой и продолжительной борьбы Іоанна съ Казанью; еще были на-лицо тѣ военачальники, которые на своихъ плечахъ вынесли всѣ трудности похода, всѣ опасности неравной борьбы съ татарскими храбрыми наѣздниками; между тѣмъ въ Москву снова стали доноситься одна за другою вѣсти о сильныхъ возмущеніяхъ, поднявшихся въ разныхъ областяхъ бывшаго Казанскаго царства. Для возстановленія порядка высланы были отряды русскихъ войскъ, но они потерпѣли рѣшительное пораженіе. Опасность такимъ образомъ становилась слишкомъ серьёзною: готовы были можетъ быть пойти прахомъ всѣ завоеванія на востокѣ, которыя стоили русскимъ столь неимовѣрныхъ трудовъ и усилій. Многіе бояре, близкіе къ царю, совѣтовали вывесть русское войско изъ Казани навсегда. Въ эту критическую минуту, въ минуту всеобщаго унынія, въ Москвѣ а потомъ по всей Россіи пронеслась вѣсть, что царь сильно занемогъ, и что даже нѣтъ надежды на его выздоровленіе. Какъ громомъ былъ пораженъ русскій народъ отъ этой вѣсти. Всѣ считали болѣзнь царя справедливою карою небесною за свои грѣхи (Ист. гос. Госс. т. VIII, стр. 197). Такъ или иначе, но надо же было подумать о судьбѣ царства

и о наслѣдникѣ престола. Нѣтъ необходимости повторять того, какъ рѣшался вопросъ о наслѣдникѣ Московскаго престола; достаточно напомнить только, что бояре въ значительномъ большинствѣ, слишкомъ напуганные смутами и интригами, сопровождавшими малолѣтство заболѣвшаго царя, желали возвесть на престолъ не его сына младенца Димитрія, но его двоюроднаго брата, и лишь небольшая часть, да и то родственниковъ царя, была на сторонѣ Димитрія. Видя такое разногласіе, Іоаннъ напомнилъ недовольнымъ про крестное цѣлованіе, которое они давали »не одинъ разъ, что мимо насъ другихъ государей не искать«; отвѣтомъ было рѣшительное упорство. Іоаннъ былъ свидѣтелемъ того, какъ спорящіе шумѣли и бранились, защищая каждый свою сторону, но ничего не могъ предпринять для защиты своего осиротѣлаго семейства; призывалъ виновника интриги Владиміра Андреевича и требовалъ отъ него присяги въ вѣрности царевичу Димитрію. Владиміръ Андреевичъ рѣшительно отказался цѣловать крестъ. Все это кровавыми чертами врѣзывалось въ памяти больнаго царя. Онъ вполнѣ постигалъ, какая участь ожидаетъ его сына при воцареніи Владиміра; и для насъ совершенно понятно, какъ Іоаннъ долженъ былъ смотрѣть на людей, ведшихъ его семейство прямо къ гибели. Онъ можетъ быть ожидалъ успокоительнаго слова отъ тѣхъ лицъ, которыя были постоянными его совѣтниками и лучшими друзьями, которымъ безгранично довѣрялся, и ужъ навѣрное можно сказать, что за поведеніемъ ихъ слѣдилъ гораздо зорче, чѣмъ за поведеніемъ другихъ, между тѣмъ Сильвестръ и Адашевъ ни разу не подали голоса въ пользу Димитрія; какъ быть?—упорное молчаніе иногда подозрительнѣе открытаго сопротивленія!.... Наконецъ Ѳеодоръ Адашевъ, отецъ любимца Іоаннова, прямо и рѣшительно высказался въ пользу Владиміра. Подобнымъ поведеніемъ своимъ въ глазахъ царя бояре, окружавшіе его, сами себѣ подписали смертный приговоръ.

Іоаннъ выздоровѣлъ. Онъ зналъ, что это уже не первая вина бояръ; подобныя »шатанія« онъ помнилъ съ тѣхъ поръ какъ началъ помнить себя. Для большей безопасности и для духовнаго совѣта онъ приблизилъ къ себѣ двухъ лицъ, не имѣвшихъ никакихъ преданій о своихъ предкахъ, не имѣвшихъ ничего общаго съ стариннымъ боярствомъ, облагодѣтельствовалъ ихъ, и кажется, вполнѣ могъ расчитывать на ихъ благодарность; а эти лица въ самую тяжелую рѣшительную минуту его не поддержали, они ему »измѣнили«. По необходимости пришлось за-

подозрить въ измѣнѣ всѣхъ безъ исключенія; прежнія отношенія къ боярамъ должны были перемѣниться сами собою,—они и перемѣнились. На первыхъ порахъ однако Іоаннъ ничѣмъ не заявилъ своего неудовольствія; наказать всѣхъ за разъ не было возможности,—по необходимости пришлось выжидать частныхъ случаевъ для единичныхъ нападеній; за то ужъ отдѣльнымъ единицамъ, попавшимъ подъ случай, не было пощады. Лишеніе сана, постриженіе въ монашество, пытки и казни всевозможныхъ родовъ — удавленіе, повѣшеніе, сажаніе на колъ и т. п. сдѣлались весьма обыкновенными наказаніями для лицъ, попавшихъ подъ случай. Я имѣю полное основаніе такъ выразиться, потому что самыя-то вины попадавшихся опредѣлялись не положеніями государственныхъ законовъ, не понятіями о честности и справедливости, господствовавшими въ современномъ обществѣ; мѣрою виновности служила исключительно подозрительная и испорченная натура царя, еще въ молодости привыкшаго не уважать ни жизни ни чести ближняго, способнаго вездѣ и во всемъ видѣть измѣну. Вслѣдствіе этого, наравнѣ съ поступками безусловно предосудительными, каковы: тайныя сношенія съ иностранными державами, бѣгство въ Литву и др. одинаково преслѣдовались и весьма изрядныя мелочи, какъ напримѣръ, вырвется ли у кого правдивое, но рѣзкое слово (князь Михаилъ Реппинъ; Сказ. Курб. стр. 344; Ист. Росс. Сол. т. VI, стр. 180); не выпьетъ-ли кто »великой чаши меду« за царскимъ столомъ; не понравится-ли чье нибудь лицо государю (князь Юрій Кашинъ, Овчининъ-Оболенскій; Сказ. Курб. стр. 343—345); во всемъ раздражительный, дававшій полную волю страстямъ, государь видѣлъ неблагомысліе и измѣну. Нашлись люди, которые постарались поддержать и усилить подобное отношеніе царя къ боярамъ. Вся вообще боярская аристократія, гордившаяся своими предками и своими заслугами отечеству, стала болѣе и болѣе отодвигаться на второй планъ; на смѣну ея явились люди незнатнаго происхожденія. Окружили они царя, овладѣли его довѣріемъ и, понятное дѣло, стали во враждебныя отношенія къ боярамъ. Желая съ одной стороны упрочить за собою выгоды своего новаго положенія, а съ другой желая избавиться отъ непріятныхъ соперниковъ, они стали, что называется, выѣзжать на счетъ этихъ послѣднихъ. И это имъ удавалось до безконечности легко. Въ этомъ случаѣ ихъ желаніе совершенно сходилось съ желаніемъ Іоанна Грознаго: лишить привиллегированное сословіе его преимуществъ, подѣлать всѣхъ холопоми своими. Сословіе

лицъ, приближенныхъ ко двору, поспѣшило воспользоваться недовѣріемъ царя къ боярамъ; Іоаннъ Грозный, въ видахъ своихъ интересовъ, поддерживалъ его до послѣдней степени. Жертвами этихъ обоюдныхъ желаній должны были сдѣлаться всѣ древнія аристократическія фамиліи. Достаточно было шепнуть одно словечко не въ пользу какого-нибудь боярина или перетолковать въ дурную сторону самое невинное намѣреніе его, и—кончено!—обвиненному угрожала или ссылка или смерть. Если недоставало дѣйствительной вины, за которую можно было-бы придраться, то за деньги можно было найти цѣлую толпу подставныхъ свидѣтелей, которые взводили на опальнаго боярина самыя сильныя преступленія: чародѣйство, желаніе известь царя, сношенія съ Владиміромъ Андреевичемъ и др. У современныхъ писателей не рѣдко слышатся жалобы на то, что новые любимцы царя, »вышедшіе отъ поповичевъ или отъ простаго всенародства«, овладѣваютъ его довѣріемъ, не оказавши никакихъ услугъ своему отечеству, и, что главнѣе всего, эти люди стали »торговать головами« бояръ и воеводъ, »прегордыя царства« покорившихъ (Сказ. Курб. стр. 46). Въ особенности все это должны были чувствовать тѣ лица, которыя издавна ближе стояли къ царю, были участниками его совѣтовъ, свидѣтелями его домашнихъ отношеній, именно Сильвестръ и Адашевъ. Натянутыя отношенія къ нимъ царя по преимуществу усиливались нашептываніями »поповичевъ«; по крайней мѣрѣ въ свидѣтельствѣ Курбскаго относительно этого не находится ничего невѣроятнаго. Эти два лица все еще были сильны при дворѣ своимъ нравственнымъ вліяніемъ на царя, сильны можетъ быть и своимъ значеніемъ въ народѣ. Въ концѣ концевъ дѣло дошло до того, что Сильвестръ понялъ всю неумѣстность своего пребыванія при дворѣ, удалился въ монастырь; Адашевъ же очутился »въ почотной ссылкѣ«. Удаленіе ихъ нанесло окончательный ударъ всему боярству; лишившись ихъ, оно лишилось своего центра и по необходимости стало дѣйствовать въ разсыпную. Между тѣмъ »простое всенародство« упорно преслѣдовало свои цѣли.

Мы имѣемъ основаніе думать, что Курбскій не былъ сторонникомъ партіи Владиміра Андреевича и не хлопоталъ о возведеніи его на Московскій престолъ; по крайней мѣрѣ Іоаннъ спустя шесть лѣтъ еще высказываетъ полное свое довѣріе къ Курбскому. Но Курбскій не могъ не замѣтить рѣзкой перемѣны въ отношеніяхъ царя ко всему вообще боярству, не могъ также не относить нѣкоторой доли этой перемѣны

къ самому себѣ, принадлежа къ тому же боярству. Іоаннъ былъ гордъ своимъ происхожденіемъ: »самодержавства нашего, говоритъ онъ, начало отъ св. Владиміра: мы родились на царствѣ, а не чужое похитили«; вслѣдствіе этого онъ хотѣлъ поставить себя выше всѣхъ, потому что всѣхъ считалъ неизмѣримо ниже себя. Курбскій тоже считалъ себя потомкомъ »Владиміра Великаго« (Ист. Россіи Сол. т. VI, стр. 187, 185), онъ также княземъ родился и выросъ. Гордясь происхожденіемъ, Курбскій гордился, и полное право имѣлъ гордиться своими заслугами отечеству; за службой царской онъ мало жилъ съ женою, большею же частію пребывалъ въ дальноконечныхъ странахъ въ борьбѣ съ врагами »по приказанію цареву«; могъ-ли онъ оставаться равнодушнымъ зрителемъ того, какъ царь равнялъ его съ »простымъ всенародствомъ«, которое ничѣмъ не заявило себя, которое начало »торговать головами« людей равныхъ ему по происхожденію; могъ-ли онъ равнодушно смотрѣть на то, что царская немилость постигала не только виновныхъ, но и лицъ, не запятнавшихъ себя ничемъ?

Вотъ царь сыскалъ измѣны собаки Адашева и удалилъ его отъ двора; вслѣдъ затѣмъ удалился и Сильвестеръ. Опала немедленно начала преслѣдовать тѣхъ, кто находился съ ними въ пріязненныхъ или родственныхъ отношеніяхъ. Тутъ ужъ не было пощады ни полу, ни возрасту, ни личнымъ заслугамъ. Данила Адашевъ, отличившійся весьма удачными схватками съ крымскими татарами (Ист. Россіи т. VI, стр. 123—125), былъ казненъ какъ родственникъ и, значитъ, единомысленникъ »собаки Адашева« Алексѣя; съ нимъ же былъ казненъ его тесть Туровъ и малолѣтній сынъ: въ скоромъ времени погибли насильственною смертію трое братьевъ Сатиныхъ, сестра которыхъ была за Алексѣемъ Адашевымъ, Иванъ Шишкинъ съ женою и дѣтьми; казнена за связь съ Адашевымъ какая-то вдова Марія съ пятью сыновьями.

Все это происходило ранѣе 1564 года, слѣдовательно ранѣе бѣгства Курбскаго изъ Россіи; значитъ Курбскій всему этому былъ свидѣтелемъ. Если уже въ ту пору вся »Москва цѣпенѣла въ страхѣ« (Ист. гос. Росс. т. IX, стр. 19), то неужели Курбскій, принадлежа къ сословію систематически преслѣдуемому, могъ не опасаться за собственную жизнь? Мы почитаемъ справедливымъ и съ исторической и съ человѣческой точки зрѣнія оправдывать жестокости Іоанна тою подозрительностью, какую невольно поселило въ немъ поведеніе бояръ (Горск. стр. 232); неужели послѣ этого и Курбскаго нельзя оправдывать тою

подозрительностью, какая въ немъ вызвана была рѣшительною дѣятельностью Іоанна Грознаго? Намъ очень хорошо извѣстно, что Курбскій находился въ пріязненныхъ отношеніяхъ съ Адашевымъ, зналъ это и самъ Іоаннъ; могъ-ли тѣмъ болѣе Курбскій оставаться покойнымъ относительно собственной жизни?

За тѣмъ на долю Курбскаго выпадаютъ новыя обстоятельства, еще болѣе отдаляющія его отъ двора, усиливающія его подозрѣнія и опасенія. Курбскій назначенъ былъ воеводою въ отдаленный отъ Москвы городъ Юрьевъ. Іоаннъ дѣйствительно могъ не считать службы опалою; но тутъ дѣла могли дѣлаться сами собою, независимо отъ верховной воли. Курбскій въ своихъ сочиненіяхъ не разъ упрекаетъ своего государя въ томъ, что онъ слишкомъ довѣряетъ своимъ новымъ приближеннымъ, и по ихъ доносамъ, не свѣряясь съ дѣломъ, преслѣдуетъ и казнитъ старинныхъ бояръ (Акт. врем. комм. т. II, стр. 306). Заочно ябедничать на кого бы то ни было всегда безопаснѣе, потому что обвиняемому въ такомъ случаѣ меньше возможности оправдаться. Это очень хорошо понималъ Курбскій (Сказ. стр. 78), а потому могъ вполнѣ сознавать всю безотвѣтность свою, въ случаѣ бы на него кто-нибудь нашепталъ предъ царемъ (Сказ. стр. XVI). Объясниться письменно тоже не было возможности, потому что »презлые эпистолій недопущаютъ« до царя (Сказ. стр. 79). Такимъ образомъ удаленіе Курбскаго отъ двора и назначеніе воеводою рѣшительно не было для него благодѣяніемъ, какъ думаетъ Горскій (стр. 124).

Положимъ, что назначеніе Курбскаго въ Юрьевъ было необходимо для Іоанна Грознаго по причинѣ непріязненныхъ отношеній между Россіею и Польшею. Но есть несомнѣнныя историческія свидѣтельства, заставляющія думать, что Курбскій далеко не пользовался уже прежнею расположенностію царя. Въ обоихъ своихъ письмахъ Іоаннъ выставляетъ на видъ Курбскому многія вины его, относящіяся именно къ этому времени: »съ попомъ положисте совѣтъ, говоритъ онъ, дабы азъ словомъ былъ государь, а вы бы государили (Сказ. Курб. стр. 172, 173, 175, 178, 190 и др.); съ этою цѣлью »измѣннымъ обычаемъ хотѣсте во царствіи царей« и лицъ мнѣ преданныхъ истребити (177, 190, 211, 224 и друг.), а единомышленникомъ своимъ роздали города и волости, сажали, кого хотѣли, въ думу, заняли всѣ мѣста своими угодниками (188)..... измѣнивъ клятвѣ и забывъ крестное цѣлованіе, сшиваете на меня утѣсненія, поношенія и укоризны (158, 189, 200,

224)... яко исперва начали есте, тако и нынѣ не престаете умышляюще злые совѣты (164, 190) и свою злолукавую измѣну бѣсовскимъ умышленіемъ и лестію языка покрыти хотяще (168).... Азъ, продолжаетъ Іоаннъ Грозный, давно сыскахъ ваши измѣны,... за такія ваши послуги достойны были многихъ опалъ и казней, но мы еще съ милостію къ вамъ опалу чинили« (207). Итакъ, Іоаннъ Грозный, подвергая виновныхъ бояръ ссылкѣ, насильному постриженію въ монашество и друг., наконецъ смертной казни, называлъ еще эти мѣры милостивыми; чего же долженъ былъ ожидать Курбскій, котораго Іоаннъ считалъ виновнымъ больше другихъ: и дѣдъ твой измѣнникъ, говоритъ онъ, и дѣдъ твоей матери измѣнникъ, и отецъ твой измѣнникъ и, понеже еси рожденіе исчадія ехиднаго, посему тако и ядъ отрыгаеши« (Сказ. Курб. стр. 178).... Се явственно есть измѣнное умышленіе ваше отъ начала до нынѣ (159).... явственно, что ты всячески дыхалъ на пагубу нашу,... понеже согласился еси съ измѣнники наши« (212); при всемъ томъ »видящи тя о главѣ нашей злая совѣтующа«, не только »достойныхъ мукъ не воздахомъ тебѣ,.... но въ ближней чести держахомъ тя выше отецъ твоихъ« (212, 213). Хотя Іоаннъ, сыскавъ измѣны Курбскаго, и продолжалъ держать его въ ближней чести, но Курбскій не могъ конечно не замѣчать нѣкоторой натянутости въ оказываніи этой чести. Курбскому въ этомъ случаѣ могли пособлять измѣнившіяся отношенія Іоанна къ боярству вообще, »укоры на устахъ и во взорахъ« въ новыхъ людяхъ, окружавшихъ царя, овладѣвавшихъ его довѣріемъ, наконецъ Курбскому пособляла самая натура царя, весьма легко поддающаяся мгновеннымъ вспышкамъ гнѣва. Все это болѣе и болѣе усиливало подозрѣнія Курбскаго.

Спрашиваютъ: »могъ-ли бы Курбскій бѣжать изъ Россіи, еслибы Іоаннъ дѣйствительно хотѣлъ казнить его? неужели въ случаѣ гнѣва на Курбскаго Іоаннъ не могъ-бы поступить съ нимъ такъ же точно, какъ поступилъ съ Сильвестромъ (?) и Адашевымъ? (Госк. стр. 124). Подобное возраженіе, по моему мнѣнію, довольно научно. Пусть кто-нибудь потрудится объяснить, почему же Іоаннъ Грозный съ Сильвестромъ и Адашевымъ поступилъ такъ, а не иначе, и почему съ Курбскимъ онъ долженъ былъ поступить именно такъ, какъ пуступилъ съ Сильвестромъ и Адашевымъ, а не какъ, напримѣръ, съ Владиміромъ Андреевичемъ, или какъ съ массою другихъ опальныхъ бояръ? Почему за приверженность къ Владиміру Андреевичу погибли многіе бояре,

тогда какъ самъ Владиміръ Андреевичъ, главный виновникъ интригъ и крамолъ боярскихъ, продолжаетъ жить и пользоваться удѣломъ? Почему, разгромивши Новгородъ, истребивши его жителей, Іоаннъ къ оставшимся въ живыхъ обращается съ кроткимъ взоромъ и милостивою рѣчью (Ист. Россіи т. VI, стр. 204)?

Въ подобныхъ явленіяхъ мы едва-ли можемъ находить какую нибудь послѣдовательность; Іоаннъ весьма часто дѣйствовалъ въ порывахъ гнѣва, когда конечно нѣтъ мѣста строгому анализу; во-вторыхъ, въ этомъ случаѣ каждое почти отдѣльное явленіе обусловливалось въ значительной степени самою натурою Іоанна и, пожалуй, степенью его нравственной испорченности. Что касается природныхъ свойствъ характера Іоанна, то, не вдаваясь въ подробности изслѣдованія, необходимо выставить на видъ слѣдующія замѣчанія. Іоаннъ Грозный принадлежитъ къ числу тѣхъ личностей, которыхъ сразу не всегда можно понять. Отношенія и поступки Іоанна во многихъ случаяхъ таковы, что могутъ ввести въ заблужденіе самый строгій анализъ. Наложивши на кого-нибудь опалу, онъ не сразу обнаруживаетъ свое негодованіе (конечно если дѣйствуетъ не въ пылу гнѣва), но на неопредѣленное время затаиваетъ его въ глубинѣ души. Мало того; онъ довольно искусно прикрываетъ свое негодованіе личиною расположенности, но лишь для того чтобы оно сильнѣе разразилось послѣ. Онъ какъ будто нарочно возводитъ преслѣдуемаго на возможно большую высоту, дабы за тѣмъ поразительнѣе и ужаснѣе было его паденіе; онъ наноситъ смертельные удары тамъ, гдѣ преслѣдуемый ихъ вовсе не ожидаетъ, и приласкаетъ, помилуетъ, когда онъ ожидаетъ вѣрной смерти. Какъ на примѣръ такой шаловливости, или химерности натуры, ставящей въ тупикъ, можно указать на фактъ избранія игумена Соловецкаго монастыря Филиппа въ митрополита земли Русской, равно и на сверженіе его изъ сана; на казнь Оболенскаго - Серебрянаго, Козаринова - Голохвастова, жителей великаго Новгорода, оставшихся въ живыхъ и мн. др. (Ист. гос. Росс. т. IX, стр. 91, 97, 104, 153, 154, 159, 160 и др. Ист. Россіи т. VI, стр. 204, 381 и друг.; Сказ. Курб. стр. 223, 228). Если Іоаннъ вздумалъ возвесть Филиппа на митрополію въ ту пору, когда объ этомъ никто и не думалъ, когда самъ Филиппъ вовсе не ожидалъ и не желалъ такой чести, когда въ самой Москвѣ были заслуженные искатели митрополичьей каѳедры, имѣвшіе своихъ приверженцевъ при дворѣ, можетъ быть лично извѣстные Іоанну, то подобный фактъ совершенно

въ характерѣ Іоанна, вообще любившаго поражать всякаго рода неожиданностью, желавшаго застигать въ расплохъ (Ист. гос. Росс. т. IX, стр. 91, 95). Если Іоаннъ рѣшился низвергнуть святителя изъ сана въ ту пору, когда личность эта казалась святою и неприкосновенною, то и это явленіе совершенно въ натурѣ Іоанна, хотя оно и весьма оригинально само по себѣ. Если »царь Иванъ Васильевичь произволилъ и посадилъ царемъ на Москвѣ Симеона Бекбулатовича и царскимъ вѣнцевъ его вѣнчалъ;... весь свой чинъ царскій отдалъ ему, а самъ, являясь къ нему, садился поодаль отъ царскаго мѣста вмѣстѣ съ боярами«; если тотъ же Иванецъ Васильевичъ черезъ два года *великаго князя Симеона всея Руси* удалилъ отъ престола и отъ дѣлъ правленія и сослалъ въ Торжокъ (Ист. Россіи Сол. т. VI, стр. 210, X), то пусть кто-нибудь осмыслитъ историческую умѣстность подобнаго факта! Послѣ всѣхъ этихъ замѣчаній я въ правѣ думать, что до сихъ поръ въ отношеніяхъ Іоанна Грознаго къ Курбскому еще не было ничего вызывающаго на возраженія.

Курбскій жилъ въ Россіи до тѣхъ поръ, пока, что-называется, жилось. Если и видѣлъ онъ перемѣну въ отношеніяхъ царя къ боярству вообще, если зналъ, что Іоаннъ во всякой мелочи способенъ былъ видѣть предательство и измѣну и за все готовъ былъ предавать казни, все еще до поры-до времени могъ быть хотя нѣсколько покойнымъ. Мало того; когда онъ былъ назначенъ воеводою въ Юрьевъ и началъ весьма успѣшно защищать предѣлы отечества отъ внѣшнихъ враговъ, (Курбскій) вполнѣ понималъ, что онъ былъ нуженъ Іоанну какъ опытный полководецъ. Не трудно понять, что подобное положеніе весьма неустойчиво; оно обусловливается слишкомъ внѣшними причинами. Если оно поддерживалось слѣпою случайностью воинской удачи, то эта же слѣпая случайность могла дать и иной ходъ дѣлу. Такъ дѣйствительно и случилось. Несчастный исходъ битвы Курбскаго съ поляками подъ Невлемъ окончательно испортилъ все дѣло. Случай измѣнилъ Курбскому, и миролюбивыя отношенія къ нему Іоанна должны были сами собою прекратиться. Іоаннъ увѣренъ былъ, что Курбскій »согласился« съ измѣнниками его, что онъ »всячески дыхалъ на пагубу« царя, что онъ уже давно достоинъ »многихъ опалъ и казней«; и вотъ наконецъ новое неопровержимое доказательство его измѣннаго умышленія: Курбскій съ 15-ти тысячнымъ отрядомъ войска не смогъ побѣдить 4-хъ тысячъ поляковъ (Сказ. Курб. стр. 214).

Подозрѣнія Курбскаго относительно собственной безопасности усилились; страхъ овладѣлъ имъ. Въ эту пору пріятели Курбскаго дали ему знать о гнѣвѣ царя, и дали знать въ томъ смыслѣ, что ему грозитъ смерть (Ист. Россіи Сол. т. VI, стр. 183). Эти обстоятельства, которыми Курбскій былъ напуганъ до послѣдней степени, рѣшили его дальнѣйшую судьбу. »Такъ смотритъ на это событіе и Грозный« скажемъ подлинными словами Горскаго (стр. 115; Ист. Россіи т. VI, стр. 280).

VIII.

Но готовилась-ли Курбскому въ самомъ дѣлѣ та участь, которой онъ ожидалъ? Не было-ли все это только иллюзія трусливой натуры? Есть-ли какія-нибудь историческія основанія предполагать, будто-бы Іоаннъ Грозный хотѣлъ наказать Курбскаго послѣ неудачнаго исхода битвы его подъ Невлемъ?

Да,—историческія основанія для этого есть. Въ этомъ случаѣ слѣдующія два обстоятельства невольно обращаютъ на себя вниманіе. Въ одной рукописи, хранящейся въ московскомъ архивѣ, записаны нѣкоторыя подробности, касающіяся бѣгства Курбскаго: »князь Андрей, увѣдавъ на себя гнѣвъ царскій, и не дождався присылки по себя, убояся ярости царевы. Помянувъ же прежнія свои службы и ожесточися, рече супружницѣ своей сице: чесо ты, жено, хощеши: предъ собою-ли мертвымъ мя видѣти, или за очи жива мя слышати? Она же рече, яко не точію тя мертва, но ниже слышати о твоей смерти желаю«. Голосъ жены рѣшилъ судьбу Курбскаго: »князь Андрей, продолжаетъ та же лѣтопись, прослѣзися, цѣлова ю и сына своего десятолѣтна суща, и прощеніе сотворивъ съ ними, и чрезъ стѣну града Юрьева прелѣзе, ключи же вратъ градныхъ поверзе въ кладязь« и ускакалъ съ вѣрнымъ своимъ слугою Шабановымъ въ ближайшій литовскій городъ Вольмаръ (Горск. стр. 123, 122).

Горскій старается доказать, что »измѣна Курбскаго не носитъ на себѣ характера мгновенной рѣшимости и неизбѣжной необходимости«..., что Курбскій »дѣлалъ свое дѣло не торопясь, даже слишкомъ не торопясь, потому что, для окончанія всѣхъ переговоровъ, какіе онъ велъ съ Сигизмундомъ Августомъ, требовалось много времени. Эта медлен-

ность есть лучшее доказательство, что на счетъ своей жизни Курбскій былъ совершенно покоенъ« (Горск. стр. 128). Но если Курбскій давно рѣшился измѣнить своему государю, если онъ »съ убійственною холодностью« обдумываетъ свою измѣну, то спрашивается, какой смыслъ имѣетъ это его совѣщаніе съ женою? Оно происходило въ домашнемъ кругу роднаго семейства, предъ которымъ ему конечно не было никакой необходимости маскироваться; между тѣмъ въ немъ замѣтна полная увѣренность въ предстоящей смерти. Въ этомъ совѣщаніи, напротивъ, слышенъ голосъ человѣка если не отчаяннаго, то находящагося въ самомъ затруднительномъ, безвыходномъ положеніи: въ немъ проявляется хватаніе утопающаго за соломину. Далѣе. Если Курбскій велъ переговоры съ польскимъ королемъ, на что требовалось много времени, то чѣмъ объяснить ту поспѣшность и скрытность отъѣзда, которая не позволяетъ ему взять съ собою семью? Подобныя обстоятельства хотя еще не выясняютъ сущности дѣла, но набрасываютъ сильную тѣнь подозрѣнія на отношенія Іоанна Грознаго къ Курбскому

Но какова подлинная причина бѣгства Курбскаго изъ Россіи? Та, что »государь, увѣдавъ измѣны Курбскаго, хотѣлъ было его посмирити (а онъ побѣжалъ)«. Это были подлинныя слова Іоанна Грознаго, сказанныя русскимъ гонцомъ Колычовымъ королю Сигизмунду (Сказ. Курб. стр. XVII); а неудачный исходъ битвы подъ Невлемъ могъ быть, да и былъ только поводомъ ко взрыву накипѣвшей желчи. За подлинность словъ Іоанна »ручаются: во-первыхъ, его высокое понятіе о царскомъ достоинствѣ какъ источникѣ истины и правды; во-вторыхъ, откровенное сознаніе самаго Іоанна въ своихъ проступкахъ и намѣреніяхъ« (Горск. стр. 411; Ист. Росс. Сол. т. VI, стр. 174). Въ рѣчи Іоанна къ польскому посланнику, въ которой онъ оправдываетъ свой образъ дѣйствій, находится слѣдующее откровенное сознаніе его »въ отечествѣ вашемъ ославили меня злобнымъ, гнѣвливымъ;... но кто меня злословитъ въ вашемъ отечествѣ?—Мои ненавистники, предатели, Курбскій и подобные ему.... Курбскій.... сей человѣкъ отнялъ у меня супругу милую (Замѣчательно впрочемъ, что о неудачной битвѣ его подъ Невлемъ нѣтъ и помину; значитъ причины преслѣдованія были другія, а не проигрышъ побѣды подъ Невлемъ), а я, свидѣтельствуюсь Богомъ, не думалъ его казнить, хотѣлъ только »по мирити«: посбавить у него чиновъ, уряды отобрать, и потомъ помиловать (Ист. гос. Росс. т. IX, стр, 212. Ист. Росс. т. VI, стр. 229, 230). Что значитъ цар-

ское желаніе »посмирити«, понятно всякому сколько-нибудь знакомому съ характеромъ Іоанна Грознаго. Если онъ, будучи въ игривомъ настроеніи духа, шутилъ такимъ образомъ, что отъ его шутокъ волосы становились дыбомъ, замирало дыханіе, если онъ совершенно хладнокровно отрѣзывалъ боярамъ уши, обливалъ ихъ кипяткомъ, а подчасъ даже умерщвлялъ ихъ во время пира собственными руками, и, какъ ни въ чемъ не бывало, продолжалъ веселиться (Ист. гос. Росс. т. IX, стр. 162, 163); то чего же можно было ожидать въ томъ случаѣ, когда онъ являлся въ роли грознаго судьи и каралъ преступленіе? Положимъ, что Іоаннъ не имѣлъ въ виду казнить Курбскаго, а только на время хотѣлъ лишить его боярскаго сана и жалованнаго имѣнія; но откуда это могло быть извѣстно Курбскому? Курбскій зналъ, что царь »различными муками... побилъ сильныхъ во израили вождей данныхъ отъ Бога, которыми разорены были Батыевы царства и твердыни Германскія; которые пылали усердіемъ къ царю и отечеству«... Курбскому извѣстно было, что царь побѣдоносную кровь ихъ проліялъ въ храмахъ Божіихъ; что, вымышляя клевету, онъ вѣрныхъ называлъ измѣнниками, христіанъ чародѣями,... и всѣхъ различнымъ смертемъ предалъ«... (Сказ. Курб. стр. 152). Послѣ всего этого Курбскій былъ совершенно въ правѣ считать царское желаніе »посмирити«, сообщенное ему изъ Москвы, смертнымъ приговоромъ для себя. Да и самъ Іоаннъ едва-ли могъ ручаться за иной исходъ своего гнѣва, потому что въ минуты гнѣва онъ совершенно не владѣлъ собою; въ эту пору его вовсе не удерживало ни »высокое понятіе о царскомъ достоинствѣ« (Горск. стр. 411), ни естественное чувство семейныхъ привязанностей (смерть убитаго имъ сына. Ист. Россіи Сол. т. VI, стр. 380).

Выходя изъ этой точки зрѣнія, и только подъ этимъ именно условіемъ, мы составляемъ нѣсколько иной, можетъ быть болѣе вѣрный взглядъ на »переговоры« Курбскаго съ польскимъ королемъ. Еслибы Курбскій подвергся царскому гнѣву за проигранное сраженіе, то переговоры его съ Сигизмундомъ-Августомъ, начатые гораздо раньше бѣгства, набрасывали бы сильную тѣнь подозрѣнія на его внутреннія качества. Еслибы, далѣе, Курбскій до послѣднихъ дней своего пребыванія на Руси пользовался даже искреннею расположенностью Іоанна Грознаго, какъ думаетъ Горскій, то переговоры и бѣгство его мы были-бы въ правѣ считать »измѣною« человѣка нравственно-испорченнаго, для котораго не существуетъ ничего священнаго. Но этими

строками имѣлось въ виду показать, что и бѣгство Курбскаго и переговоры его обусловливались не особенностями его характера, но главнымъ образомъ тѣми случайными обстоятельствами, какими онъ былъ обставленъ и какихъ не въ силахъ былъ предотвратить. Мы не имѣемъ основаній предполагать, чтобы Курбскій »велъ переговоры« (Акт. врем. комм. т. I, стр. III) съ польскимь королемъ относительно условій своего бѣгства; тѣмъ болѣе не имѣемъ никакихъ основаній утверждать, будто-бы Курбскій »тянулъ время, желая получить отъ короля выгодныя и опредѣленныя условія,—требовалъ, чтобы король подтвердилъ свое обѣщаніе—дать ему выгодныя помѣстья въ Литвѣ« (Горск. стр. 127). Изъ историческихъ документовъ видно только, что Сигизмундъ Августъ два раза писалъ къ Курбскому и, подъ разными заманчивыми условіями, приглашалъ его подъ свое подданство (Акт. врем. комм. т. II, стр. 193); но *получить приглашеніе* и *завести переговоры*, кажется, не одно и то же. Намъ извѣстно, что и другіе вельможи получали подобныя приглашенія отъ Сигизмунда Августа, каковы: Бѣльскій, Мстиславскій, Воротынскій и др. (Ист. Россіи Сол. т. VI, стр. 198); однако мы не думаемъ утверждать, что они вели попереговоры. Не та же-ли исторія повторилась и съ Курбскимъ? Положимъ, что названные вельможи дали, или другіе за нихъ поспѣшили дать рѣшительный отказъ на королевское приглашеніе (Ист. гос. Росс. т. IX, стр. 96); что же сказать о Курбскомъ?—То, что онъ не могъ положительно отказаться отъ предложеній Сигизмунда; его прошедшее было такъ низко оцѣнено, что онъ невольно ожесточался »воспоминая свои прежнія послуги«; его настоящее было такъ шатко, что вызывало на самыя грустныя предчувствія; его будущее было такъ неопредѣленно и мрачно, что онъ не постигалъ, какъ его встрѣтить, какъ пережить! Курбскій могъ колебаться, и, заглядывая въ душу его, можно чувствовать, что колебанія были самыя тяжелыя и мучительныя. Курбскій видѣлъ предъ собою два пути, равно стоющихъ одинъ другаго: или бѣжать и спасти жизнь, но навсегда разлучиться съ »милымъ отечествомъ« (Акт. врем. комм. т. II, стр. 306), быть можетъ явиться врагомъ его, врагомъ своихъ безграничныхъ симпатій, или остаться въ Россіи, но съ часу на часъ ждать ужасной участи всѣхъ бояръ, достойныхъ многихъ опалъ и казней. Онъ можетъ быть чувствовалъ, что найдутся люди, которые не смогутъ войти въ его положеніе, заклеймятъ его позорнымъ именемъ измѣнника и клятвопре-

ступника и съ презрѣніемъ отворотятся отъ него (Ист. гос. Росс. т. IX, стр. 114); но чувство самосохраненія, страхъ умереть не на полѣ битвы со славою и честью героя, а погибнуть беззащитною жертвою чужой подозрительности и неумолимаго каприза — дѣлали свое дѣло. Вотъ тутъ-то и зародилась въ душѣ Курбскаго та внутренняя, истинно трагическая борьба нравственнаго долга съ могучимъ чувствомъ самосохраненія, которая (борьба) такъ ярко обрисовалась въ его откровенной бесѣдѣ съ женою! Вотъ эти-то вопросы, вопросы жизни и смерти сковали, помутили умъ и волю Курбскаго! При подобныхъ обстоятельствахъ человѣкъ радъ бываетъ ухватиться за самый ничтожный случайный признакъ и въ немъ видѣть свою путеводительную звѣзду, — будетъ-ли то дѣтскій лепетъ, будутъ-ли то слова на удачу раскрытой книги. Такъ случилось и съ Курбскимъ. Гордый бояринъ, не терявшій присутствія духа на полѣ битвы въ самыя трудныя минуты, встрѣчавшій смерть съ удивительнымъ геройствомъ и неустрашимостью, — теперь не могъ совладать съ самимъ собою, и прибѣгаетъ за совѣтомъ къ простой »бабѣ« (Сказ. Курб. стр. 67). Голосъ жены, повторяю, послужилъ Курбскому путеводительною звѣздою.

Такимъ образомъ на бѣгство Курбскаго мы имѣемъ, кажется, полное основаніе смотрѣть какъ на естественное слѣдствіе гнетущей необходимости, къ которой впрочемъ примѣшивалась доля участія его характера.

Въ какой же мѣрѣ это послѣднее заявленіе оправдываетъ личность Курбскаго?

Надобно замѣтить, что Курбскій представляетъ собою личность совершенно особаго закала. Онъ принадлежитъ къ разряду тѣхъ людей, которые мало руководятся чужимъ вліяніемъ и чуждаются духа партій; но если имъ представится необходимость постоять за свои убѣжденія, то они постоять ужъ за себя съумѣютъ. Борьба ихъ съ препятствіями обыкновенно бываетъ упорная и рѣшительная, и оканчивается непремѣнно однимъ изъ двухъ: или они падаютъ сраженными наповалъ, или же непріятель ихъ бываетъ подорванъ окончательно. Дѣйствовать вполовину или полумѣрами они не станутъ, да и не могутъ. Такова отличительная черта русскаго нрава; таковъ былъ и Курбскій. Нравственная порча современнаго общества его не заѣла; она отразилась на немъ гораздо менѣе, чѣмъ на комъ другомъ, и Курбскій остался вѣренъ своей натурѣ во всю свою жизнь. Знаком-

ство наше съ Курбскимъ начинается съ того, что онъ въ раннихъ лѣтахъ, не имѣя опытныхъ руководителей, не имѣя можетъ быть подобнаго примѣра предъ глазами, берется за книгу и съ нею проводить свою юность (Акт. врем. комм. т. II, стр. 311). Когда является на полѣ битвы, то, въ виду грозящей опасности, онъ уже не пятится назадъ, но идетъ напроломъ, не взирая ни на какія опасности. Когда берется за науку, то и тутъ ни на іоту не измѣняетъ своей натурѣ,—въ преклонныхъ лѣтахъ берется за латинскую грамматику и изучаетъ всѣ тонкости языка, имѣя въ виду овладѣть предметомъ не на половину по вполнѣ. Наклонности натуры Курбскаго весьма замѣтно обозначаются уже въ довольно раннихъ лѣтахъ его (Акт. врем. комм. т. II, стр. 310), и внѣшнія обстоятельства вовсе не своротили его съ прямаго пути,—какъ это весьма часто бываетъ съ людьми болѣе или менѣе слабыми, легко поддающимися. Эти обстоятельства только на время могли пріостановить и дѣйствительно пріостановили его любимыя занятія книжнымъ дѣломъ (тамъ же стр. 311).

Судьба довольно рано свела Курбскаго съ Іоанномъ Грознымъ. Оба они замѣтили другъ въ другѣ задатки высшей силы, сразу отличили другъ друга и сошлись скоро до дружбы; но оба сначала не поняли другъ друга. При постепенномъ сближеніи, они болѣе и болѣе должны были подмѣчать разность въ своихъ убѣжденіяхъ. Пока дѣло касалось мелочей, до тѣхъ поръ примиреніе и даже дружба между ними были возможны; но когда дѣло коснулось вопросовъ болѣе серьёзныхъ и существенныхъ, тогда по-неволѣ должна была между ними завязаться борьба. Она и завязалась. Зная отличительныя особенности характеровъ Іоанна Грознаго и Курбскаго, можно было предугадывать, что одному изъ нихъ не сдобровать. Высшаго авторитета, на который въ рѣшительную минуту имъ можно было-бы положиться, для нихъ не существовало; примирить ихъ было некому. Оставалось рѣшить дѣло однѣми собственными силами. Но дѣло въ томъ, что средства для борьбы слишкомъ неравны. На сторонѣ Іоанна Грознаго была сила нравственная и главнымъ образомъ сила физическая; на сторонѣ Курбскаго была исключительно сила нравственная, т. е. сила сознательно выработанныхъ убѣжденій. При такихъ условіяхъ побѣда должна остаться конечно не на сторонѣ послѣдняго.

По характеру дѣятельности Курбскій далеко не былъ похожъ на остальныхъ бояръ своего времени. Тѣ, по крайней мѣрѣ въ значитель-

номъ большинствѣ, преслѣдовали свои цѣли разными окольными путями, хитростію, пронырствомъ, заискиваніемъ. О Курбскомъ этого сказать нельзя. Въ его дѣйствіяхъ мы должны предположить обдуманность плана, сдержанность и аккуратность при его выполненіи и, пожалуй, гуманность въ средствахъ. Оттого первые весьма часто достигаютъ блестящихъ результатовъ; но не менѣе часто и проигрываютъ все до тла; благо дѣло если еще не упадутъ въ ту яму, которую готовили для другаго. Курбскаго же, который вообще чуждъ всякаго рыска и увлеченія, мы не можемъ обвинить въ какихъ-нибудь слишкомъ грубыхъ ошибкахъ, вызывавшихъ на раскаяніе. Онъ дѣйствовалъ прямо и рѣшительно, не скрывая своихъ убѣжденій, гдѣ это нужно. Но этимъ самымъ,—своимъ неумѣніемъ хитрить, маскироваться и приноравливаться къ обстоятельствамъ, онъ повредилъ самъ себѣ. Чѣмъ болѣе онъ обнаруживалъ свои убѣжденія предъ Іоанномъ, тѣмъ менѣе могъ разсчитывать на довѣріе съ его стороны; общаго между ними по крайней мѣрѣ въ существенныхъ чертахъ ничего не было. И хотя въ этомъ не было также ничего и вреднаго или опаснаго для Іоанна, но—таково ужъ убѣжденіе подозрительнаго человѣка: все, что не у ногъ его, то противъ него! Что же за тѣмъ?

Іоанну слѣдовало-бы обстоятельно объясниться съ Курбскимъ,—вѣдь считалъ же онъ его своимъ другомъ. Вмѣсто этого мы вотъ что узнаемъ изъ откровеннаго сознанія самаго Іоанна: »лжей и измѣнъ, ихъ же еси не сотворилъ, на тебя не взваживали есмя; а которые еси свои проступки дѣлалъ, и мы по тѣмъ твоимъ винамъ по тому *и наказаніе чинили..... Кое наказаніе мало бывало на тебѣ, и то за твои преступленія* (Сказ. Курб. стр. 212).

Пусть кто угодно обвиняетъ Курбскаго въ отсталости убѣжденій, въ узкости идеаловъ и стремленій, но Іоаннъ Грозный въ указанномъ случаѣ дѣйствовалъ не въ примѣръ опрометчивѣе, дабы не сказать болѣе. Наказанія должны имѣть вообще характеръ исправительный. Это весьма отчетливо понималъ и Грозный, по крайней мѣрѣ, ссылаясь на приведенныя слова его, мы имѣемъ полное основаніе такъ думать. Чего же ожидалъ Іоаннъ Грозный, чего желалъ достигнуть, »чиня наказанія« Курбскому? могъ-ли онъ разсчитывать на то, что ему этимъ путемъ удастся исправить или, вѣрнѣе, передѣлать его на свой ладъ? Наказанія могутъ дѣйствовать болѣе или менѣе исправительно только на людей недоразвитыхъ и на людей слабыхъ характеромъ, робкихъ,

не вѣрящихъ въ собственныя силы, легко поддающихся чужому вліянію. Что касается людей совершенно развитыхъ, крѣпкихъ въ своихъ убѣжденіяхъ, чувствующихъ свое нравственное превосходство или пожалуй равенство, то на нихъ наказанія обыкновенно оказываютъ совершенно обратное дѣйствіе. Въ первомъ случаѣ является гнетущій деспотизмъ съ одной стороны и всецѣлое, безотчетное, рабское подчиненіе генію авторитета съ другой; въ послѣднемъ случаѣ, при столкновеніи лицъ равносильныхъ по убѣжденіямъ, гордыхъ своими наличными достоинствами, мы замѣчаемъ упорное стремленіе къ преобладанію съ одной стороны и не менѣе упорную реакцію съ другой. При этомъ самая реакція можетъ быть весьма разнообразна по своимъ проявленіямъ, какъ разнообразны характеры дѣйствующихъ лицъ, какъ разнообразны ихъ наличныя средства. Въ этомъ случаѣ реакція обнаруживается или хитростью, обманомъ, внѣшнимъ подчиненіемъ, тайнымъ преслѣдованіемъ своихъ цѣлей; или же открытымъ заявленіемъ своего неудовольствія, которое невольно доводитъ до окончательнаго разрыва и подчасъ до трагической развязки. Къ характерамъ этого послѣдняго рода я отношу Сильвестра, митрополита Филиппа, Максима Грека, патріарха Никона и мн. др.; сюда же необходимо отнесть и Курбскаго. Курбскій былъ весьма увѣренъ въ основательности своихъ убѣжденій и честности своего образа дѣйствій [1]); но видя, какъ пре-

[1]) Если эту увѣренность желаютъ заподозрить въ самомъ корнѣ ея (Горск. стр. 177), то это, мнѣ кажется, ошибка историческая. Если Курбскій упрекаетъ Вассіана въ томъ, что этотъ не доказывалъ Іоанну правъ боярскаго совѣта священнымъ писаніемъ; если самъ Курбскій держится того же правила (Горск. стр. 257—260 и др.); если Сильвестръ поучаетъ Іоанна священнымъ писаніемъ (281), то въ этомъ нѣтъ никакого злоупотребленія религіею или кощунства. Іоаннъ Грозный въ своемъ письмѣ къ Курбскому дѣлаетъ то же самое. Высказывая, что для него существуетъ одинъ только Божественный авторитетъ, прикрывая свои поступки именно этимъ авторитетомъ, Іоаннъ тѣмъ самымъ ставитъ и Курбскаго въ необходимость обращаться именно къ этому авторитету. Но и помимо всего этого историкъ не долженъ опускать изъ виду, что подобное явленіе, то-есть обращеніе къ Божественному авторитету во всѣхъ сферахъ жизни, вытекало изъ того взгляда на религію, которымъ русскій человѣкъ вообще отличается. Раскройте проповѣди и посланія Ѳеодосія Печерскаго, Кирилла II, Серапіона и всѣхъ обличительныхъ проповѣдниковъ включительно до послѣднихъ дней; читайте Нестора, Даніила Паломника и др., и вы увидите, что всѣ они въ большей или меньшей мѣрѣ придерживаются

зрительно Іоаннъ относился къ этой основательности и этой честности, онъ не могъ равнодушно переносить этого: его нравственныя достоинства были унижены, его самолюбіе было оскорблено до послѣдней степени. Іоанну вовсе не наказаніями слѣдовало дѣйствовать на Курбскаго. Ему нужно было заявить собственный складъ убѣжденій, доказать ихъ основательность или умѣстность въ данное время, и за тѣмъ показать всю нелѣпость или несвоевременность убѣжденій Курбскаго; и не въ ту пору, когда Курбскій бѣжалъ, когда слѣдовательно сближеніе съ Іоанномъ сдѣлалось невозможнымъ, но гораздо раньше этого; вѣдь имѣлъ же онъ случаи публично предъ народомъ произносить свою исповѣдь. Еслибы и послѣ этого Курбскій сталъ упорствовать, тогда онъ былъ-бы кругомъ виноватъ; тогда »не благодарности отъ потомства онъ могъ ожидать въ награду«,... потому что »не хотѣлъ-бы понять переворота, совершавшагося въ его время на Руси«,.... потому что являлся-бы можетъ быть »врагомъ развитія человѣчества« (Горск. стр. 53, 414); и Іоаннъ, не боясь отвѣтственности предъ судомъ исторіи, имѣлъ-бы право не только чиновъ посбавить и уряды отобрать у Курбскаго, но даже, для *устрашенія* крамольника, казнить его (340). При томъ же порядкѣ дѣлъ, какой былъ въ дѣйствительности, если Іоаннъ Грозный и могъ сказать въ свое оправданіе только: »како и самодержецъ наречется, аще не самъ правитъ« (Горск. стр. 368); если онъ »достигъ до самаго высокаго понятія о царской власти« (Ист. Россіи Сол. т. VI, стр. 188), но не заявилъ своихъ понятій во время, — при этихъ обстоятельствахъ личность Курбскаго должна быть свободна отъ всякихъ обвиненій и укоровъ; мало того, она скорѣе вызываетъ на искреннее участіе, а не на осужденіе, потому что накликала на себя бѣду вслѣдствіе простой случайности.

того же метода. Всякое необыкновенное явленіе въ мірѣ физическомъ: комета, солнечное затменіе, землетрясеніе; всякая неурядица въ мірѣ политическомъ: война, грозное правительство, тяжелыя испытанія въ житейскомъ быту: голодъ, моръ, пожары и т. п. все признается или дурнымъ предзнаменованіемъ, посылаемымъ свыше, или заслуженнымъ наказаніемъ Божіимъ. Такимъ образомъ если Сильвестръ истолковалъ наказаніемъ Божіимъ Московскій пожаръ, возмущеніе черни и еще какія-то »дѣтскія страшила« (Горск. стр. 301, 303), если онъ, понявъ неумѣстность своего пребыванія при дворѣ, удалился въ монастырь (282), то въ этомъ рѣшительно нѣтъ ничего выходящаго изъ ряда самыхъ обыкновенныхъ явленій; самъ Іоаннъ за нѣсколько мгновеній до смерти постригся въ монахи. Подобныя явленія совершенно въ натурѣ людей, воспитанныхъ на строгихъ религіозно-нравственныхъ основахъ.

Говорятъ: »дѣятельность и понятія Курбскаго были совершенно противоположны той идеѣ, осуществленіе которой положилъ Іоаннъ въ возглавіе своей дѣятельности. Идея эта вознесла Іоанна выше понятій вѣка, она вознесла его на высоту недосягаемую, недоступную для современниковъ« (Горск. стр. 412). Курбскій »вовсе не понималъ или не хотѣлъ понять (ужъ одно бы что-нибудь, въ противномъ случаѣ читатель ставится въ недоумѣніе, за что обвинять Курбскаго: за непониманіе или за нежеланіе понять) переворота, совершавшагося въ его время на Руси« (стр. 53)

Въ нашей отечественной исторіи двѣ личности обращаютъ на себя особенное вниманіе по своимъ слишкомъ крутымъ отношеніямъ къ подданнымъ—Іоаннъ Грозный и Петръ Великій. Оба они враждовали съ своимъ вѣкомъ; оба прибѣгали къ пыткѣ и казнямъ, не обращая особеннаго вниманія на знатность рода, на личныя или служебныя преимущества; »нещадные« батоги, ссылка, лишеніе имущества въ большинствѣ случаевъ рѣшали недоумѣнія между ними и подданными. Но есть-ли между этими двумя личностями что-нибудь общаго? Рѣшительно нѣтъ. Петръ Великій ясно и точно обозначилъ свои идеалы, поднять Россію до той степени совершенства, какую онъ видѣлъ на западѣ. Хороши-ли, дурны-ли идеалы это уже другое дѣло; но онъ заявилъ свои стремленія. Общество, современное Іоанну Грозному, знало ли къ чему стремится и изъ-за чего ратуетъ его правитель? »Идеи поставили Іоанна выше понятій вѣка«, высказалъ-ли онъ хотя однимъ словомъ, хотя однимъ намекомъ эти идеи? да и каковы были эти идеи? »Іоаннъ хлопоталъ о томъ, чтобы идеѣ государственной дать торжество надъ началами ей противоположными,.... потому что видѣлъ въ ней поруку славы и благоденствія отечества«. Откуда же намъ извѣстно, что онъ хлопоталъ именно изъ-за государственной идеи? Если онъ *видѣлъ* въ ней поруку славы и благоденствія отечества, то когда же и какъ онъ высказалъ свой взглядъ на это? Какъ откликнулось современное общество на заявленія своего государя? Далѣе; чѣмъ гарантировалъ Іоаннъ благодѣтельные результаты торжества государственной идеи? чѣмъ заохотилъ къ дѣятельности своихъ подданныхъ, которымъ онъ долженъ былъ посвятить свою жизнь и дѣятельность? и не это-ли торжество государственной идеи и благоденствіе отечества выразили бояре, выбиравшіе на престолъ Владиміра Андреевича Старицкаго? Допустимъ, что Курбскій ратовалъ за старину,

видѣлъ свой идеалъ въ прошедшемъ (Горск. стр. 414); чѣмъ же Іоаннъ Грозный доказалъ нелѣпость или несвоевременность его идеаловъ и стремленій? »Іоаннъ хлопоталъ о томъ, чтобы идеѣ государственной дать торжество надъ началами ей противуположными«; чѣмъ же виноватъ Курбскій и чѣмъ виновато современное общество, если эта идея не восторжествовала надъ началами противоположными? Не самъ-ли Іоаннъ поколебалъ торжество этой идеи? не онъ-ли собственноручнымъ убійствомъ сына пріостановилъ ея дальнѣйшее развитіе почти на цѣлое столѣтіе? »Когда царь Иванъ Васильевичь Грозный говорилъ: »я хочу завоевать Лифляндію, хочу утвердиться на берегу Балтійскаго моря«; ему отвѣчали на это самые близкіе совѣтники, которыхъ мы до сихъ поръ не отвыкли называть лучшими его внушителями, относить къ лучшимъ людямъ того времени, Сильвестръ и Адашевъ: за чѣмъ идти туда, не лучше-ли завоевать Крымъ, идти по старому пути«. Такимъ образомъ, онъ находилъ на самыхъ первыхъ порахъ нерасположеніе, неохоту служить ему, онъ не встрѣчалъ никакого сочувствія къ себѣ и своимъ планамъ« (»Заря« 1871 г., мартъ, стр. 86).

Желаніе »идти по старому пути« для насъ совершенно понятно; борьба съ бусурманами, безпрестанно тревожившими Русскія области, уводившими въ плѣнъ христіанъ, считалась священнымъ подвигомъ въ глазахъ каждаго русскаго человѣка. Стремленіе къ завоеванію прибалтійскихъ областей было дѣйствительно великимъ стремленіемъ, предъ которымъ благоговѣлъ и Великій преобразователь Россіи Петръ; но оно далеко не могло быть понятно ни для современниковъ Петра, ни тѣмъ болѣе для простыхъ смертныхъ, окружавшихъ Іоанна Грознаго (Ист. Россіи Сол. т. VI, стр. 99). Что же Іоаннъ Грозный заявилъ въ оправданіе своего желанія утвертиться на берегу Балтійскаго моря? не извѣстно; Іоаннъ можетъ быть понималъ всю невозможность завоеванія Крыма и удержанія его подъ своею властью (Ист. Россіи стр. 125), и его вполнѣ оправдываетъ исторія: бѣдственные походы Голицына въ концѣ XVII в. и не менѣе бѣдственные хотя блистательные походы фельдмаршала Миниха въ XVIII в. Ничего подобнаго въ свое оправданіе не могъ сказать Іоаннъ Сильвестру и Адашеву, предлагавшимъ идти по старому пути; мало того, современная дѣйствительность говоритъ скорѣе въ пользу этихъ послѣднихъ: борьба съ Крымомъ была-бы, по мнѣнію современниковъ Іоанна, продолженіемъ того священнаго дѣла, которое такъ блистательно начато завоеваніемъ Казан-

скаго царства; чтожъ удивительнаго, если они не могли сочувствовать планамъ Іоанна, которыхъ не понимали? Если политическій идеалъ Грознаго былъ выше понятій вѣка (Заря... стр. 89), въ такомъ случаѣ исторія не оправдываетъ Іоанна, который придерживался убѣжденія: »до сихъ поръ Русскіе владѣтели не давали отчета никому«.... (Ист. Россіи т. VI, стр. 188 *).

Наконецъ осмыслилъ-ли Іоаннъ характеръ и направленіе своей дѣятельности?

Петръ Великій казнитъ всякаго, кто идетъ противъ его реформы; но щадитъ лицъ, раздѣляющихъ его убѣжденія; дорожитъ людьми умными, хотя бы на нихъ и лежала нѣкоторая тѣнь измѣны (П. А. Толстой, участвовавшій въ замыслахъ Софьи, Стефанъ Яворскій и др.); Іоаннъ Грозный казнитъ безъ разбора праваго и виноватаго. Петръ Великій обрѣзываетъ своимъ боярамъ бороды, (пощадивши сѣдую бороду старика Черкасскаго), надѣваетъ на нихъ нѣмецкое платье; Іоаннъ Грозный обрѣзываетъ имъ уши, обливаетъ ихъ кипяткомъ, обшиваетъ въ медвѣжью шкуру для травли собаками; монаховъ наказываетъ лишеніемъ сана, міряпъ постриженіемъ въ монашество. Петръ Великій безпощадно караетъ всякую измѣну, но, какъ человѣкъ холодной разсудительности, онъ всякимъ казнямъ предпосылалъ самые строгіе розыски; вслѣдствіе этого насильственная смерть близкихъ ему людей никогда не доводила его до раскаянія. Іоаннъ Грозный, человѣкъ по преимуществу чувства, весьма часто предаетъ смерти подъ вліяніемъ страсти, въ порывахъ гнѣва; оттого въ немъ весьма не рѣдко проявляются слѣды самаго горькаго раскаянія. Петръ Великій и въ удовольствіяхъ умѣлъ преслѣдовать свои преобразовательныя цѣли (ассамблеи); Іоаннъ Грозный минуты отдохновенія проводилъ то въ разгульныхъ пирахъ, то въ монашеской схимѣ. Что же все это значитъ? То, что Петръ дѣйствовалъ для блага общества; онъ не зналъ иной славы, кромѣ славы Россіи (Русская Ист. Устрялова, ч. 2, стр. 20); всѣ его учрежденія и

---

*) Умѣстно-ли слѣдующее заявленіе? Если *исторія* оправдываетъ политическіе идеалы Іоанна Грознаго, то мы имѣемъ полное основаніе утверждать, что *исторія* оправдываетъ и бояръ-»крамольниковъ«, »не сожелавшихъ подчиниться сыну Іоанна, желавшихъ отдать престолъ совершенно другому роду, роду его двоюроднаго брата« (Заря... стр. 89); дѣло въ томъ, что царевичъ Димитрій, котораго Іоаннъ назначилъ наслѣдникомъ престола, умеръ чрезъ нѣсколько недѣль послѣ »крамолы«.

мѣры имѣютъ исключительно этотъ характеръ; между тѣмъ Іоаннъ Грозный, вслѣдствіе-ли своей подозрительной натуры, вслѣдствіе-ли другихъ обстоятельствъ, интересы общества и государства хотѣлъ подчинить своимъ собственнымъ; оттого онъ и практикуетъ мѣры, негодность или тяжесть которыхъ онъ вполнѣ сознаетъ (Ист. гос. Росс. т. IX, стр. 118; Ист. Россіи т. VI, стр. 392). Дѣйствительно, Петръ, во время своихъ заграничныхъ путешествій получивъ извѣстіе о сильныхъ безпорядкахъ въ родномъ отечествѣ, о заговорахъ и возмущеніяхъ, спѣшитъ въ Россію, чтобы наказать нарушителей порядка, водворить миръ и спокойствіе; Іоаннъ Грозный, только воображая на каждомъ шагу измѣну, хочетъ бѣжать въ Англію. Петръ Великій безстрашно являлся среди скопища злодѣевъ, посягавшихъ на его жизнь, вполнѣ оправдывая свои слова: »Петру жизнь не дорога; только-бы жила Россія въ блаженствѣ и славѣ« (Устр. ч. 2, стр. 21, 20). Іоаннъ Грозный, заподозривъ всѣхъ бояръ своихъ, спѣшитъ удалиться отъ нихъ, чтобы съ ними не имѣть никакихъ сообщеній, набираетъ новый штатъ бояръ, окольничихъ и т. д. и покидаетъ Москву, хотя и ничего не имѣлъ противъ массы гостей и простыхъ горожанъ Московскихъ (Ист. Россіи т. VI, стр. 196). Оттого »одинъ имѣлъ подъ руками вѣрныхъ и готовыхъ служить ему сотрудниковъ, у другаго же такихъ сотрудниковъ не оказалось« (Заря, 1871 г. мартъ, стр. 86); оттого у Петра Великаго дѣятельными помощниками являются: Лефортъ, Шейнъ, Шереметевъ, Остерманъ, Брюсъ, Ѳ. Прокоповичъ и мн. др., отчетливо понимавшіе стремленія реформатора, выяснявшіе народу и проводившіе въ жизнь его идеи; между тѣмъ Іоаннъ Грозный, который »имѣлъ собственный разсудокъ« (Горск. стр. 251), которому нечего слушать »непрошенаго боярскаго совѣта« (13), мало-по-малу то побилъ, то поразогналъ своихъ помощниковъ и въ концѣ-концовъ остался съ однимъ ревностнѣйшимъ приверженцемъ и исполнителемъ своихъ плановъ — Малютою Скуратовымъ. (Оттого Петръ за свои благодѣтельныя реформы, которыя проводилъ онъ съ такою неумолимою жестокостью, въ памяти народа и въ наукѣ остался *Великимъ*; между тѣмъ »колоссальная личность« (Горск. стр. 293) его предшественника, желавшая »своими благодѣтельными реформами возвеличить Россію« (412), названа Іоанномъ *Грознымъ*).

Чѣмъ же послѣ этого объяснить странное противорѣчіе въ историкѣ, который всецѣло оправдываетъ Іоанна Грознаго и безусловно

обвиняетъ Курбскаго, не обращая вниманія на то, что оба они обнаруживаютъ въ сущности одни и тѣ же стремленія; въ самомъ дѣлѣ, кому не мила жизнь, кому не страшна смерть, а тѣмъ болѣе смерть медленная, мучительная?!... Но кто болѣе виноватъ предъ судомъ исторіи,—тотъ-ли, который, для охраненія собственной жизни, казнитъ десятки тысячъ людей, не разбирая праваго и виноватаго, который, только подозрѣвая вездѣ и во всемъ измѣну, жертвуетъ цѣлыми селеніями и городами, который наконецъ вполнѣ сознаетъ, что его поступками и отношеніями заправляетъ злость и гнѣвливость (Ист. Россіи т. VI, стр. 279); или же болѣе виноватъ тотъ, который, спасая собственную жизнь, бѣжать отъ грѣха, съ глубокимъ убѣжденіемъ прилагая къ себѣ слова Спасителя: аще гонятъ васъ въ одномъ градѣ, бѣгайте въ другой?

»Какъ ты не постыдишься раба твоего Васьки Шабанова (который подалъ Іоанну письмо ото своего господина)? онъ благочестіе свое соблюлъ: предъ царемъ и предъ всѣмъ народомъ, при смертныхъ вратахъ стоя, ради крестнаго цѣлованія тебя не отвергся, но хвалилъ тебя и былъ готовъ за тебя умереть. А ты такому благочестію не поревновалъ« (Ист. Россіи т. VI, стр. 191), упрекаетъ Іоаннъ Грозный Курбскаго, а за нимъ повторяютъ этотъ упрекъ и другіе.

Жертвовать жизнію за выработанныя убѣжденія, за благополучіе государя и отечества конечно похвально, и честь Курбскому, если онъ успѣлъ заявить себя съ этой стороны, если онъ цѣною жизни и крови купилъ себѣ имя героя! (Горск. стр. 42). Но жертвовать жизнію для того только, чтобы въ личности какъ нибудь не оскорбить принципъ,—какъ хотите, есть нѣкоторой признакъ фанатизма. Если допустимъ, что Курбскій своимъ бѣгствомъ въ личности Іоанна Грознаго оскорбилъ принципъ царской власти, данной отъ Бога, если онъ приписывалъ »Іоанну всѣ преступленія, какія только можетъ выдумать человѣкъ«, и этимъ самимъ еще больше усиливалъ »тяжесть своей вины« (Горск. стр. 216): то какъ мы должны смотрѣть на тѣ случаи, когда примѣрные русскіе патріоты, не запятнавшіе себя никакою измѣною, незамѣшанные ни въ какихъ крамолахъ, съ мужествомъ принимаютъ смерть отъ Іоанна какъ отъ царя, но въ ту же пору неистово проклинаютъ его какъ человѣка (Ист. гос. Росс. т. IX, стр. 139; Сказ. Курб. стр. 364). Не есть-ли это также оскорбленіе принципа въ личности, только нѣсколько въ иной формѣ? А митрополитъ Филиппъ что говоритъ?

»Не узнаю царя православнаго въ дѣлахъ царства!... отколѣ сіяетъ солнце на небѣ не видано не слыхано, чтобы цари благочестивые возмущали собственную державу столь ужасно! Въ самыхъ невѣрныхъ языческихъ царствахъ есть законъ и правда, есть милосердіе къ людямъ,—а въ Россіи нѣтъ ихъ! Достояніе и жизнь гражданъ не имѣютъ защиты. Вездѣ грабежи и убійства совершаются именемъ царскимъ,... вездѣ льется кровь неповинная христіанская« (Ист. гос. Росс. т. IX, стр. 100)? Не есть-ли это также оскорбленіе принципа въ его проявленіи? Сознавалъ-ли митрополитъ тяжесть вины своей, когда онъ такъ безпощадно осуждалъ царя и притомъ всенародно?! И святитель, во имя своего званія, какъ »пастырь стада Христова«, торжественно, въ церкви проповѣдуетъ: »наше молчаніе грѣхъ на душу твою налагаетъ и смерть наноситъ«! (Ист. Россіи т. VI, стр. 200).

На обвиненіе Курбскаго въ нарушеніи клятвы я нахожу умѣстнымъ отвѣтить (если это важно) весьма резонными заявленіями самого же Курбскаго: »Ты (о царю!) называешь насъ измѣнниками, потому что мы принуждены были отъ тебя по неволѣ крестъ цѣловать, *какъ тамъ есть у васъ обычай,* а если кто не присягнетъ, тотъ умираетъ горькою смертію: на это тебѣ мой отвѣтъ: всѣ мудрецы согласны въ томъ, что если кто присягнетъ по неволѣ, то не на томъ грѣхъ, кто крестъ цѣлуетъ, но преимущественно на томъ, кто принуждаетъ, еслибъ даже и гоненія не было« (Ист. Россіи т. VI, стр. 186). Какихъ здѣсь мудрецовъ разумѣетъ Курбскій, неизвѣстно; но я невольно припоминаю, что говоритъ по этому поводу одинъ изъ извѣстнѣйшихъ церковныхъ учителей конца XV вѣка Вассіанъ въ извѣстной рѣчи своей къ Іоанну III: »Если ты, (Боголюбивый царь!) скажешь: мы подъ клятвою отъ прародителей — не поднимать руки противъ царя—послушай!—когда клятва дана *по нуждѣ, прощать и разрѣшать отъ нея повелѣно намъ...* Лучше *солгавши животъ* получить, нежели *инстинствуя* погибнуть« (Ист. Р. Слов. Шев. ч. 4, стр. 32).

Наконецъ, что сказать о такихъ заявленіяхъ, какъ »гнѣвъ Божій тяготѣлъ надъ несчастными бѣглецами« (Акт. врем. комм. т. I, стр. XLI); »своимъ примѣромъ Курбскій доказалъ, что для измѣнниковъ не существуетъ прочнаго счастья« (Горск. стр. 183)? Эти и подобныя имъ выраженія, по моему крайнему разумѣнію, едвали могутъ имѣть мѣсто въ историческомъ изслѣдованіи. Они могутъ быть интересны, даже нравственно-поучительны скорѣе въ догматическихъ трактатахъ; но и

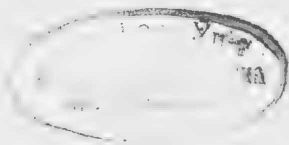
тамъ рядомъ съ ними должно кажется имѣть мѣсто и то, что видимое бѣдствіе не всегда наказаніе. Дѣйствительность историческая вполнѣ подтверждаетъ это положеніе. Стоитъ припомнить тѣ страданія, которыя вытерпѣла вся югозападная Русь подъ деспотическимъ владычествомъ Польши, дабы видѣть, что не одни *измѣнники*, или *бѣглецы* не имѣютъ прочнаго счастья; не имѣютъ, даже можетъ быть не знаютъ его и люди, которыхъ никто не думаетъ подозрѣвать въ какой-бы то ни было измѣнѣ. Мало того, есть возможность наблюдать и совершенно противоположныя явленія. Извѣстно, что въ періодъ того же гнетущаго владычества Польши многія аристократическія фамиліи югозападной Россіи, принадлежащія къ православной церкви, подвергались самымъ беспощаднымъ преслѣдованіямъ, какія только могла придумать хитрая іезуитская тактика. Извѣстно также, что единственнымъ спасеніемъ отъ этихъ преслѣдованій, весьма упрочивающимъ »счастье«, служило именно то, что мы привыкли называть *измѣною*. Какъ на болѣе рѣзкій примѣръ подобнаго явленія, притомъ примѣръ ближайшій ко временамъ Курбскаго, я могу указать на судьбу епископа Луцкаго и Острожскаго Кирилла Терлецкаго. Этотъ пастырь, скажемъ коротко, занявши епископскую каѳедру, заявилъ горячую ревность въ дѣлѣ поддержанія угнетаемаго православія; принялъ мѣры для благоустройства Луцкой епархіи; вывелъ на сцену злоупотребленія своихъ предшественниковъ, грабившихъ церковныя имущества и имущества бѣднаго простаго населенія; отстаивалъ права духовенства и исхлопоталъ ему полную независимость отъ гражданской власти въ дѣлахъ церковныхъ. Константинопольскій патріархъ Іеремія, во вниманіе къ этой дѣятельности, возвелъ Кирилла въ санъ экзарха и особливою грамотою далъ ему неограниченную власть на дѣла церкви и духовенства. Подобная дѣятельность и подобное вниманіе, очевидное дѣло, усилили его могучее вліяніе на дѣла православной церкви. Вслѣдствіе этого, ревностные католики не замедлили принять и съ своей стороны энергическія мѣры съ цѣлью подорвать вліяніе Кирилла Терлецкаго и склонить этого епископа на свою сторону. Исполнительную роль въ этомъ дѣлѣ принялъ на себя главнымъ образомъ староста Луцкій А. Семашко. Онъ началъ преслѣдовать Кирилла со всею ревностію ренегата: не дозволялъ ему священнодѣйствовать, запиралъ его въ церкви и морилъ по нѣсколько дней голодомъ, заводилъ въ церковныхъ притворахъ музыку и пляски захватывалъ церковныя имущества, нагло

оскорблялъ церковнослужителей, вмѣшивался въ духовную юрисдикцію епископа, принималъ жалобы отъ священниковъ, подвергнутыхъ Кирилломъ Терлецкимъ наказанію за порочную жизнь, и бралъ ихъ подъ свою защиту; требуя епископа на судъ къ себѣ, Семашко обходился съ нимъ грубо, называлъ его адвоката презрѣннымъ псомъ Русиномъ и публично въ судѣ уличалъ его въ развратной жизни. Подражая главному мѣстному начальнику и пользуясь ненаказанностію другіе, королевскіе сановники также притѣсняли епископа Кирилла и дѣлали нападенія на монастыри. Домогательства іезуитовъ завершились полнымъ успѣхомъ; епископъ Кириллъ Терлецкій, воспитанный въ роскоши и любившій земныя блага, не перенесъ оскорбленій, выпавшихъ на его долю, и призналъ себя побѣжденнымъ. Съ этихъ поръ преслѣдованія прекращаются; Кириллу возвращается прежній почетъ, но самъ епископъ дѣлается ревностнымъ поборникомъ уніи и покорнымъ орудіемъ іезуитской политики (Арх. югозап. Р. ч. 1, т. I, стр. XXIX—XLVII).

За тѣмъ мы имѣемъ возможность наблюдать цѣлый рядъ аристократическихъ фамилій югозападнаго края, которыя, издавна принадлежа къ православной церкви, *измѣнили* вѣрѣ отцовъ своихъ, приняли католичество и только этимъ избавились отъ тѣхъ вопіющихъ гоненій, какія воздвигли на нихъ вѣрные сыны римско - католической церкви. Эти гоненія начались со времени введенія уніи въ югозападномъ краѣ Россіи, захватили въ живыхъ Курбскаго, но не надорвали его; со всею же силою разразились въ 17 и 18 вв.

Что касается Курбскаго, то дѣйствительно, спасаясь въ Литвѣ отъ грозившей опасности, онъ попалъ изъ огня въ полымя. Жизнь его въ Литвѣ переполнена такими мрачными и безотрадными явленіями, отъ которыхъ невольно »слабѣетъ могучая сила воли, умираетъ энергія и дѣятельность« (Горск. стр. 204). Но, произнося нравственно-поучительный приговоръ надъ подобнымъ положеніемъ, не слѣдуетъ опускать изъ виду того, что оставилъ Курбскій на Руси, что могло ожидать его въ оставленномъ отечествѣ, гдѣ горѣлъ лютый огонь мучительства, гдѣ невинно гибли цѣлыя тысячи жертвъ отъ рукъ помазанника, гдѣ ни безграничная покорность, ни заслуги отечеству (Ист. гос. Росс т. IX, стр. 95—99, 262), ни сила семейныхъ привязанностей (139, 263, 349, 352) не смягчали ужаса пытокъ и казней; гдѣ нельзя было найти убѣжища предъ святилищемъ алтаря (18, 102, 104); гдѣ помазанникъ со спокойною совѣстію подписывалъ смертный при-

говоръ такому же помазаннику (143),—если мы все это будемъ имѣть въ виду, то убѣдимся, что участь Курбскаго была, конечно относительно, все-таки нѣсколько споснѣе. Онъ по крайней мѣрѣ умеръ не насильственною смертію, не жертвою ложнаго доноса палачей; его не мучили, не пытали, не поджаривали на угольяхъ; послѣ смерти тѣло его не было брошено на съѣденіе собакамъ (97, 99). Хотя онъ жилъ между людьми тяжкими и зело не гостелюбпыми, хотя, повторяю, жизнь его была переполнена самыхъ безотрадныхъ явленій, тѣмъ не менѣе онъ не безъ причины предпочиталъ оставаться въ Литвѣ, не смотря на то, что ему ничто не препятствовало возвратиться въ Россію. Дѣйствительно, живя въ Литвѣ, онъ имѣлъ возможность безопасно находить успокоеніе въ тѣхъ занятіяхъ, которымъ отъ природы былъ преданъ всею душею (Акт. врем. комм. т. II, стр. 308—310), которыя можетъ быть вполнѣ смываютъ его вины, сдѣланныя сознательно или по забывчивости (Ист. Россіи т. VI, сту. 191), которыми обезсмертилъ свое имя и за которыя въ правѣ разсчитывать на признательность и даже благодарность отъ потомства.

ОПЕЧАТКА.

—

На стр. ~~27 іюльской книжки въ ст. »Князь А. М. Курбскій«~~ въ строк. 8 ~~снизу~~ напечатано »кн. Курбскаго«; слѣдуетъ. »кн. Ковельскаго«.

[2p]

